Г
О 72

Осецкий
Полиспеный
собор.

1917.

27357/8
281.93
Покупка

А. ОСѢЦКІЙ.

ПОМѢСТНЫЙ СОБОРЪ.

СВОБОДНЫЙ ОПЫТЪ ОРГАНИЗАЦІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная типографія.
1917.

27357/8

Г
072

А. ОСѢЦКІЙ.

ПОМѢСТНЫЙ СОБОРЪ.

СВОБОДНЫЙ ОПЫТЪ ОРГАНИЗАЦІИ.

БИБЛИОТЕКА
Инст. ... профес.
27357/8° м

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная типографія.
1917.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Ивану Васильевичу

Годневу

посвящаетъ этотъ трудъ авторъ.

Рукою Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода написано:
„Согласенъ. Передать Тернавцеву“. *)

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Владиміръ Николаевичъ!

Покорнѣйше просимъ оказать Ваше содѣйствіе къ напечатанію труда А. А. Осѣцкаго „о Соборномъ Управленіи Церкви“ и къ разсылкѣ этого труда какъ всѣмъ причтамъ епархій, такъ и всѣмъ Членамъ Государственной Думы. Означенный трудъ А. А. Осѣцкаго мы считаемъ цѣннымъ вкладомъ въ церковныя библіотеки, необходимымъ для духовенства въ виду настоятельной необходимости созыва Россійскаго Помѣстнаго Собора въ ближайшій срокъ.

Члены Государственной Думы:

Священникъ *С. Крыловъ.*
Протоіерей *А. Трегубовъ.*
Протоіерей *Н. Гепецкій.*
Протоіерей *А. Станиславскій.*
Протоіерей *В. Якубовичъ.*
Протоіерей *П. Населенко.*
Протоіерей *Г. Алферовъ.*
Священникъ *А. Альбицкій.*
Проф. *Н. Каптеревъ.*
Протоіерей *Владиміръ Лентовскій.*
Протоіерей *Владиміръ Спасскій.*
П. Ярмоловичъ.

15 марта 1917 года.

---

*) В. А. Тернавцевъ, Управляющій Петроградской Сѵнодальной Типографіей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ является результатомъ пятилѣтняго общенія автора съ членами Государственной Думы 3-го (конца) и 4-го созывовъ въ формѣ кулуарныхъ бесѣдъ, объясненій въ комиссіяхъ и рѣчей, раздававшихся въ общихъ собраніяхъ Думы при разсмотрѣніи финансовыхъ смѣтъ и отдѣльныхъ законопроектовъ Святѣйшаго Синода.

Многочисленныя и неоднократныя указанія членовъ Государственной Думы на разныя нестроенія въ церковной жизни, глубокая скорбь, слышавшаяся въ голосахъ собесѣдниковъ при констатированіи быстро надвигающагося развала и личное сознаніе безнадежности позицій, защита которыхъ ставилась автору въ обязанность руководителями церковной политики въ до-революціонное время, побудили пишущаго настоящія строки пересмотрѣть весь историко-канонической и юридическій багажъ, съ которымъ онъ впервые явился въ Государственную Думу въ качествѣ представителя вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ итогѣ этого пересмотра была мысль попытаться начертать проектъ реформы высшаго

церковнаго управленія, въ формѣ трилогіи — Соборъ—Сѵнодъ—Оберъ-Прокуроръ,—на строго земскихъ или, въ приложеніи къ Церкви, на соборныхъ началахъ. Эти именно начала, какъ свидѣтельствовалъ обмѣнъ мнѣній, были наиболѣе пріемлемыми для народныхъ представителей, помощь которыхъ и только она одна, по мнѣнію автора, могла вывести Церковь изъ того тупика, куда влекли ее слѣпые вожди цезарепапизма.

Работа начата лѣтомъ 1914 года и окончена лѣтомъ же 1916 года, при чемъ за это время авторъ, отвлекаемый неблагопріятно слагавшимися обстоятельствами, по цѣлымъ полугодіямъ не могъ взяться за перо.

Это не могло, конечно, не отразиться на качествѣ работы. Теперь же, когда совершившійся великій переворотъ въ государственномъ строѣ повелительно зоветъ и Церковь на реформаціонный путь, авторъ не считаетъ возможнымъ держать своей работы подъ спудомъ подъ предлогомъ длительнаго во всякомъ случаѣ пересмотра труда и рѣшается отдать его на судъ читателя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ его пера еще въ до-революціонный періодъ, съ незначительными лишь поправками, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ церковно-политической жизни.

Въ несложной исторіи настоящей работы особое значеніе имѣли рѣчи члена Государственной Думы И. В. Годнева, широкая освѣдомленность

котораго въ исторіи Св. Сѵнода и изумительное для не-богослова по профессіи знаніе каноновъ съ особой силой толкали автора на путь провѣрки и творчества. Посвященіе перваго выпуска задуманной подъ впечатлѣніемъ этихъ рѣчей трилогіи именно И. В. Годневу является слабымъ выраженіемъ благодарности составителя своему ближайшему вдохновителю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озирая пройденный путь, ретроспективная память автора не можетъ не упомянуть съ теплымъ чувствомъ признательности именъ докладчиковъ по смѣтѣ Св. Сѵнода Е. П. Ковалевскаго, В. П. Шеина и В. А. Потулова, содокладчиковъ по смѣтѣ и членовъ Государственной Думы, выступавшихъ по церковнымъ вопросамъ: бурно-пламенныхъ борцовъ за церковную свободу почившаго В. А. Караулова и здравствующаго В. Н. Львова, М. И. Арефьева, гр. В. А. Бобринскаго, В. И. Дзюбинскаго, А. И. Звегинцева (почившаго), И. С. Клюжева, П. Н. Милюкова, А. А. Назарова, Н. Н. Опочинина (почившаго), А. С. Суханова, И. В. Титова, А. И. Шингарева, протоіереевъ и священниковъ: А. Л. Трегубова, І. Д. Дроздовскаго, П. Т. Населенко, Ѳ. Д. Филоненко и многихъ, многихъ другихъ, рѣчи и бесѣды которыхъ, то страстно-колющія, то вдумчиво-серьезныя, то задушевно-скорбныя, подбадривали автора къ терпѣливому завершенію задуманной работы.

И вамъ, крестные отцы церковно-литературнаго первенца, о.о. профессора Д. Н. Бѣликовъ,

А. П. Рождественскій и А. В. Смирновъ и всѣ тѣ, имена которыхъ начертаны здѣсь на особой страницѣ, авторъ шлетъ сердечный благодарный привѣтъ за любовь и ласку, оказанную его слабому труду въ различныхъ стадіяхъ его развитія.

Quod potui, feci. Чуждый преувеличенныхъ представленій о достоинствахъ работы, авторъ будетъ безконечно счастливъ, если его трудъ принесетъ хотя бы самую маленькую пользу въ общемъ великомъ дѣлѣ возрожденія церковной жизни на демократическихъ соборныхъ началахъ.

Петроградъ,
29 апрѣля 1917.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Россіи къ первой четверти XX столѣтія.

Въ длинной цѣпи реформъ, такъ страстно ожидаемыхъ русскимъ общественнымъ самосознаніемъ, реформа церковнаго управленія является одной изъ самыхъ неотложныхъ. Эта неотложность вызывается не только чисто-церковными, но и государственными интересами, такъ какъ, въ виду тѣсной связи русской Церкви съ государствомъ, церковныя реформы неминуемо должны отразиться и на столь же неотложныхъ реформахъ государственныхъ. Церковь, которой принадлежитъ крупная роль въ созиданіи и укрѣпленіи нашего отечества, должна и теперь показать примѣръ разумнаго обновленія своего строя и тѣмъ смягчить, облагородить формы грядущихъ государственныхъ и общественныхъ построеній. Этотъ примѣръ, помимо другихъ утилитарныхъ соображеній, полезенъ уже тѣмъ, что можетъ укрѣпить вѣковую связь государства съ Церковію,—связь, нынѣ видимо слабѣющую вслѣдствіе того, что церковное управленіе какъ будто сторонится живыхъ вѣяній, замыкаясь въ тѣсномъ кругѣ привычныхъ, но отжившихъ, понятій, древнихъ, но омертвѣлыхъ нынѣ, установленій. Эта замкнутость, это отчужденіе церковной власти отъ жизни, выражающееся теперь въ взаимной холодности отношеній между центромъ и периферіями, въ непониманіи другъ друга, въ концѣ концовъ грозитъ полнымъ разрывомъ между государствомъ

и Церковію, опаснымъ для одной только церковной власти. Такимъ образомъ, въ интересахъ этой власти стать на путь преобразованій. Къ этому зовутъ и многообразныя нестроенія въ русскомъ церковномъ управленіи. Еще Достоевскій сказалъ, что русская Церковь находится въ параличѣ. Пустъ это афоризмъ великаго писателя съ явнымъ смѣшеніемъ понятій (Церковь — въ смыслѣ правящей іерархіи),—тѣмъ не менѣе, его утвержденіе гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ обратныя завѣренія сторонниковъ существующихъ церковныхъ порядковъ.

Есть факты, отрицать которыхъ нельзя. Упадокъ вѣры и благочестія въ народѣ признаютъ и сами сторонники нынѣшняго положенія вещей. Безсиліе іерархіи удержать въ церковной оградѣ такую крупную интеллектуальную силу, какъ графъ Л. Н. Толстой, и почти всю русскую интеллигенцію съ ея богоискательствомъ въ сторонѣ отъ церковныхъ вѣяній—тоже фактъ общеизвѣстный. Упадокъ пастырскаго вліянія на народъ и въ то же время необыкновенный успѣхъ Чуриковыхъ, братцевъ Иванушекъ, монаховъ Власія (въ Сызрани) и Иннокентія (въ Балтѣ)—явленія неоспоримыя. Не болѣе высокъ и административный авторитетъ нынѣшней церковной власти. Отлученіе графа Толстого только увеличило его популярность. Увольненіе на покой епископа Гермогена во многихъ «правовѣрныхъ» кругахъ снискало ему ореолъ мученика за правду. Шумная исторія съ іеромонахомъ Иліодоромъ только потому не обратилась въ апоѳеозъ этого своеобразнаго поборника правды, что самъ борецъ нѣсколько поспѣшно засвидѣтельствовалъ о нѣкоторомъ несоотвѣтствіи своей жизни съ исповѣдуемыми имъ идеальными принципами. Такіе факты,—а ихъ можно указать великое множество,—свидѣтельствуютъ, что въ организмѣ русской Церкви что-то не-

ладно. Съ другой стороны, сѣтованія на бюрократизмъ, царящій въ сферахъ нашего церковнаго управленія, жалобы на цезаропапизмъ, съѣвшій внутреннюю свободу церковнаго самоопредѣленія, откровенныя указанія самихъ іерарховъ на «неканоничность» нашего церковнаго строя—все это печальные признаки надвигающагося, если уже не начавшагося, развала. Недовольство вѣдомствомъ православнаго исповѣданія стало общимъ явленіемъ. Недовольны архипастыри, тревожно слѣдящіе за вспыхивающими попытками ограничить ихъ фактически сложившееся неограниченное самовластіе, столь противное ученію Христа о смиреніи (Матѳ. XX, 25—28, Марк. X, 35 — 45, Лук. XXII, 24 — 27, Іоан. XII, 12 — 15). Недовольны пастыри и вообще клирики—единственная на Руси группа населенія, остающаяся въ крѣпостной зависимости отъ своихъ духовныхъ владыкъ и тщетно вопіющая объ измѣненіи ея правового положенія. Недовольны міряне, жаждущіе возвращенія догматически имъ свойственныхъ и только исторически утраченныхъ правъ на живое активное участіе въ церковной жизни. Недовольны, такимъ образомъ, всѣ три элемента, составляющіе въ своей совокупности подлинную Церковь. Недовольны, наконецъ, и тѣ, кто, будучи потенціальными овцами единаго стада Христова (Іоан. X, 16), доселѣ остаются внѣ церковной ограды, благодаря неправильнымъ основаніямъ и ложному направленію миссіонерской дѣятельности соотвѣтствующихъ органовъ русскаго церковнаго управленія. Жизнь въ этой сгущенной атмосферѣ недовольства крайне тяжела и чревата грозными послѣдствіями, устраненіе коихъ путемъ эволюціоннаго движенія впередъ представляется настоятельно необходимымъ уже по одному тому, что при эволюціонной системѣ реформъ остается возможность использованія стараго матеріала для возведенія новаго зданія

на цементѣ преемственности отъ временъ Христа и Апостоловъ, И, наоборотъ, крайне опасно, если напряженная атмосфера разрѣдится сокрушительнымъ градомъ церковной революціи. Тогда на голой пустынной равнинѣ новые люди, утерявшіе въ разъяренной стихіи гнѣвнаго недовольства воспоминанія о прошлыхъ и во многихъ отношеніяхъ цѣнныхъ традиціяхъ, будутъ возводить новое невѣдомое зданіе Церкви на самочинныхъ началахъ, что едва ли въ интересахъ не только церковной власти, но и всей православной русской Церкви, а вмѣстѣ съ ней и государства. Опасенія за такой именно исходъ настойчиво побуждаютъ общественную и государственную мысль устремляться къ церковнымъ правящимъ кругамъ съ требованіемъ неотложнаго осуществленія необходимыхъ реформъ. Эти устремленія въ послѣднее время нашли свое выраженіе въ Государственной Думѣ. Послѣдняя изъ года въ годъ указываетъ на разные недочеты духовнаго вѣдомства и настойчиво требуетъ обновленія застоявшагося церковнаго строя. Характерно, что даже тѣ политическія группы, которыя считаютъ религію дѣломъ индивидуальной совѣсти, какъ только рѣчь идетъ о вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, не удерживаются на позиціи безразличнаго невмѣшательства и на ряду съ другими спѣшатъ внести свою долю укоризны по поводу тѣхъ или иныхъ недостатковъ въ существующемъ церковномъ строѣ. Очевидно, и для этихъ людей несовершенства церковнаго управленія далеко не безразличная вещь. А для думскаго большинства, признающаго важное значеніе церковныхъ установленій въ системѣ русской государственности въ силу вѣкового тѣснаго единенія Церкви съ государствомъ, вопросъ о преобразованіи существующаго церковнаго строя, соотвѣтственно назрѣвшимъ потребностямъ времени, вырастаетъ въ перво-

степенный вопросъ не только церковнаго, но и государственнаго значенія.

На очерченномъ выше общемъ фонѣ преобразовательныхъ ожиданій рѣзкимъ пятномъ выступаетъ почти полная неподвижность самого вѣдомства. Реформаціонныя начинанія Святѣйшаго Сунода, поскольку они извѣстны обществу, болѣе, чѣмъ скромны. Въ дѣлѣ преобразованія высшаго органа управленія духовное вѣдомство до сихъ поръ не пошло далѣе попытки узаконить существующій незакономѣрный способъ пополненія личнаго состава Сунода одними епископами, не забывъ, впрочемъ, увеличить имъ оклады содержанія по должности. Въ отношеніи же мѣстнаго управленія Святѣйшій Сунодъ ограничился составленіемъ «Инструкціи секретарямъ духовныхъ консисторій», оставивъ самый строй этихъ обветшавшихъ учрежденій въ полной неприкосновенности. На неоднократныя же указанія Государственной Думы о необходимости коренного преобразованія духовныхъ консисторій вѣдомство до послѣдняго времени ссылалось на Помѣстный Соборъ русской Церкви, который — и только онъ одинъ, по мнѣнію вѣдомства, — можетъ авторитетно установить подлинныя основы и истинный духъ реформы церковнаго управленія вообще и консисторскаго строя въ частности. На вопросы же, когда и какъ будетъ созванъ Помѣстный Соборъ, до послѣдняго времени вѣдомство отвѣчало незнаніемъ, такъ какъ это дѣло изволенія «Помазанника Божія — Государя Императора». Но въ этомъ «незнаніи» и заключалась вся безнадежность ожиданій церковныхъ реформъ. Сунодъ не зналъ, Оберъ-Прокуроръ тоже; но всѣ остальные знали, что время и порядокъ созыва Собора зависѣли не столько отъ Императора, сколько отъ его «стряпчаго по дѣламъ государственнымъ» въ Святѣйшемъ Сунодѣ. Дѣло, та-

кимъ образомъ, не въ незнаніи, а въ нежеланіи сдвинуться съ мѣста.

Такова дѣйствительность. Ея безотрадность не скрашивается и тѣмъ, что вопросомъ о преобразованіяхъ занято, какъ иногда указывало духовное вѣдомство, Предсоборное Совѣщаніе, призванное къ жизни бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сунода В. К. Саблеромъ взамѣнъ Высочайше учрежденнаго въ 1906 году «Предсоборнаго Присутствія для разработки подлежащихъ разсмотрѣнію на Помѣстномъ церковномъ Соборѣ вопросовъ».

Преобразовательныя начинанія Святѣйшаго Сунода.

(Предсоборное Совѣщаніе и Предсоборное Присутствіе).

Предсоборное Совѣщаніе учреждено 28 февраля 1912 года и, какъ сказано въ докладѣ Святѣйшаго Сунода, имѣетъ задачей подвергнуть работы Предсоборнаго Присутствія, созваннаго въ 1906 году, «подготовительному разсмотрѣнію для сопоставленія и согласованія предположеній разныхъ Отдѣловъ (Присутствія) по вопросамъ соприкосновеннымъ какъ между собою, такъ и съ сужденіями Общихъ Собраній Присутствія, а равно и съ измѣнившимися послѣ того условіями церковной и гражданской жизни», а также «для дополненія въ иныхъ случаяхъ докладовъ, представленныхъ Отдѣлами, выдѣленія изъ нихъ предметовъ, могущихъ быть разрѣшенными властію Сунода, подготовительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію Собора, но не бывшихъ на разсмотрѣніи Присутствія, и вообще всякаго рода под-

готовительныхъ къ Собору работъ, въ коихъ можетъ оказаться необходимость». Со времени учрежденія Предсоборнаго Совѣщанія прошло пять лѣтъ— время вполнѣ достаточное для того, чтобы хоть одна какая-нибудь работа была закончена Совѣщаніемъ и стала предметомъ вниманія интересующагося общества. И, однако, напрасны были бы труды тѣхъ, кто сталъ бы отыскивать на книжномъ рынкѣ работы Предсоборнаго Совѣщанія. Можетъ быть, что-нибудь и сдѣлано; но все покрыто такой густой непроницаемой завѣсой тайны, что даже чины вѣдомства далеко не всѣ знаютъ, что дѣлалось за этой завѣсой. И эта глубокая тайна, это упорное прятаніе отъ постороннихъ глазъ не свидѣтельствуетъ ли, что въ трудахъ Предсоборнаго Совѣщанія есть немало того, чего нужно стыдиться, или, по крайней мѣрѣ, за прочность чего слѣдуетъ опасаться? Никто вѣдь не зажигаетъ свѣтильника, чтобы поставить его подъ спудомъ (Мѳ. V, 15). Вѣдомство же православнаго исповѣданія въ отношеніи своихъ реформъ поступаетъ именно такъ. Съ другой стороны, одноцвѣтный подборъ членовъ Совѣщанія изъ лицъ опредѣленныхъ церковно-политическихъ воззрѣній нисколько не гарантировалъ, что изысканіе истины свершалось тамъ по старому мудрому правилу: in controversia veritas. Не чувствуется, наконецъ, въ личномъ составѣ Совѣщанія того пульса жизни, который свидѣтельствовалъ бы о чуткомъ отношеніи къ дѣйствительности. Наоборотъ, отсутствіе въ составѣ Совѣщанія общественныхъ дѣятелей возбуждаетъ невольное опасеніе, что труды его окажутся мертворожденными произведеніями кабинетныхъ теоретиковъ, не отвѣчающими запросамъ жизни. А тогда явится надобность въ новомъ Совѣщаніи. Составленное по прежнему рецепту это Совѣщаніе потребуетъ еще новой Комиссіи и т. д. до безконечности.

Можетъ быть, такая волокита и въ интересахъ церковной власти, но для Церкви она безусловно пагубна. За всѣмъ тѣмъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ учрежденіе меньшей компетенціи (Предсоборное Совѣщаніе) можетъ корректировать труды Предсоборнаго Присутствія, неизмѣримо выше стоящаго и по количеству членовъ, и по разносторонности состава, и по освѣдомленности въ дѣлахъ церковныхъ. По требованіямъ здравой логики слѣдовало бы, казалось, поступить обратно: сужденія Совѣщанія провѣрить Присутствіемъ, а не наоборотъ. Но логика церковной власти послѣдняго времени и здѣсь шла наперекоръ общему порядку. Все это, вмѣстѣ взятое, разумѣется, нисколько не содѣйствовало наростанію довѣрія и успокоенію. Наоборотъ, таинственная дѣятельность Предсоборнаго Совѣщанія наводила на мысль, не исполняетъ ли оно заранѣе поставленныхъ задачъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ Предсоборнымъ Присутствіемъ, ни съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ реформъ, удовлетворяющихъ назрѣвшимъ потребностямъ времени. Не есть ли все это простая канцелярская отписка?

Измученная сомнѣніями и безплодными догадками мысль, не довѣряя ни обѣщаніямъ вѣдомства, ни призрачнымъ трудамъ Предсоборнаго Совѣщанія, невольно цѣпляется за единственный якорь надежды—Предсоборное Присутствіе, созваніе коего въ 1906 году такъ окрылило надежды церковныхъ людей на обновленіе церковнаго строя. Дѣйствительно, среди преобразовательныхъ начинаній вѣдомства православнаго исповѣданія дѣятельность Предсоборнаго Присутствія должна быть отмѣчена, какъ самое крупное событіе. Въ его трудахъ заключена квинтъ-эссенція русской богословской и канонической мысли послѣдняго времени, вслѣдствіе чего дальнѣйшее движеніе по пути церковныхъ реформъ не-

мыслимо безъ предварительнаго ознакомленія съ работами Присутствія.

По вопросу о преобразованіи русскаго церковнаго управленія сужденія Предсоборнаго Присутствія вылились въ слѣдующія формулы:

1. Высшее управленіе Русской Церкви принадлежитъ созываемому періодически Помѣстному Собору епископовъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

2. Составъ Помѣстныхъ Соборовъ Россійской Церкви долженъ быть такой же, какъ предположенный составъ перваго чрезвычайнаго Собора, т. е. изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ, и съ тѣми же правами (т. е. клирики и міряне участвуютъ *въ обсужденіи* всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами), кромѣ случаевъ, когда, по каноническимъ правиламъ, не только рѣшеніе, но и обсужденіе дѣлъ въ Соборахъ можетъ принадлежать однимъ епископамъ.

3. Помѣстному Собору Русской Церкви принадлежитъ власть законодательная, руководственная, ревизіонная и высшая судебная.

4. Постояннымъ органомъ церковнаго управленія долженъ быть Синодъ съ предсѣдателемъ во главѣ.

5. Въ составъ Синода должны входить одни епископы, въ числѣ 12, кромѣ предсѣдателя, изъ коихъ одна треть постоянныхъ и двѣ трети смѣняющихся.

6. Постоянными членами Синода, кромѣ предсѣдателя—митрополита Петроградскаго, должны быть іерархи Московскій, Кіевскій, Казанскій и Литовскій.

7. Смѣняющіеся члены Синода — епископы вызываются для присутствованія въ Синодѣ по очереди.

8. Первый епископъ есть предсѣдатель Синода, съ извѣстными правами, и вмѣстѣ съ тѣмъ первоіерархъ

русской Церкви, съ особыми лично ему принадлежащими правами.

9. Предсѣдатель Синода и первоіерархъ русской Церкви именуется патріархомъ.

Такимъ образомъ Предсоборное Присутствіе устанавливаетъ двоякую: соборно-синодальную форму церковнаго управленія въ видѣ двухъ высшихъ органовъ—періодическаго Собора и постояннаго Синода. Принципъ соборности, положенный Присутствіемъ въ основу его преобразовательныхъ начертаній, не возбуждаетъ сомнѣній. Это—тотъ самый принципъ, осуществленіе котораго всегда составляло предметъ самыхъ страстныхъ ожиданій и надеждъ всѣхъ вѣрующихъ душъ. Однако, указанный принципъ не выдержанъ Присутствіемъ до конца; мало того,—понятъ имъ неправильно; вслѣдствіе чего вся громадная работа Присутствія сводится почти нанѣтъ въ смыслѣ плодотворности реформъ, начертанныхъ имъ для церковнаго управленія.

Вопросъ о соборности въ освѣщеніи Предсоборнаго Присутствія.

Основная мысль Предсоборнаго Присутствія, что высшимъ органомъ управленія русской православной Церкви долженъ быть Соборъ, есть частичное выраженіе кардинальнаго положенія православной богословской мысли, искони выдвигающей соборное начало въ управленіи въ противовѣсъ монархическимъ тенденціямъ римскаго папизма и секуляристическимъ устремленіямъ протестантства. Но эта безусловно правильная и строго православная мысль раскрыта Присутствіемъ съ явнымъ уклоненіемъ отъ чистоты принципа вслѣдствіе преобладанія въ нашей богословско-канонической литературѣ незримо прокравшагося въ нее католическаго вліянія.

Поэтому детальное развитіе Присутствіемъ основной его мысли нуждается въ разъясненіяхъ и поправкахъ для того именно, чтобы вернуть эти детали къ ихъ православной основѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи выработанной Предсоборнымъ Присутствіемъ формулы о Помѣстномъ Соборѣ нельзя не замѣтить формальнаго противорѣчія между первымъ и вторымъ пунктами этой формулы. По пункту 1-му высшимъ органомъ управленія является соборъ епископовъ, а по пункту 2-му въ составъ Помѣстнаго Собора входятъ епископы, клирики и міряне. Это противорѣчіе смягчается, повидимому, тѣмъ, что клирики и міряне только обсуждаютъ соборныя дѣла, а не рѣшаютъ ихъ; слѣдовательно, Соборъ, хотя и состоитъ изъ трехъ церковныхъ элементовъ, тѣмъ не менѣе, какъ активное начало, есть въ сущности соборъ епископовъ. Однако, если въ учредительной формулѣ, т. е. въ проектѣ закона, Помѣстный Соборъ именуется Соборомъ епископовъ, то, очевидно, второму пункту этой формулы не можетъ быть мѣста; или,—наоборотъ: если признать за этимъ пунктомъ право на существованіе, то слѣдуетъ внести соотвѣтствующій коррективъ въ пунктъ 1-й и именовать Помѣстный Соборъ русской Церкви Соборомъ изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ. Учредительныя формулы, т. е. проектъ закона, должны быть точны, какъ всякій законъ. Неясности и тѣмъ болѣе очевидныя противорѣчія въ такихъ случаяхъ совершенно недопустимы, какими бы соображеніями они ни объяснялись. Законъ есть логическое цѣлое, гдѣ отдѣльныя части, тѣсно связанныя между собою, вытекаютъ и объединяются основнымъ принципомъ, пронизывающимъ законъ отъ начала до конца. Недостаточная послѣдовательность въ проведеніи принципа и отсутствіе тѣсной связи между деталями закона—первые признаки

его несовершенства и угроза прочности его существованія. Предсоборное Присутствіе, безъ сомнѣнія, знало объ этихъ основныхъ требованіяхъ законодательной практики и, тѣмъ не менѣе, приняло формулу, явно не отвѣчающую указаннымъ требованіямъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ желаніемъ слить во-едино два противоположныхъ теченія, выяснившіяся при сужденіяхъ о составѣ какъ перваго учредительнаго Всероссійскаго церковнаго Собора, такъ и послѣдующихъ Помѣстныхъ Соборовъ русской Церкви. Одна группа членовъ Предсоборнаго Присутствія находила, что на Помѣстныхъ Соборахъ должны присутствовать одни только епископы; другая признавала необходимость допустить на соборы и клириковъ и мірянъ, съ равнымъ правомъ рѣшающаго голоса. Сторонники соборовъ изъ епископовъ указывали на одни историческіе факты, защитники соборовъ изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ—на другіе, причемъ оказалось, что и тѣ и другіе въ своихъ историческихъ ссылкахъ совершенно правы. Дѣйствительно, исторія знаетъ соборы изъ однихъ епископовъ, равно какъ соборы изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ. Вращаясь въ области историческихъ фактовъ, Предсоборное Присутствіе должно было придти къ одному неизбѣжному выводу,—что логическая сила историческихъ свидѣтельствъ, приводимыхъ противными сторонами, имѣетъ одинаковую силу убѣдительности, и склоненіе мысли на ту или иную сторону зависитъ не столько отъ очевидности факта, сколько отъ привитыхъ школою или унаслѣдованныхъ по традиціи предубѣжденій. Чтобы разрѣшить создавшійся конфликтъ, Предсоборному Присутствію предстояло одно изъ двухъ: или пойти путемъ компромисса, или остановиться на положеніи, что убѣдительно не то, что гдѣ-то и когда-то бывало, а то, что *должно* быть. Присутствіе предпочло первый

путь и выработало компромиссную формулу о Соборѣ, которая, какъ всякій компромиссъ въ дѣлахъ принципіальныхъ, никого удовлетворить не можетъ, такъ какъ сама въ себѣ носитъ начало разложенія вслѣдствіе плохой спайки деталей съ основнымъ принципомъ. Въ этомъ—коренной грѣхъ Предсоборнаго Присутствія,—грѣхъ, тѣмъ болѣе тяжкій, что, выводя формулу о Соборѣ изъ явленій исторической жизни, Присутствіе примѣнило методъ, абсолютно недопустимый въ отношеніи христіанскихъ понятій. Христіанскія понятія не есть нѣчто выводное, а свыше данное; не они корректируются жизнью, а сами корректируютъ жизнь, имѣя основу и внутреннее содержаніе въ единой волѣ Божественнаго Законодателя. Найти въ ученіи Богочеловѣка такое волеизъявленіе, которое *догматическимъ* освѣщеніемъ прекаемаго понятія положило бы конецъ спорамъ, составляло прямую обязанность Предсоборнаго Присутствія. Однако, мысль его растеклась по историческимъ примѣрамъ и вслѣдствіе этого сдѣлалась безплодною для дальнѣйшихъ логическихъ построеній.

Догматическое основаніе соборности.

Догматическое обоснованіе и раскрытіе внутренняго содержанія идеи соборности заключено въ ученіи Спасителя *о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи.* Оно изложено такъ: «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. *Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ*

онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь» (Мѳ. XVIII, 15—17). Приведенныя слова Христа обращены непосредственно къ Его ученикамъ (Мѳ. XVIII, 1), т. е. къ тѣмъ лицамъ, которыя были призваны для распространенія христіанскаго ученія по всей вселенной, и имѣетъ значеніе наказа апостоламъ, а черезъ нихъ и всѣмъ епископамъ, какъ поступать въ случаѣ возникновенія внутри Церкви острыхъ конфликтовъ. Начертана картина суда въ трехъ стадіяхъ: увѣщанія наединѣ, обличенія предъ свидѣтелями и собственно суда. Функціи послѣдняго усвояются только Церкви. Образъ взятъ изъ современной Христу и понятной Его слушателямъ практики общиннаго суда. Принципъ общиннаго суда, какъ и всякаго вообще суда «всѣмъ міромъ», въ буквальномъ и, слѣдовательно, самомъ точномъ пониманіи требуетъ, чтобы право суда принадлежало *всей* общинѣ безъ различія классовъ, званій и состояній ея членовъ и чтобы функціи суда исполнялись *всей же* общиной. Въ примѣненіи къ ученію Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи, это значитъ, что верховное право суда въ сферѣ церковныхъ отношеній принадлежитъ Церкви, понимаемой во всей совокупности ея членовъ безъ различія іерархическихъ и другихъ церковныхъ положеній послѣднихъ. Такимъ образомъ, принципъ общиннаго суда, лежащій въ основѣ верховныхъ судейскихъ полномочій Церкви, не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ для утвержденія на этомъ принципѣ (а, слѣдовательно, и на ученіи Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи) соборности только епископской. Наоборотъ, и принципъ общиннаго суда и ученіе Спасителя о Церкви, какъ верховномъ органѣ суда въ сферѣ церковныхъ отношеній, являются самымъ яркимъ противопоказаніемъ такой соборности.

Нѣкоторую опору епископская соборность можетъ

найти не въ принципѣ общиннаго суда, а въ позднѣйшемъ по времени практическомъ примѣненіи этого принципа. Въ моментъ зарожденія и первоначальнаго развитія этого принципа, когда общины были не велики, судъ производился дѣйствительно всей общиной, т. е. мужскими особями ея. Но съ увеличеніемъ населенія судъ *всей* общины замѣнился судомъ уполномоченныхъ (старцевъ и старшинъ) отъ нея. Однако, такое *примѣненіе* принципа ни мало не ослабляло самого принципа общиннаго суда. Голосъ, судъ уполномоченныхъ былъ судомъ *всей* общины, такъ какъ онъ совершался лицами, облеченными довѣріемъ *всей* общины. И еще особенность. Уполномоченные общины выбирались не изъ одной опредѣленной группы населенія, обладающей когда-то данными ей судейскими полномочіями, а изъ состава всей общины. Въ примѣненіи къ Церкви это означаетъ, что практическое осуществленіе ученія Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи, допускаетъ возможность и чисто епископской соборности, но лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ уполномочены на присутствованіе въ Соборѣ въ качествѣ представителей довѣріемъ соотвѣтствующихъ Церквей (епархій). Епископы первыхъ временъ христіанства въ силу того единодушія съ своей паствой, о которомъ говорится въ Книгѣ Дѣяній (XII, 32), могли съ полнымъ правомъ говорить: «Церковь—это я» и невозбранно присутствовать на Соборахъ въ качествѣ единоличныхъ представителей всѣхъ Церквей, коихъ они являлись предстоятелями. Современные же архипастыри, отгородившіеся не только отъ паствы, но и отъ ближайшаго къ нимъ клира, церковно-аристократическими перегородками, непонятные для жизни и сами ея не понимающіе, менѣе всѣхъ могутъ претендовать на исключительное право засѣданія и рѣшенія дѣлъ на

соборахъ. Сказать: «Церковь — это я» они могутъ или по недоразумѣнію или въ состояніи самовлюбленнаго ослѣпленія. И такъ какъ то исключительное право, на которое они претендуютъ, изъ принципа не вытекаетъ, а создалось исторически и обусловлено довѣріемъ паствы прежнихъ временъ къ своимъ епископамъ, то, очевидно, что для возстановленія этого права современному епископату надлежитъ въ корнѣ измѣнить свои отношенія къ паствѣ и клиру, дѣйствительно, стать, а не казаться только выразителями вѣрованій и надеждъ словеснаго Христова стада и только тогда уповать, что каждая отдѣльная Церковь (епархія) признаетъ ихъ своими полномочными представителями на Помѣстномъ Соборѣ. Но и послѣ того это возстановленное такимъ образомъ право будетъ покоиться только на утилитарномъ примѣненіи принципа, а не на самомъ принципѣ, какъ онъ выраженъ въ образѣ Церкви, какъ Крайняго Судіи. Послѣдній,—а къ нему только и можно обращаться при выясненіи принципіальнаго вопроса о составѣ Собора,—зоветъ на него *всю* Церковь, въ полномъ составѣ ея членовъ.

Греческое ἐκκλησία означаетъ организованное собраніе, *соборъ* людей, объединенныхъ общностью интересовъ; въ христіанскомъ же пониманіи—соборъ людей, объединенныхъ именемъ Христа (Мѳ. XVIII, 20). Такимъ образомъ, въ самомъ словѣ ἐκκλησία сокрыта идея соборности. Но въ этомъ словѣ нѣтъ никакихъ признаковъ, придающихъ собранію людей специфическій характеръ вслѣдствіе преобладающаго значенія въ немъ той или другой группы членовъ. Отсюда понятно, что, разъ рѣчь идетъ о Церкви, какъ первоисточникѣ соборности, Церковь надлежитъ понимать во всей совокупности ея членовъ. Такъ и понимаетъ это православное церковное сознаніе. По православному ученію,

Церковь есть богоустановленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами (Прав. Катехизисъ). Въ этомъ опредѣленіи священноначалію, претендующему нынѣ на господствующее значеніе въ примѣненіи идеи соборности (соборъ только изъ епископовъ), усвояется лишь связующая, объединяющая, а не преобладающая, роль. Усвоеніе той или иной группѣ членовъ Церкви преобладающаго значенія нарушаетъ гармонію православнаго пониманія и приближаетъ его къ тому или иному инославному воззрѣнію: католическому,—если доминирующая роль отводится епископату, пресвитеріанскому,—если преимущественное значеніе въ церковномъ организмѣ имѣютъ пресвитеры, и, наконецъ, протестантскому, если центръ тяжести переносится на мірянъ. Православное ученіе, чуждое крайностей этихъ трехъ пониманій христіанства, говоритъ, что Церковь не есть только епископы, и не одни пресвитеры, а также не одни міряне, но всѣ эти три элемента, взятые въ совокупности и въ тѣсномъ единеніи другъ съ другомъ безъ внѣшняго преобладанія одного надъ другимъ.

Итакъ, по ученію Спасителя и по разуму православнаго сознанія, Крайнимъ Судіей въ сферѣ церковныхъ отношеній является Церковь, понимаемая въ смыслѣ совокупности всѣхъ членовъ ея. Таковъ догматическій принципъ, на которомъ зиждется церковная соборность. Однако, по мѣрѣ распространенія христіанства, съ перспективой охвата всего земного шара (Мѳ. XXIV, 14), практическое осуществленіе этого принципа въ полномъ его объемѣ должно было встрѣтить неодолимыя затрудненія въ невозможности, по пространственнымъ или инымъ условіямъ, созывать всю Церковь, когда требуется ея голосъ. Необходимо было по-

этому установить такую форму высшаго церковнаго органа, которая, будучи болѣе гибкой въ смыслѣ практическаго примѣненія, въ то же время сохраняла бы всѣ существенные элементы Церкви, была бы выраженіемъ мнѣнія всей Церкви. Первичныя очертанія такого органа даны въ прототипѣ Церкви, какъ Крайняго Судіи, — общинномъ судѣ. Послѣдній, въ практическомъ примѣненіи, былъ, какъ выше сказано, судомъ уполномоченныхъ общины, — судомъ собранія, *соборомъ* лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общества. Такъ естественно экклезіальная форма соборности эволюціонировала въ сѵнодальную, не измѣняя, однако, принципа Церкви, какъ Крайняго Судіи. Греческое σύνοδος—соборъ, сохраняя существенные элементы ἐκκλησία (организованность и единство цѣли), указываетъ лишь на пространственную разобщенность членовъ Церкви (συν—οδος). Отсюда ясно, что сѵнодальная форма соборности, будучи лишь практическимъ примѣненіемъ экклезіальнаго принципа, чтобы быть вѣрной этому принципу, должна требовать наличія всѣхъ существенныхъ элементовъ, составляющихъ подлинную Церковь. Это безспорное само по себѣ положеніе находитъ подтвержденіе въ догматическихъ примѣрахъ осуществленія на дѣлѣ ученія Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи. Такими примѣрами являются Антіохійскій помѣстный и слѣдующій за нимъ Апостольскій Соборы, имѣвшіе въ своемъ составѣ всю Церковь, всѣ главнѣйшіе элементы ея: Апостоловъ — епископовъ, старцевъ—пресвитеровъ и братію—мірянъ.

Догматико-историческіе примѣры соборности.

Исторія Антіохійскаго Собора изложена дѣеписателемъ такъ: въ Антіохійскую Церковь въ то время,

когда тамъ пребывали Апостолы Варнава и Павелъ, прибыли нѣкоторые люди изъ Іудеи и стали учить: если не обрѣжетесь по обряду Моисееву, то не можете спастись. «Въ Церкви произошло разногласіе и не малое состязаніе у Павла и Варнавы» съ вновь прибывшими учителями. Послѣ продолжительныхъ споровъ «положили» (ἔταξαν), говоритъ дѣписатель, «Павлу и Варнавѣ и нѣкоторымъ другимъ» «отправиться по сему дѣлу къ Апостоламъ и пресвитерамъ въ Іерусалимъ» (Дѣян. XIV, 26—28; XV, 1—2). Характерное «положили» указываетъ на то, что рѣшеніе отправить посольство въ Іерусалимъ по возникшему въ Церкви важному вопросу не было единоличнымъ актомъ одного изъ Апостоловъ или ихъ обоихъ (въ послѣднемъ случаѣ греческій языкъ требовалъ бы двойственнаго числа), а приговоромъ всѣхъ участвовавшихъ въ состязаніи,—въ томъ числѣ и пришедшихъ изъ Іудеи, такъ какъ сказано, что въ составъ депутаціи вошли и нѣкоторые изъ нихъ (ст. 2). Здѣсь, такимъ образомъ, изображенъ первый случай практическаго осуществленія ученія Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи. Рѣшеніе вынесено не одними Апостолами, а всей христіанской общиной въ Антіохіи, *всей* Церковію Антіохійской.

Въ большемъ масштабѣ это ученіе осуществлено на Апостольскомъ Соборѣ, состоявшемся въ отвѣтъ на рѣшеніе Антіохійскаго помѣстнаго Собора. Посольство отъ Антіохіи «къ Апостоламъ и пресвитерамъ» въ дѣйствительности было посольствомъ отъ Церкви дочери (Антіохійской) къ Церкви матери (Іерусалимской). Апостолы и пресвитеры Іерусалимскіе упомянуты дѣписателемъ только какъ предстоятели и представители матери Церквей—Церкви Іерусалимской (Еп. Михаилъ «Толковый Апостолъ» Кіевъ. 1897 г., стр. 346). Что это такъ, видно изъ послѣдующаго. Дѣло Антіохійской

*

Церкви стало предметомъ вниманія всей Іерусалимской общины, а не однихъ только Апостоловъ и пресвитеровъ. И какъ изъ Антіохіи делегація была провождена всею Церковію (ст. 3), такъ и въ Іерусалимѣ «они были приняты Церковію, Апостолами и пресвитерами» (ст. 4). Однако, братская встрѣча не умѣрила остроты вопроса. Появленіе въ Іерусалимѣ пришедшихъ въ Антіохію изъ Іудеи смутьяновъ расшевелило фарисейскую закваску іерусалимскихъ христіанъ, обратившихся изъ фарисейской ереси. Послѣдніе, какъ и тѣ, стали настаивать на необходимости обрѣзанія и соблюденія закона Моисеева. Чтобы положить конецъ спорамъ, прибѣгли къ *соборному* рѣшенію, т. е. къ рѣшенію Церкви. Дѣписатель говоритъ: «Апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла» (ст. 6), а еп. Михаилъ въ «Толковомъ Апостолѣ» (стр. 348) комментируетъ: «собрались въ особенное нарочитое собраніе, именно для разрѣшенія этого дѣла». Дѣписатель упоминаетъ только Апостоловъ и пресвитеровъ, какъ предстоятелей и представителей Церкви; но что и простые члены общества, даже, вѣроятно, вся Церковь была въ этомъ собраніи, и *при томъ не въ качествѣ только слушающихъ, но въ качествѣ участвовавшихъ въ разсмотрѣніи, совѣщаніи и рѣшеніи дѣла*, несомнѣнно видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія» (ст. 12, 22, 23). Комментарій убійственный для сторонниковъ только епископской соборности. Послѣдніе, какъ это ни странно,—на этомъ именно мѣстѣ пытаются отстоять свою позицію, ссылаясь на то, что, по словамъ самого дѣписателя, для разсмотрѣнія вопроса собрались только Апостолы и пресвитеры, а не вся Церковь, и наивно забывая, что тотъ же дѣписатель въ данномъ мѣстѣ упоминаетъ не объ однихъ епископахъ (Апостолахъ), но и о пресвитерахъ. Такимъ образомъ, по книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ,

судьями въ пререкаемомъ дѣлѣ были не только епископы, но и пресвитеры. Послѣднее, однако, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ чистымъ ученіемъ объ епископской соборности. Еще въ большемъ противорѣчіи съ этимъ ученіемъ находится дальнѣйшее повѣствованіе св. Луки, на что и указываетъ еп. Михаилъ. Дѣйствительно, на соборѣ участвовали не только Апостолы и пресвитеры, но, говоря современнымъ языкомъ, и міряне, въ частности, виновники смуты—обратившіеся отъ фарисейской ереси. Именно къ нимъ, а не къ кому другому, обращается на соборѣ Ап. Петръ со словами: «Мужіе-братья. . . Что вы нынѣ искушаете Бога, желая возложить на выи учениковъ иго, котораго не могли понести ни отцы наши, ни мы» (ст. 7—10). Эти слова Апостола съ несомнѣнностію устанавливаютъ, что на Апостольскомъ Соборѣ присутствовали, кромѣ Апостоловъ и пресвитеровъ, и «обратившіеся отъ фарисейской ереси». Иначе рѣчь Ап. Петра была бы обращеніемъ въ пустое пространство. Но если на соборѣ были фарисействующіе,—а это несомнѣнно,—то тѣмъ болѣе должны были участвовать на немъ правовѣрные христіане. Въ этомъ убѣждаетъ и дѣписатель. Онъ говоритъ, что на соборѣ была вся Іерусалимская Церковь (ст. 22: «Тогда Апостолы и пресвитеры со *всею* церковью разсудили»), при чемъ участники совѣщанія не оставались молчаливыми слушателями разсужденій Апостоловъ и пресвитеровъ, а сами принимали участіе въ богословскомъ изслѣдованіи. Ап. Петръ обращается къ собравшимся «по долгомъ разсужденіи». Русское «разсужденіе», равно какъ и славянское «взысканіе» не достаточно рельефно оттѣняютъ смыслъ греческаго подлинника; въ греческомъ (ст. 7) стоитъ πολλῆς συζητήσεως γενομένης, послѣ продолжительнаго соисканія. Συζήτησις (συν-ζητέω—диспутирую) указываетъ

на участіе въ изслѣдованіи двухъ сторонъ, двухъ и болѣе мнѣній. Такимъ образомъ, отмѣченное Ап. Лукой «соисканіе» не было одностороннимъ дѣйствіемъ Апостоловъ и пресвитеровъ, а совмѣстнымъ изслѣдованіемъ вопроса съ другими участниками Собора. Дѣписатель отмѣчаетъ частности соборныхъ разсужденій. Разъяснительная рѣчь Ап. Петра (ст. 9—11) не внесла успокоенія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія выраженія: «Тогда (т. е. послѣ рѣчи Ап. Петра, но, очевидно, не сразу) умолкло *все собраніе* и слушало Варнаву и Павла» (ст. 12). *Умолкло* — значитъ: раньше говорило, разсуждало. Эти разсужденія продолжались и послѣ объясненій Апостоловъ Варнавы и Павла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ начало послѣдовавшей затѣмъ рѣчи Ап. Іакова: «Мужіе-братья! *Послушайте* меня...» (ст. 13). Приглашеніе къ вниманію показываетъ, что это вниманіе разсѣивалось, отвлекалось продолжавшимися, очевидно, спорами. Въ этомъ убѣждаетъ тонкость греческаго текста, не нашедшая, къ сожалѣнію, выраженія въ славянскомъ и русскомъ переводахъ. Въ греческомъ подлинникѣ сказано: «Ἀπεκρίθη Ἰάκωβος λέγων», соотв. слав.: *отвѣща* Іаковъ рекій... (Сравн. Мѳ. XVI, 16 и др.). Такимъ образомъ, рѣчь Ап. Іакова была *отвѣтомъ* на движенія сторонней мысли, принявшія столь осязательныя формы, что потребовалось приглашеніе къ вниманію. Здѣсь, слѣдовательно, имѣется новый штрихъ, подтверждающій *участіе мірянъ* на Апостольскомъ Соборѣ съ правомъ разсужденія, или, какъ говорятъ теперь, *съ правомъ совѣщательнаго голоса.* Такое участіе допускаютъ, впрочемъ, и сторонники епископской соборности. Но, говорятъ они, право рѣшенія на соборахъ должно принадлежать только епископамъ, какъ это было и на Апостольскомъ Соборѣ. Тамъ по спорному вопросу разсуждали всѣ участники собранія, но рѣшалъ дѣло одинъ

Ап. Іаковъ своимъ опредѣлительнымъ заключеніемъ (Дѣян. XV, 13—21) и властнымъ κρίνω (ст. 19). Однако, властность апостольскаго «κρίνω», какую пытаются вложить въ уста Апостола сторонники епископской соборности, плохо мирится съ общимъ тономъ рѣчи Ап. Іакова. Это—рѣчь оратора, а не законодателя. И греческое слово κρίνω, какъ вообще, такъ въ данномъ мѣстѣ особенно не имѣетъ твердости законоположительнаго рѣшенія, а лишь скромный смыслъ мнѣнія, разсужденія: «думаю, полагаю» безъ всякаго внѣшне-принудительнаго значенія для тѣхъ, къ кому оно обращено. Такой именно смыслъ даннаго слова подтверждается и дальнѣйшимъ изложеніемъ дѣписателя. Если бы рѣчь Ап. Іакова была дѣйствительнымъ законоположеніемъ, она, безъ сомнѣнія, *буквально* была бы воспроизведена въ разъяснительномъ посланіи Собора къ Антіохійскимъ братьямъ. Однако, этой буквальности не видно (сравн. ст. ст. 20 и 28). Вольность передачи посланіемъ словъ Ап. Іакова свидѣтельствуетъ, что рѣчь послѣдняго была только матеріаломъ для посланія; самое же посланіе составлялось независимо, хотя и подъ вліяніемъ апостольскихъ словъ, и было плодомъ не одного Апостола, а коллективной мысли всего Собора. Въ этомъ убѣждаетъ и дѣписатель: «Тогда (т. е. послѣ рѣчи Ап. Іакова) Апостолы и пресвитеры со всею Церковью разсудили» (ст. 22) или, точнѣе, «тогда Апостолами и пресвитерами совмѣстно съ всею Церковью было постановлено (Τότε ἔδοξε τοῖς ἀποστόλοις καὶ τοῖς πρεσβυτέροις σὺν ὅλῃ τῇ ἐκκλησίᾳ)» послать разъяснительное письмо въ Антіохію. Греческое ἔδοξε, хранящее въ корнѣ своемъ *догматическую твердость* рѣшенія, совсѣмъ иначе звучитъ, чѣмъ апостольское κρίνω, и сообщаетъ постановленію «Апостоловъ и пресвитеровъ *со всею Церковію*» непреложность закона. Такимъ образомъ, 22 ст. XV главы книги Дѣяній положительно устанавли-

ваетъ, что законодательныя функціи на Апостольскомъ Соборѣ принадлежали не однимъ Апостоламъ или пресвитерамъ, взятымъ отдѣльно или вмѣстѣ, а всей Церкви съ Апостолами, пресвитерами и братіей. О томъ же свидѣтельствуетъ посланіе Собора къ Антіохійской Церкви, гдѣ сказано: «Апостолы и пресвитеры и братія (οἱ ἀπόστολοι καὶ οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ ἀδελφοὶ)... собравшись единодушно разсудили (ἡμῖν γενομένοις ὁμοθυμαδόν), избравъ мужей, послать ихъ въ Антіохію» (ст. 23, 25). *Еп. Михаилъ* въ «Толковомъ Апостолѣ» даетъ такой комментарій: «Тогда, послѣ предварительныхъ разсужденій, повѣствованій Варнавы и Павла и рѣчей Петра и Іакова, разсудили: точнѣе—положили опредѣленіе; греческое слово, употребленное здѣсь, употреблялось о формальныхъ рѣшеніяхъ сената, народныхъ собраній, судебныхъ приговорахъ и т. п. Разсудившими или положившими рѣшеніе были во-первыхъ *Апостолы*, во-вторыхъ *пресвитеры* и въ-третьихъ *вся Церковь*, и именно въ полномъ ссставѣ ея членовъ» (стр. 360). Приведенный комментарій въ данномъ случаѣ особенно цѣненъ, ибо онъ принадлежитъ перу епископа, ученый авторитетъ котораго, чуждый тенденціозности позднѣйшихъ защитниковъ епископской только соборности, съ несомнѣнностью устанавливаетъ за пресвитерами и мірянами право не только присутствовать и обсуждать, но и *рѣшать* дѣла на соборахъ, при чемъ этотъ комментарій не является чѣмъ-то выдуманнымъ, произвольнымъ, а опирается на буквальный текстъ повѣствованія объ Апостольскомъ Соборѣ.

Желая ослабить показанія этого текста, защитники епископской только соборности прибѣгаютъ къ разночтеніямъ, утверждая, что начало посланія къ Антіохійцамъ (ст. 23) слѣдуетъ читать не «Апостолы и пресвитеры и братія», а «Апостолы и пресвитеры—братія», или

«Апостолы и пресвитеры братьямъ (сущимъ въ Антіохіи)», т. е. въ первомъ случаѣ слово «братья» обращается въ предикатъ къ предшествующимъ словамъ: «Апостолы и пресвитеры», а во второмъ—указываетъ не на братьевъ, участвовавшихъ на Апостольскомъ Соборѣ, а на членовъ Антіохійской Церкви. Простота пріема, какъ видно, изумительная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне подозрительная. Обращеніе къ разночтеніямъ допускается наукой экзегетики для установленія подлиннаго первоначальнаго текста. *Но* уже одно то, что прибѣгающіе къ разночтеніямъ указываютъ на два, а не одинъ варіантъ, свидѣтельствуетъ, что обращеніе къ разночтеніямъ не устанавливаетъ окончательно одного дѣйствительнаго подлиннаго первотекста и оставляетъ возможность думать, что первоначальный текстъ есть именно тотъ, что принятъ Церковію, тѣмъ болѣе, что онъ связанъ съ предшествующимъ изложеніемъ и совершенно ясенъ въ противоположность разночтеніямъ, плохо вяжущимся съ предшествующимъ описаніемъ Апостольскаго Собора. Въ самомъ дѣлѣ, если принять тотъ или другой варіантъ, то необходимо произвести цѣлый рядъ изъятій въ предшествующемъ изложеніи, свидѣтельствующихъ объ участіи на Апостольскомъ Соборѣ и братіи. Таковы: «возстали нѣкоторые изъ фарисейской ереси увѣровавшіе» (ст. 5), вся рѣчь Ап. Петра, начальное слово «ἀπεκρίθη» въ рѣчи Ап. Іакова (ст. 13), слова «со всею Церковью» въ ст. 22 и т. д. Такимъ путемъ можно изъять, что угодно, но сомнительная пригодность самаго способа доказательствъ не свидѣтельствуетъ ли, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о выясненіи истины, а о достиженіи желаемой цѣли во что бы то ни стало, съ малымъ, однако, успѣхомъ, такъ какъ указываемые защитниками епископской только соборности варіанты, изглаживая упоминаніе о братьяхъ, какъ полноправныхъ членахъ

Апостольскаго Собора, не могутъ изгладить упоминанія о «старцахъ», т. е. о пресвитерахъ. Слѣдовательно, пресвитеры на Апостольскомъ Соборѣ все же участвовали. А это плохо мирится съ принципомъ епископской только соборности.

Въ заключеніе надлежитъ отмѣтить еще одну попытку умалить значеніе Апостольскаго Собора, какъ прототипа подлинной соборности, указаніемъ на то, что въ сущности это былъ, будто бы, не соборъ, а не болѣе современнаго епархіальнаго съѣзда духовенства (Сергій, Архіепископъ Финляндскій). Это псевдо-научное утвержденіе забываетъ, повидимому, что на Апостольскомъ Соборѣ присутствовали всѣ или почти всѣ основатели нынѣшнихъ помѣстныхъ церквей, составляющихъ въ своей совокупности Вселенскую Церковь. Съ другой стороны, предметомъ обсужденія Собора была отмѣна обрѣзанія, т. е. вопросъ *догматической важности*, подлежащій компетенціи не епархіальнаго съѣзда духовенства и даже не Помѣстнаго Собора, а только Собора Вселенскаго. Такимъ образомъ, Апостольскій Соборъ правильнѣе признать первовселенскимъ Соборомъ.

Итакъ, безпристрастное изученіе исторіи Апостольскаго Собора съ несомнѣнностью убѣждаетъ, что на этомъ Соборѣ присутствовали, разсуждали и постановляли рѣшеніе всѣ главные элементы, составляющіе истинную Христову Церковь: епископы, пресвитеры и міряне. И такъ какъ Апостольскій Соборъ является однимъ изъ ближайшихъ примѣровъ осуществленія догматическаго ученія Христа о Церкви—Крайнемъ Судіи, то, очевидно, что только этотъ Соборъ можетъ быть признанъ догматическимъ образцомъ для всѣхъ соборовъ, когда бы и гдѣ бы они ни составлялись. Пусть исторія знаетъ соборы иного порядка. Ихъ составъ и порядокъ рѣшенія дѣлъ можно оправдывать философскими, истори-

ческими и иными болѣе или менѣе уважительными соображеніями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежитъ со всею категоричностью признать, что такіе соборы догматической основы не имѣютъ и потому автентическими образцами для другихъ соборовъ быть не могутъ. Нельзя забывать, что Символъ вѣры обязываетъ вѣровать въ Апостольскую Церковь, что въ примѣненіи принципа соборности побуждаетъ слѣдовать не иному, а именно *апостольскому примѣру*. А этотъ послѣдній примѣръ повелительно требуетъ, чтобы на Соборѣ присутствовали съ правомъ рѣшающаго голоса не одни епископы, а и пресвитеры и міряне.

Ученіе Христа Спасителя о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи, и эпизодическое упоминаніе дѣписателя объ Антіохійскомъ Помѣстномъ Соборѣ остались внѣ поля зрѣнія Предсоборнаго Присутствія, а соборъ Апостольскій обслѣдованъ имъ далеко не съ той исчерпывающей полнотой, какой онъ заслуживаетъ въ цѣломъ и въ своихъ деталяхъ, столь поучительныхъ для разрѣшенія вопроса о нормальномъ составѣ Соборовъ и полномочіяхъ ихъ членовъ. Отъ того и получилось, что Предсоборное Присутствіе, расточивъ свое вниманіе на историческіе примѣры, доказательность которыхъ безъ догматическаго освѣщенія вопроса оказалась безпочвенной, вмѣсто единственно-правильной формулы «*Высшимъ органомъ управленія русской православной Церкви является Помѣстный Соборъ оной изъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ, имѣющихъ на Соборѣ право рѣшающаго голоса*», приняло компромиссную формулу, первая половина которой утверждаетъ чисто-епископскую соборность, а вторая допускаетъ на Соборъ и пресвитеровъ и мірянъ, но съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Догматическаго основанія къ такому ограниченію и примѣровъ, вытекающихъ изъ догмати-

ческаго принципа, Присутствіе не указало. Вслѣдствіе сего принятая имъ формула о Соборѣ оказалась противорѣчащей сама себѣ и потому непригодной для дальнѣйшихъ построеній.

Признавъ за пресвитерами и мірянами на Соборѣ только совѣщательный голосъ, Предсоборное Присутствіе постановило, что постановленія соборныя составляются и подписываются одними епископами. При этомъ, однако, не выяснено, оглашаются ли выработанные епископами тезисы въ слухъ всего Собора предварительно подписанія ихъ епископами, или послѣ подписанія епископами объявляются въ качествѣ обязательнаго и непререкаемаго закона. Журналы Предсоборнаго Присутствія прямого отвѣта на этотъ вопросъ не даютъ. Но, судя по той роли, какая отводится клирикамъ и мірянамъ на Соборѣ (они участвуютъ въ обсужденіи дѣлъ и вопросовъ, *но не рѣшеній*), можно заключить, что выработанныя епископами формулы соборныхъ постановленій предварительному оглашенію не подлежатъ, а представляются непосредственно на благоусмотрѣніе Государя Императора (см. журналъ Предсоборнаго Присутствія за 13 и 14 іюня 1906 г.) и получаютъ за симъ силу законовъ. Начертанная схема разсмотрѣнія и рѣшенія соборныхъ дѣлъ отражаетъ два современныхъ Присутствію теченія политической мысли: объ установленіяхъ законодательныхъ и законсовѣщательныхъ. Предсоборное Присутствіе даетъ только этимъ теченіямъ своеобразную комбинацію. Его схема является въ сущности зародышемъ двухпалатной системы: палаты несмѣняемыхъ лордовъ-епископовъ съ законодательными функціями и палаты выборныхъ депутатовъ-клириковъ и мірянъ съ законосовѣщательными полномочіями. Ставши, такимъ образомъ, на политическую платформу, Присутствіе совсѣмъ отрѣшилось отъ

церковныхъ традицій и принциповъ. Исторія христіанской Церкви свидѣтельствуетъ, однако, что начертанная Предсоборнымъ Присутствіемъ схема церковнаго законодательства, въ силу коей клирики и міряне являются простыми пріемниками епископскихъ велѣній, авторизованныхъ властью Монарха, не всегда обезпечиваетъ полномѣрное достиженіе истины именно потому, что эта схема не соотвѣтствуетъ принципіальнымъ основамъ подлиннаго церковнаго законодательства. Постановленія Ефесскаго собора 440 года, хотя и были покрыты множествомъ епископскихъ подписей и утверждены Императорской властью, однако, и по сіе время остаются постановленіями «разбойничаго» собора. Та же участь постигла постановленія Константинопольскаго собора 754 года. Значитъ, наличіе епископскихъ подписей и даже санкція Императорской власти не служатъ еще достаточнымъ основаніемъ твердости и обязательности соборныхъ постановленій. Источникъ этой твердости въ иномъ, а именно въ единодушномъ принятіи постановленій сознаніемъ вѣрующихъ. Епископату принадлежитъ дарованное ему Христомъ безспорное право учительства. То же право по передовѣрію усвоено пресвитерамъ. Братіи же, т. е. мірянамъ, принадлежитъ право усвоенія ученія и храненія его въ чистотѣ. Въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ говорится: «Хранитель благочестія—самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ», понимаемый не въ смыслѣ пассивнаго воспріемника ученія, а въ смыслѣ сознательнаго и активнаго усвоителя истины. Постановленія Апостольскаго Собора были обнародованы только послѣ того, какъ участники Собора сдѣлались единодушными; а на этомъ Соборѣ, какъ видно изъ его исторіи, участвовала съ правомъ рѣшающаго голоса и братія, т. е. міряне. Наконецъ, это право закрѣплено догматическимъ ученіемъ Христа о Церкви, какъ Край-

немъ Судіи. По этому ученію судейскія полномочія даны только Церкви, т. е. всѣмъ ея членамъ, взятымъ вмѣстѣ.

Совокупность изложенныхъ соображеній и данныхъ приводитъ къ тому заключенію, что соборныя постановленія являются актомъ единодушнаго рѣшенія всѣхъ участниковъ даннаго Собора. Формулировка рѣшеній можетъ быть предоставлена епископамъ и пресвитерамъ по принадлежащему имъ праву учительства, но изготовляемыя ими формулы должны быть оглашаемы вслухъ всего Собора и только по одобреніи ихъ редакціи Соборомъ подписываются всѣми участниками Собора и пріобрѣтаютъ силу обязательныхъ постановленій. Что касается засимъ утвержденія соборныхъ правилъ Императорской или иною высшей въ государствѣ властью, то рѣшеніе этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ зависитъ отъ того, о какихъ соборныхъ правилахъ идетъ рѣчь. Если соборныя постановленія не выходятъ далѣе стѣнъ Церкви, понимаемой въ качествѣ Царства Божія на землѣ, гдѣ по слову Апостола, нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго (Гал. III, 28), то такого рода постановленія, будучи приняты голосомъ *всей* Церкви, въ лицѣ Собора ея, ни въ какихъ дальнѣйшихъ утвержденіяхъ не нуждаются и одинаково обязательны, какъ для худороднѣйшихъ членовъ, такъ и для первыхъ сыновъ ея. Представленіе такихъ постановленій на благовоззрѣніе носителя высшей власти въ государствѣ, не будучи принципіально обязательнымъ, можетъ вытекать лишь изъ исторически создавшихся отношеній Верховнаго ктиторства въ русской Православной Церкви, если принципъ ктиторства удержится и въ будущемъ. Но отношенія верховной государственной власти къ соборнымъ постановленіямъ указаннаго порядка опредѣляются не прерога-

тивами этой власти, а глубокими этическими началами сыновства.

Иное дѣло, когда постановленія Собора выходятъ за предѣлы чисто-церковныхъ интересовъ и соприкасаются съ областью государственнаго вѣдѣнія. Здѣсь отношенія государственной власти къ соборнымъ рѣшеніямъ опредѣляются не требованіями этики, а государственнымъ законодательствомъ въ строгомъ разграниченіи его отъ законодательства церковнаго.

О власти Помѣстнаго Собора.

Предсоборное Присутствіе усвояетъ Помѣстному Собору Россійской Православной Церкви власть законодательную, руководственную (административную), ревизіонную и высшую судебную. Къ сожалѣнію, ни предметовъ соборнаго законодательства, ни порядка, ни границъ его Присутствіемъ не указано. Однако, изъ принятаго Предсоборнымъ Присутствіемъ положенія, что соборныя постановленія представляются на утвержденіе Государя Императора, не трудно замѣтить, что въ отношеніи порядка соборнаго законодательства коллективная мысль Присутствія склонялась къ законодательству въ порядкѣ Верховнаго управленія, въ противоположность новому въ то время общему законодательному порядку чрезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. По мнѣнію Присутствія, законодательныя учрежденія обсуждаютъ лишь вопросы о финансированіи церковныхъ предпріятій и о предоставленіи церковнымъ установленіямъ и отдѣльнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства государственныхъ правъ; все прочее, т. е. внутренняя организація, направленіе дѣятельности церковныхъ учрежденій и оцѣнка ея поставляются въ область Верховнаго управленія (Т. П.

П. т. II, стр. 673, № 6). Наиболѣе яркое выраженіе эта точка зрѣнія нашла въ прогремѣвшемъ въ свое время «разъясненіи» 65 ст. Зак. Осн. бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода В. К. Саблеромъ (представленіе въ Совѣтъ Министровъ, отъ 27 августа 1913 г. № 333). Это разъясненіе касается собственно законодательныхъ правъ Сѵнода. Но такъ какъ Сѵнодъ въ этомъ разъясненіи трактуется «яко Правительствующій Россійской Церкви Соборъ», то, очевидно, что права, усваиваемыя Святѣйшему Сѵноду, въ равной, если не въ большей, степени должны принадлежать Помѣстному Собору русской Церкви. Поэтому прежде, чѣмъ перейти къ выясненію подлинныхъ законодательныхъ правъ Соборовъ вообще и Помѣстнаго Россійскаго въ частности, необходимо посмотрѣть, на чемъ основывала эти права и какъ ихъ понимала сѵнодальная оберъ-прокуратура недавняго времени.

Логика Статсъ-Секретаря Саблера такова. Согласно основнымъ законамъ (изд. 1906 г.) никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора. Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано лишь въ отношеніи военнаго и морского вѣдомствъ. Относительно же порядка законодательства по дѣламъ церковнымъ въ новыхъ основныхъ законахъ никакихъ особыхъ указаній не имѣется. Между тѣмъ, на основаніи прежнихъ законовъ (ст. 43 ч. I т. I Св. Зак. изд. 1892 г.) за Святѣйшимъ Сѵнодомъ всегда признавалась власть не только административная и судная, но и законодательная, вслѣдствіе чего законопроекты по различнымъ предметамъ церковнаго вѣдѣнія, если они не касались предметовъ вѣдѣнія иныхъ государственныхъ учрежденій и не соединялись съ ассигнованіемъ изъ суммъ

государственнаго казначейства, всегда составлялись при Св. Сунодѣ и затѣмъ восходили чрезъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода на Высочайшее утвержденіе. А такъ какъ 43 ст. 1 ч. I т. Св. Зак. изд. 1892 г., служившая въ прежнее время источникомъ законодательной дѣятельности Сунода, съ буквальной точностью воспроизведена въ ст. 65 основныхъ законовъ изд. 1906 г., въ первоначальной же ихъ редакціи существовала ст. 24-я, гласившая, между прочимъ, что постановленія Свода Законовъ «*о вѣрѣ сохраняютъ силу законовъ основныхъ*» (курсивъ представленія № 333), то «необходимо сдѣлать тотъ выводъ, что составители новыхъ основныхъ законовъ не имѣли въ виду измѣнять существовавшаго ранѣе порядка законодательства по дѣламъ церковнымъ и совершенно сознательно «сохранили силу» за постановленіемъ, заимствованнымъ еще изъ Духовнаго Регламента Императора Петра I и предоставляющимъ законодательныя функціи, въ извѣстной мѣрѣ, Св. Правительствующему Суноду и Государю Императору безъ всякаго касательства Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». Этотъ порядокъ управленія церковными дѣлами и изданія церковныхъ постановленій непосредственною властью Св. Сунода, съ непосредственнымъ же представленіемъ законопроектовъ на Высочайшее утвержденіе, остался и по настоящее время, такъ какъ никакими новыми узаконеніями онъ не отмѣненъ. Такимъ образомъ, на ряду съ вновь установленнымъ порядкомъ законодательства по дѣламъ свѣтскимъ (7 и 86 ст. 1 ч. I т. Св. Зак. изд. 1906 г.), дѣйствующіе основные законы оставили въ полной силѣ и *старое* правило, на основаніи котораго по дѣламъ церковнымъ власть законодательная осуществляется Государемъ Императоромъ не въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, а совер-

шенно самостоятельно посредствомъ Св. Правительствующаго Сунода; при чемъ издаваемые на основаніи 65 ст. 1 ч. I т. Св. Зак. законодательные акты должны почитаться совершенно самостоятельными законоположеніями, по своему значенію и силѣ одинаковыми съ законами, издаваемыми по дѣламъ свѣтскимъ въ порядкѣ 86 ст. 1 ч. I т. Св. Зак.

Таковы юридическія основанія «разъясненія» Статсъ-Секретаря Саблера. Эти основанія въ дальнѣйшемъ изложеніи представленія за № 333 дополнены ссылкою на отношеніе къ разсматриваемому вопросу Совѣта Министровъ и Государственной Канцеляріи. Совѣтъ Министровъ при разсмотрѣніи законодательнаго предположенія 31 Члена Государственной Думы объ измѣненіи порядка укрѣпленія за Православной Церковію недвижимыхъ имуществъ, нашелъ, что предположеніе это касается предмета, не относящагося къ кругу вѣдѣнія законодательныхъ учрежденій (журналъ Совѣта Министровъ 25 мая 1910 г.). По вопросу объ ограниченіи завѣщательныхъ правъ іерарховъ и монашества Совѣтъ Министровъ (письмо Предсѣдателя Совѣта Министровъ на имя Оберъ-Прокурора Св. Сунода отъ 22 ноября 1911 г. за № 5594) призналъ, что въ соотвѣтствующій законопроектъ не должны быть включаемы постановленія, «касающіяся отмѣны или измѣненія подлежащихъ пересмотру въ порядкѣ *церковнаго* законодательства правилъ устава духовныхъ консисторій». По поводу сего послѣдняго Отдѣленіемъ Свода Законовъ Государственной Канцеляріи высказаны слѣдующія соображенія: уставъ духовныхъ консисторій, будучи какъ по содержанію, такъ и по формѣ актомъ управленія, по преимуществу церковнаго, не издавался и никогда не измѣнялся въ порядкѣ общаго законодательства, а во всѣхъ своихъ изданіяхъ утверждался

непосредственно Верховною Властію, по разсмотрѣніи означеннаго устава Св. Сунодомъ. Никакого въ семъ отношеніи измѣненія не внесено и Законами Основными 23 апрѣля 1905 г., такъ какъ въ этихъ Законахъ сохранены безъ всякихъ измѣненій ст. 42 и 43 тѣхъ же законовъ изданія 1892 г., именующія Императора «главою Церкви» и постановляющія, что «въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Сунода, Ею учрежденнаго».

Обращаясь засимъ къ законопроектамъ духовнаго вѣдомства, требующимъ установленія новыхъ штатовъ, ихъ измѣненія или отмѣны, «разъясненіе» Статсъ-Секретаря Саблера находитъ, что таковые законопроекты должны быть вносимы на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій. Что касается, наконецъ, законопроектовъ смѣшанныхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ одни положенія составляютъ предметъ общаго законодательства, а другія—исключительно церковнаго, то таковые подлежатъ разсмотрѣнію общихъ законодательныхъ учрежденій, лишь поскольку они касаются гражданскихъ правъ частныхъ лицъ или предметовъ вѣдѣнія иныхъ, кромѣ духовнаго вѣдомства, государственныхъ учрежденій.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ «обстоятельствъ и соображеній» Статсъ-Секретарь Саблеръ полагалъ:

1. Непосредственно Св. Суноду, «яко Правительствующему Россійской Церкви Собору», принадлежитъ разрѣшеніе властію Апостольскою всѣхъ возникающихъ въ Православной Церкви вопросовъ каноническихъ, догматическихъ, богослужебныхъ, обрядовыхъ и пастырскихъ, а равно преподаніе общихъ по симъ предметамъ опредѣленій.

2. Въ управленіи церковномъ, за исключеніемъ предметовъ, предусмотрѣнныхъ въ п. 1, Самодержавная

Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, простираясь какъ на область распорядительную, такъ и на дѣла церковнаго законодательства, поскольку таковыя не затрогиваютъ предметовъ общаго законодательства и круга вѣдѣнія иныхъ, кромѣ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, государственныхъ учрежденій, а равно не сопряжены съ расходами изъ средствъ Государственнаго Казначейства. Опредѣленія Сѵнода по означеннымъ дѣламъ восходятъ черезъ Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода на Высочайшее Государя Императора утвержденіе и, по воспослѣдованіи онаго, приводятся въ дѣйствіе.

3. Возникающія въ управленіи церковномъ законодательныя дѣла, коими затрогиваются предметы общаго законодательства или кругъ вѣдѣнія иныхъ, кромѣ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, государственныхъ учрежденій, или кои сопряжены съ расходами Государственнаго Казначейства, разрѣшаются въ общемъ законодательномъ порядкѣ, но лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя не касаются единственно церковнаго законодательства.

4. Указанныя въ п. 3 дѣла подлежатъ предварительному разсмотрѣнію Св. Правительствующаго Сѵнода и, затѣмъ, соотвѣтствующія предположенія Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, по одобреніи ихъ Совѣтомъ Министровъ, вносятся, установленнымъ порядкомъ, на уваженіе Государственной Думы.

Святѣйшій Сѵнодъ, одобривъ приведенныя соображенія Статсъ-Секретаря Саблера, 27 августа 1913 года предоставилъ Оберъ-Прокурору внести ихъ на «благоусмотрѣніе Совѣта Министровъ».

Разъясненіе 65 статьи Зак. Осн., составленное Статсъ-Секретаремъ Саблеромъ, является характернымъ примѣромъ настойчиваго стремленія высшихъ админи-

страторовъ стараго покроя сохранить, во что бы то ни стало, обломки до-реформеннаго строя, поколебленнаго въ своихъ устояхъ манифестомъ 17 октября 1905 г., отграничить отъ воздѣйствія законодательныхъ учрежденій, подъ лойяльнымъ предлогомъ охраненія прерогативъ Монарха, законодательные уголки, гдѣ подъ щитомъ Верховнаго управленія весьма удобно укрывать произволъ «маленькихъ монарховъ»—г.г. безотвѣтственныхъ министровъ. Печальный опытъ Японской кампаніи 1904 г. и великой европейской войны 1914—16 гг. показалъ, какое мутное содержаніе изъ обмана, ненасытнаго корыстолюбія и предательства вкладывалось въ законодательную самостоятельность военнаго и морского вѣдомствъ, установленную 96 ст. Зак. Осн. Этотъ же опытъ повелительно указываетъ законодателю на настоятельную необходимость въ ближайшемъ же будущемъ принять всѣ мѣры къ сокращенію для вѣдомствъ границъ законодательной экстерриторіальности и наложить категорическій запретъ попыткамъ расширять поле такой экстерриторіальности путемъ сомнительныхъ толкованій и разъясненій въ родѣ разсматриваемаго разъясненія Статсъ-Секретаря Саблера.

Цѣнность разъясненій измѣряется ихъ доказательностью. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія разъясненіе Статсъ-Секретаря Саблера далеко отъ тѣхъ совершенствъ, которыя могли бы снискать автору ореолъ и ненаказуемость побѣдителя. Консервативная мысль бывшаго Оберъ-Прокурора Св. Сунода ищетъ опоры своему разъясненію не въ дѣйствующемъ законодательствѣ, а въ прошломъ. Уже это одно характерно. Дѣйствующее законодательство, по откровенному признанію автора разъясненія, не даетъ основанія къ выдѣленію вѣдомства православнаго исповѣданія въ самостоятельную законодательную единицу. Такая самостсятельность

дѣйствующимъ закономъ предоставлена, на основаніи 96 ст. Зак. Осн., только военному и морскому вѣдомствамъ. «*Относительно же порядка законодательства по дѣламъ церковнымъ въ новыхъ основныхъ законахъ никакихъ особыхъ указаній не имѣется*». Естественная логика требовала бы, повидимому, заключенія, что, разъ никакихъ особыхъ указаній не имѣется, то, очевидно, по дѣламъ церковнымъ дѣйствуетъ общее законодательство, установленное 7 и 86 ст. Зак. Осн., по силѣ коихъ никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Но естественная логика не въ духѣ разъяснителя. Его «юридическая» мысль, не находя утѣшенія въ настоящей дѣйствительности, устремляется къ прошлому, *нынѣ не дѣйствующему*, и тамъ ищетъ фундамента для новаго сооруженія не только въ статьяхъ закона, но и въ проектахъ статей, т. е. въ предположеніяхъ, и тогда не получившихъ осуществленія. Таково, напримѣръ, указаніе на первоначальную редакцію ст. 24 Зак. Осн., каковой статьи нѣтъ ни въ изданіи Основныхъ Законовъ 1892 года, ни въ послѣднемъ изданіи 1906 года. Какое значеніе имѣетъ для цѣлей разъясненія эта не выдержавшая окончательной редакціи статья, изъ изложенія Статсъ-Секретаря Саблера не видно. Если указаніемъ на эту статью имѣлось въ виду усилить непререкаемость стт. 62—69 I ч. I т. Св. Зак., и, въ частности, ст. 65-й, именно какъ законовъ основныхъ, то цѣль не достигнута. Упомянутыя статьи непререкаемы сами собой уже по одному тому, что онѣ находятся въ сводѣ основныхъ государственныхъ законовъ. Подкрѣпить эту непререкаемость такимъ негоднымъ оружіемъ, какъ ссылка на первоначальную редакцію статьи, не нашедшей мѣста въ послѣднихъ изданіяхъ Основныхъ Законовъ, значитъ не со-

дѣйствовать твердости ихъ, а создавать убѣжденіе, чтс кто-то не удовлетворяется наличностью ст. 62—69 1 ч. I т. Св. Зак. въ Сводѣ Законовъ Основныхъ и требуетъ новыхъ доказательствъ ихъ непререкаемости, какъ основныхъ законовъ. Но никто такихъ сомнѣній не высказывалъ и не высказываетъ, а потому ссылка Статсъ-Секретаря Саблера на первоначальную редакцію ст. 24 представляется совершенно излишней и никакого значенія не имѣющей.

Не большее значеніе имѣетъ указаніе «разъясненія» на Духовный Регламентъ, какъ первоисточникъ законодательной власти Св. Сѵнода въ области церковной. Правда, согласно учредительному о Сѵнодѣ Высочайшему Манифесту, отъ 25 января 1721 года, этотъ Духовный Коллегіумъ надлежитъ «имѣть за важное и сильное правительство», которое, по Регламенту, должно «всякія духовныя дѣла въ Всероссійской Церкви управлять», а по позднѣйшимъ указамъ Императора Петра I-го «Синодъ въ чести, силѣ и власти собственнаго своего правительства Сенату равенъ есть». Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно и то, что какъ Святѣйшій Сѵнодъ, такъ и Правительствующій Сенатъ въ настоящее время совсѣмъ не то, чѣмъ они были непосредственно по своемъ учрежденіи. Эволюціонируя на пространствѣ 200-лѣтней исторіи своего существованія, оба эти установленія по мѣрѣ возникновенія другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій (Верховнаго Совѣта, Тайнаго Совѣта, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы) постепенно утрачивали свои законодательныя права и обратились въ то, чѣмъ они являются по точному смыслу дѣйствующаго законодательства.

Положеніе Св. Сунода въ системѣ государственныхъ учрежденій.

Для уясненія нынѣшняго положенія Святѣйшаго Сунода въ системѣ государственныхъ установленій существенное значеніе имѣютъ три акта: а) Высочайшій Манифестъ 24 октября 1817 г. объ учрежденіи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія; б) Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 23 апрѣля 1906 г. о точнѣйшемъ разграниченіи областей Верховнаго управленія и власти законодательной и в) послѣдняя редакція ст. ст. 10 и 65 Зак. Осн. изд. 1906 г., какъ результатъ выполненія упомянутаго Именного Высочайшаго указа.

На основаніи Манифеста 24 Октября 1817 г. Св. Сунодъ вошелъ въ составъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и, такимъ образомъ, изъ самостоятельнаго высшаго органа церковнаго управленія превратился въ составную часть новаго вѣдомства, въ служебный органъ Министра. Въ такомъ положеніи онъ остается и по настоящее время. Правда, Министръ Духовныхъ Дѣлъ теперь фактически не существуетъ, Святѣйшій Сунодъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія составляютъ два отдѣльныхъ вѣдомства. Но въ Именномъ Высочайшемъ указѣ Св. Суноду, отъ 15 мая 1824 г., было сказано: «Назначивъ особаго Министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣваемъ: дѣламъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, *до назначенія Министра Духовныхъ Дѣлъ*, имѣть то же теченіе, въ какомъ онѣ находились до учрежденія сего Министерства 24 октября 1817 года». Слѣдовательно, несмотря на выдѣленіе въ самостоятельную единицу Министерства Народнаго Просвѣщенія, Министерство Духовныхъ Дѣлъ не упразднялось и до сихъ поръ никакимъ законодательнымъ актомъ не упразднено. Та-

кимъ образомъ, de jure оно продолжаетъ свое существованіе и теперь наперекоръ фактическимъ перемѣнамъ въ системѣ управленія. Юридическая наличность Министерства Духовныхъ Дѣлъ, опредѣляющая дѣйствительное положеніе Св. Сунода въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, нашла свое отраженіе и въ законодательствѣ послѣдняго времени. Ст. 65 Зак. Осн. (изд. 1906 г.) гласитъ: «Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ *посредствомъ* Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, Ею учрежденнаго». Эта статья или—вѣрнѣе—двойникъ ея—ст. 43 Зак. Осн. изд. 1892 года особенно любезна уму Статсъ-Секретаря Саблера. Въ этой статьѣ—точнѣе: въ *пониманіи* ея смысла современниками сановный разъяснитель видитъ послѣдній источникъ сохраненія законодательной силы за Св. Сунодомъ послѣ изданія новыхъ Основныхъ Законовъ. Сочетавъ распространительное толкованіе ст. 43 (изд. 1892 г.) ея современниками и болѣе или менѣе отдаленными предшественниками съ фактомъ буквальнаго воспроизведенія этой статьи въ новыхъ Основныхъ Законахъ въ видѣ ст. 65, Статсъ-Секретарь Саблеръ строитъ слѣдующій силлогизмъ: въ прежнее до-реформенное время ст. 43-я старыхъ Основныхъ Законовъ, гласящая только объ управленіи церковномъ, понималась распространительно, въ смыслѣ предоставленія Св. Сунову и правъ законодательныхъ въ порядкѣ верховнаго управленія; а такъ какъ эта статья цѣликомъ воспроизведена и въ новыхъ Основныхъ Законахъ, то, очевидно, законодатель, устанавливаяя стт. 7-й и 86-й этихъ законовъ новый порядокъ законодательства по дѣламъ свѣтскимъ, въ отношеніи дѣлъ церковныхъ оставилъ старое правило, по силѣ коего законодательная власть по этого рода дѣламъ осуществляется Государемъ Императоромъ посредствомъ Св. Сунода. Внутренняя несосто-

ятельность этого стройнаго съ внѣшней стороны силлогизма открывается изъ слѣдующаго. Прежде всего, никакого *стараго правила* въ смыслѣ писаннаго закона, на основаніи котораго Св. Суноду усвоялись законодательныя функціи, хотя бы въ порядкѣ Верховнаго управленія, въ дѣйствительности не было и нѣтъ. *Было лишь обыкновеніе, фактическая узурпація права.* Ст. 65-я, равно какъ и ея прототипъ—ст. 43 и въ изданіи 1812 года, и въ изданіи 1857 г., говоритъ объ *управленіи* церковномъ, а не о законодательствѣ. Но въ до-реформенное время эти понятія смѣшивались. Этому смѣшенію содѣйствовала существовавшая въ то время пестрота законодательной практики. Источникъ законодательства былъ одинъ,—волеизъявленіе Монарха, но пути къ нему разные. Законодательствовалъ Государственный Совѣтъ стараго устройства, законодательствовалъ Комитетъ Министровъ, законодательствовали отдѣльные Министры и Главноуправляющіе путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, законодательствовалъ и Св. Сунодъ чрезъ своего Оберъ-Прокурора. Разобраться въ этой пестротѣ, гдѣ обнаруживался подлинный государственный разумъ и гдѣ проявлялась единоличная политическая программа отдѣльнаго Министра, было совершенно невозможно. Все прикрывалось именемъ Монарха и въ этомъ высшемъ авторитетѣ получало одинаковую въ глазахъ населенія силу и значеніе. Конецъ этой пестротѣ и неразберихѣ положенъ Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 23 апрѣля 1906 года. Этимъ указомъ повелѣно: «свести во едино постановленія, имѣющія значеніе Основныхъ Государственныхъ Законовъ, подлежащихъ измѣненію лишь по почину Нашему, и дополнить ихъ положеніями, *точнѣе разграничивающими область* принадлежащей Намъ нераздѣльно *власти верховнаго управленія отъ власти законодательной*».

Разъясненіе Статсъ-Секретаря Саблера умалчиваетъ объ этомъ указѣ, дѣлая это, вѣроятно, не безъ умысла, такъ какъ совершенно невозможно допустить, что указъ былъ неизвѣстенъ составителямъ разъясненія. Секретъ въ томъ, что указъ 23 апрѣля 1906 г. въ корнѣ разрушаетъ разъясненіе вообще и въ отношеніи 65 ст. Зак. Осн. въ частности. Если при наличности этого указа принять доводы разъясненія, то получится далеко нелестный выводъ относительно добросовѣстности составителей новыхъ основныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Высочайшій указъ требуетъ точнѣйшаго разграниченія между областями управленія и законодательства, а составители законовъ, если вѣрить разъясненію, все таки оставляютъ въ 65 ст. терминъ «управленіе» («въ *управленіи* церковномъ Самодержавная Власть...»), разумѣя, однако, подъ этимъ терминомъ не управленіе, а законодательство. Тутъ что-нибудь одно: или наличность неисполненія Высочайшей воли, или очевидное заблужденіе разъясненія. Допустить первое невозможно; остается второе.

Итакъ ст. 65 Зак. Осн. никакихъ законодательныхъ правъ Св. Сѵноду не усваиваетъ. Это подтверждается не только яснымъ терминомъ «управленіе», но и дальнѣйшимъ изложеніемъ указанной статьи, разъясняющимъ, какъ юридическую природу Св. Сѵнода, такъ и мѣсто его въ ряду государственныхъ установленій. Статья говоритъ, что Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ утвержденъ Самодержавной Властію; слѣдовательно, это есть органъ не церковный, а государственный. Въ сферѣ церковныхъ интересовъ Самодержавная Власть проявляется не непосредственно, а *посредствомъ* Св. Сѵнода. Между тѣмъ въ ст. 10 Зак. Осн. разъясняется, что «въ управленіи верховномъ власть Его (Государя Императора) дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же

управленія *подчиненнаго* опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его Именемъ и по Его повелѣнію»; т. е. въ управленіи подчиненномъ, въ отличіе отъ управленія верховнаго, устанавливается *посредство*. И разъ въ ст. 65 Зак. Осн. сказано, что въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Сунода, то, очевидно, въ этой статьѣ идетъ рѣчь не о какой-либо иной власти верховнаго управленія, а именно о власти управленія подчиненнаго, т. е. о такой власти, какая свойственна всѣмъ Министерствамъ. Такимъ образомъ, ст. 65 Зак. Осн., отмѣчая государственную (гражданскую) природу Св. Сунода, отводитъ ему мѣсто въ ряду другихъ Министерствъ. И только. Отсюда ясно, насколько несостоятеленъ выводъ Статсъ-Секретаря Саблера, что Св. Суноду, «яко Правительствующему Россійской Церкви Собору, принадлежитъ разрѣшеніе *властію Апостольскою* всѣхъ возникающихъ въ Православной Церкви вопросовъ каноническихъ (?), догматическихъ (?!), богослужебныхъ, обрядовыхъ и пастырскихъ, а равно преподаніе общихъ по симъ предметамъ опредѣленій». Усвоять такому чисто-гражданскому установленію, какъ Сунодъ, преемство Апостольской власти и рѣшеніе не только вопросовъ обрядово-каноническихъ, но и догматическихъ, можетъ только очевидное невѣжество въ дѣлахъ церковныхъ и явное незнакомство съ исторіей учрежденія, о которомъ идетъ рѣчь.

На этомъ можно и закончить разсмотрѣніе пресловутаго «разъясненія» ст. 65 Зак. Осн., сдѣланнаго бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Сунода Статсъ-Секретаремъ В. К. Саблеромъ. Его ссылки на авторитетъ Совѣта Министровъ и Государственной Канцеляріи, послѣ уясненія подлиннаго смысла разсматриваемой

статьи, опредѣленія юридической природы Св. Сунода и мѣста его въ системѣ государственныхъ установленій, совершенно неубѣдительны. Правда, Совѣтъ Министровъ одобрилъ, въ общемъ, разъясненіе Статсъ-Секретаря Саблера и испросилъ на утвержденіе этого разъясненія Высочайшее соизволеніе. Но тутъ, очевидно, произошло сплошное недоразумѣніе, какъ по существу, такъ и съ формальной стороны. По существу, къ сужденіямъ Совѣта Министровъ, повторяющимъ доводы Статсъ-Секретаря Саблера, относится все, что сказано выше относительно юридическихъ основаній разъясненія 65 ст., изложенныхъ въ представленіи Сунодальнаго Оберъ-Прокурора за № 333, формальные же дефекты соотвѣтствующаго журнала Совѣта Министровъ опредѣляются тѣмъ, что собственно имѣлъ въ виду Совѣтъ Министровъ, постановляя свое рѣшеніе касательно смысла ст. 65 Зак. Осн. Если Совѣтъ Министровъ, руководствуясь ст. 1 ч. 2 т. I Свод. Зак., предполагалъ дать направленіе дѣйствіямъ Сунодальнаго Оберъ-Прокурора по предмету законодательства, то, очевидно, однимъ одобреніемъ предположеній Статсъ-Секретаря Саблера нельзя было ограничиться, а нужно было указать, что дѣлать дальше. Дальнѣйшая же дѣятельность Оберъ-Прокурора могла проявиться въ двухъ направленіяхъ: или обратиться въ Правительствующій Сенатъ за разъясненіемъ ст. 65 Зак. Осн. въ духѣ и смыслѣ журнала Совѣта Министровъ, если только Сенату предоставлено право разъяснять Основные Законы, или войти съ представленіемъ въ законодательныя учрежденія о дополненіи Свода Законовъ Основныхъ новыми статьями, усвояющими Св. Суноду право самостоятельнаго законодательства. Однако, послѣднее могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы сужденію Совѣта Министровъ, въ виду точнаго указанія закона на то, что

починъ въ пересмотрѣ основныхъ законовъ принадлежитъ единственно Государю Императору. предшествовалъ особый Высочайшій указъ, какъ это было, напримѣръ, 23 апрѣля 1906 года. Такого указа въ данномъ случаѣ не имѣлось, а потому и къ пересмотру въ законодательномъ порядкѣ Основныхъ Законовъ основаній не было. Журналъ Совѣта Министровъ, касающійся предложеннаго Статсъ Секретаремъ Саблеромъ разъясненія 65 ст., опубликованъ не былъ, вѣроятно, въ виду требованія ст. 92 Зак. Осн., и остался въ архивѣ Канцеляріи Совѣта Министровъ въ качествѣ памятника неудачной попытки установить законодательную самостоятельность Св. Сунода на основаніи законовъ, о такой самостоятельности совсѣмъ не говорящихъ.

Анализъ 65 ст. Зак. Осн. приводитъ къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какіе сдѣлалъ Статсъ-Секретарь Саблеръ. По точному смыслу этой статьи Св. Сунодъ нынѣшняго устройства не имѣетъ никакихъ самостоятельныхъ правъ ни на законодательство гражданское, ни тѣмъ болѣе на законодательство церковное. Самостоятельность гражданскаго законодательства несвойственна Суноду, какъ учрежденію министерскаго типа, а церковное законодательство чуждо ему въ силу его гражданской, а не церковной, природы. И, конечно, тѣмъ менѣе основаній по аналогіи съ Св. Сунодомъ устанавливать порядокъ законодательства соборнаго. Здѣсь долженъ быть совершенно иной строй сужденій въ виду особой природы церковнаго института.

Существенныя черты церковнаго законодательства.

Существенныя черты церковнаго законодательства, отличающія его отъ законодательства иного порядка, по самой природѣ законодательныхъ функцій, свойственныхъ только политическимъ организмамъ, полу-

чаютъ свое опредѣленіе въ понятіи о Церкви, какъ царствѣ. Новозавѣтная идея Церкви въ Священномъ Писаніи неоднократно раскрывается въ формѣ ученія о Царствѣ Божіемъ. Въ широкомъ смыслѣ это ученіе охватываетъ всю совокупность бытія: Церковь ветхозавѣтную, воинствующую—земную и торжествующую—небесную; въ узкомъ же смыслѣ —Церковь въ условіяхъ ея земного существованія. Но и въ томъ и въ другомъ значеніи терминъ «Царство» не есть нѣчто приточное, образное, а чистая реальность, какъ безусловно реаленъ Царь этого царства Кроткій и Спасающій (Матѳ. XXI, 5; Зах. IX, 9), Господь Іисусъ Христосъ. Это Царство—Церковь противопоставляется въ Евангеліи другому царству, господствующему въ мірѣ—«царству князя міра сего». Въ этомъ противопоставленіи идея Церкви связывается съ идеей искупленія и въ послѣдней получаетъ особыя черты, характеризующія правопорядокъ Царства Божія и существенныя особенности церковнаго въ собственномъ смыслѣ законодательства. Царство Божіе — діаметральная противоположность царству «князя міра сего». Послѣднее есть прямой результатъ грѣхопаденія. Преслушаніе прародителей повергло міръ въ бездну грѣха. «Міръ во злѣ лежитъ» (I Іоан. V, 19); онъ сдѣлался удѣломъ діавола и ангеловъ его, сталъ «царствомъ князя міра сего». Характерная черта этого «князя», опредѣляющая конституцію правовыхъ отношеній въ его царствѣ—*гордость* и связанное съ нимъ насиліе въ смыслѣ внѣшнихъ способовъ воздѣйствія на стороннюю волю (Сирах. X, 15). Самъ Денница обратился изъ могучаго свѣтлаго ангела въ діавола вслѣдствіе гордости (I Тим. III, 6) и перваго человѣка склонилъ къ грѣхопаденію обращеніемъ къ его чувству гордости (Быт. III, 5—будете, какъ боги...) и Христа пытался искусить въ

пустынѣ пробужденіемъ въ Немъ горделиваго сознанія Своей силы, какъ Сына Божія, и перспективой гордаго обладанія всѣми царствами (Лук. V, 3, 6 и 9). Иной природы Царь Царства Божія. По пророчеству о Немъ, Онъ «трости надломленной не переломитъ, свѣтильника потухающаго не погаситъ» (Ис. XL II, 3). Онъ «кротокъ и смиренъ сердцемъ» (Матѳ. XI. 29) и въ величайшемъ актѣ смиренія—крестной смерти Своей видитъ залогъ изгнанія «князя міра сего» (Іоан. XII, 31). Такимъ образомъ, *смиреніе* — основная черта Царя Новозавѣтнаго Сіона Христа. Эта черта и является первичнымъ зерномъ, изъ котораго вырастаетъ правопорядокъ въ Царствѣ Божіемъ. Гордость является психологическимъ началомъ желанія властвовать и самой власти, какъ совокупности данныхъ, обезпечивающей внѣшнее принудительное господствованіе надъ сторонней волей. Смиренію чужды не только проявленія властолюбія, но и самая возможность внѣшняго начальственнаго тяготѣнія надъ чужимъ самоопредѣленіемъ. И вотъ это качество Христосъ ставитъ основнымъ условіемъ достиженія Царства Божія. На подсказанный тщеславнымъ чувствомъ вопросъ: «Кто большій въ Царствѣ небесномъ?» — Спаситель отвѣчаетъ Своимъ ученикамъ: «Кто смирится, какъ дитя, тотъ и будетъ большимъ въ Царствѣ небесномъ» (Матѳ. XVIII, 4). Въ другомъ мѣстѣ, но по одинаковому поводу, Христосъ еще съ большей отчетливостью противопоставляетъ правопорядку міра сего смиренный правопорядокъ Царства Божія. На просьбу матери сыновъ Зеведеевыхъ посадить ихъ по правую и лѣвую руку въ Царствѣ Христа и въ отвѣтъ на ревнующее негодованіе прочихъ учениковъ, Спаситель говоритъ: «Вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими. *А у васъ пусть будетъ не такъ: кто*

хочетъ между вами быть бо́льшимъ, да будетъ вамъ слуга, и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабъ» (Матѳ. XX, 25—27; Марк. IX, 35; X, 42 и 43). Такимъ образомъ, отрицая власть въ смыслѣ внѣшняго орудія подчиненія чужой воли, Христосъ устанавливаетъ въ Своемъ Царствѣ единственный источникъ властвованія и первенства — высоту смиренія и весь правопорядокъ слагаетъ не на основаніи принудительнаго подчиненія внѣшнему авторитету подъ вліяніемъ внѣшнихъ же побудителей, а на принципѣ добровольнаго признанія и склоненія сторонней воли предъ высотою нравственнаго авторитета, выросшаго на основной добродѣтели — смиреніи. Эта добродѣтель съ особой настойчивостью требуется Христомъ отъ Его учениковъ (Матѳ. V, 3, 5, 23 и 24, 39—41) не только потому, что она является противоядіемъ заразительному началу грѣха—гордости и, слѣдовательно, непремѣннымъ условіемъ усвоенія искупительной жертвы («Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать» 1 Петр. V, 5; ср. Іак. IV, 6), но и потому, что она служитъ краеугольнымъ камнемъ правопорядка въ Царствѣ Божіемъ. Самое устроеніе этого Царства Христосъ ставитъ въ зависимость не отъ внѣшнихъ реформъ, цѣнность которыхъ съ точки зрѣнія людей разныхъ временъ и убѣжденій всегда относительна, а отъ абсолютно-самоцѣнныхъ велѣній богонастроенной души. «Царство Божіе», говоритъ Онъ, «не придетъ примѣтнымъ образомъ. И не скажутъ вамъ: вотъ, оно здѣсь или вотъ, оно тамъ; ибо Царство Божіе внутри васъ» (Лук. XVII, 20, 21). Отсюда вытекаетъ требованіе: «Ищите прежде всего Царствія Божія и правды его, а все сіе (земное благополучіе) придастся вамъ» (Мѳ. VI, 33; Лук. XII, 31), т. е. придетъ само собой. Истиннымъ же началомъ правды, т. е. правопо-

рядка (δικαιοσύνη) Царства Божія является, какъ сказано выше, смиреніе. Въ цѣляхъ созиданія этой «правды» Христосъ даровалъ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всему священноначалію церковному только такую власть, дѣятельное и въ личномъ примѣрѣ примѣненіе которой должно содѣйствовать формированію «внутренняго человѣка» и, слѣдовательно, устроенію Царства Божія на землѣ по началамъ созидаемаго самимъ человѣкомъ внутри его Царства Божія (Лук. XVII, 21). Это—власть учительства, раздаянія благодатныхъ даровъ въ таинствахъ (Мѳ. XXVIII, 19 и 20: «учаще... крестяще...») и огромная власть суда надъ совѣстью (Іоан. XX, 22, 23), но съ перспективой безконечнаго, въ воспитательныхъ цѣляхъ, милосердія и снисхожденія (Мѳ. XVIII, 21 и 22). О внѣшней власти, какъ совокупности началъ, обусловливающихъ принудительное подчиненіе чужой воли, въ ученіи Спасителя и рѣчи нѣтъ. Являясь въ самомъ существѣ своемъ антитезой царству «князя міра сего», Царство Божіе непонятно людямъ. Осуществленіе его идей встрѣчается общимъ недовѣріемъ и ненавистью. «Въ мірѣ скорбны будете», говоритъ Христосъ сынамъ Своего Царства (Іоанн. XVI, 33). «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ; ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровію ея. И враги человѣку домашніе его» (Мѳ. X, 34—36). «Я передалъ имъ (Своимъ ученикамъ) слово Твое (Бога Отца), и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра» (Іоанн. XVII, 14). «Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое. А такъ какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому и ненавидитъ васъ міръ» (Іоан. XV, 18, 19). «Изгонятъ

васъ изъ синагогъ; даже наступитъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу» (Іоан. XV, 2). Эта слѣпая, ожесточенная вражда является характернымъ показателемъ глубочайшей дисгармоніи между «стихіями міра сего» (Галат. IV, 3; Колос. II, 8, 20) и основными началами Царства Божія. Въ силу этой дисгармоніи Царство Божіе, хотя и открывается въ мірѣ, но оно, по существу, «не отъ міра сего» (Іоан. XVIII, 36). Соотвѣтственное этой послѣдней чертѣ и законодательство Царства Божія должно быть законодательствомъ не отъ міра сего не въ смыслѣ отверженія земныхъ условій существованія, а въ смыслѣ использованія этихъ условій съ единственной точки зрѣнія: раскрытія тайнъ Царствія Божія и дѣятельнаго осуществленія ихъ въ жизни для организаціи человѣческихъ отношеній по принципамъ Царства Божія съ конечной цѣлью—вѣчнаго спасенія впереди. Такимъ образомъ, законодательство Царства Божія на землѣ или — что то же — законодательство церковное есть законодательство въ мірѣ, но не отъ міра сего: оно имѣетъ объектомъ человѣка, но разсматриваетъ его, какъ гражданина небеснаго (Евр. XIII, 14), считается съ условіями земного существованія, но включаетъ ихъ въ кругъ законодательнаго воздѣйствія лишь постольку, поскольку эти условія имѣютъ непосредственное отношеніе къ главной цѣли: созиданію внутренняго человѣка путемъ раскрытія тайнъ Царства Божія. Сфера церковнаго въ собственномъ смыслѣ законодательства выясняется изъ самаго понятія о Церкви. По православному разумѣнію Церковь есть общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами. Въ этомъ опредѣленіи Церкви явственно выступаютъ двѣ стороны жизнедѣятельности церковнаго организма: одна

касается внутренняго содержанія религіи, составляющей жизненный сокъ церковнаго бытія (вѣра, законъ Божій); другая—внѣшняго обнаруженія религіи (священноначаліе и таинства). Такимъ образомъ, жизнедѣятельность Церкви строго ограничена религіозной сферой. Соотвѣтственно этому и церковное законодательство въ чистомъ его видѣ является только религіознымъ законодательствомъ. Въ отношеніи къ внутреннему содержанію религіи оно выступаетъ, какъ законодательство догматически-изъяснительное; въ отношеніи же къ внѣшнему обнаруженію религіи, какъ законодательство каноническое. Первое законодательство по его существу и органамъ происхожденія можно назвать основоположительнымъ, второе — административнымъ.

Догматическое законодательство.

Догматическое законодательство, раскрывающее внутреннее содержаніе тайнъ Царства Божія, ближайшимъ объектомъ своимъ имѣетъ внутренняго человѣка, его духовную консистенцію (по Тертулліану, душа человѣка по природѣ христіанка) и потому вращается исключительно въ области вѣроученія. Догматическое законодательство состоитъ въ установленіи вѣроучительныхъ опредѣленій, обязательныхъ для религіозной совѣсти всѣхъ членовъ Церкви. Единственнымъ источникомъ, откуда почерпаютъ свое содержаніе эти опредѣленія, является ученіе Божественнаго Основателя Церкви. Поэтому догматически-законодательную дѣятельность Церкви слѣдуетъ понимать ограничительно. Она состоитъ не въ декларацiи новыхъ истинъ, Христомъ не возвѣщенныхъ, ибо Законодателемъ для Церкви въ строгомъ и единственномъ смыслѣ есть и на вѣчныя времена будетъ Основоположникъ ея Господь Іисусъ

Христосъ, давшій въ Своемъ ученіи всю полноту истинъ, полное исчерпывающее собраніе законовъ для раскрытія Царства Божія на землѣ по началамъ богопросвѣщенной души. Никакихъ новыхъ истинъ, кромѣ содержащихся въ ученіи Христа, Церковь дать не можетъ. Иначе она будетъ не Христовою, а церковью иного порядка. Такимъ образомъ, церковный догматъ, какъ вѣроучительная формула, не есть самодовлѣющая истина, а лишь раскрытіе внутренняго содержанія истины, данной Христомъ. Поэтому догматическое законодательство Церкви, по существу, не есть законодательное, а разъяснительно-основоположительное. По аналогіи, это законодательство относится къ законодательству Христа такъ же, какъ разъяснительное законодательство Правительствующаго Сената къ законодательству Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Церковныя догматическія постановленія обязательны для всѣхъ членовъ Церкви. Эта обязательность вытекаетъ изъ единства вѣры, обусловливаемаго въ свою очередь единствомъ Божества, какъ первоисточника богооткровеннаго ученія («Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ», Ефес. IV, 5, 6). Общеніе въ вѣроученіи, являющееся фундаментальнымъ основаніемъ всей жизнедѣятельности Церкви, служитъ дѣйствительнымъ показателемъ принадлежности къ церковному организму, внѣ коего, по православному разумѣнію, нѣтъ спасенія (Мал. Катих. Москва 1649 г., л. 36). И, наоборотъ, расхожденіе съ принятымъ Церковію ученіемъ, выраженнымъ въ догматическомъ постановленіи, свидѣтельствуетъ объ отпаденіи отъ церковнаго единомыслія и, слѣдовательно, отъ самаго церковнаго организма. Этотъ консерватизмъ не обрекаетъ, впрочемъ, на неподвижность богословскую мысль въ ея свободномъ изслѣдованіи тайнъ Цар-

ства Божія. Ученіе Основоположника Церкви доступно изученію всѣхъ членовъ Церкви и толкованію соотвѣтственно мѣрѣ духовнаго возраста каждаго. Здѣсь quot homines, tot sententiae (сколько головъ, столько и умовъ), доколѣ каждое отдѣльное мнѣніе остается субъективнымъ достояніемъ изслѣдователя и не выдвигается въ противовѣсъ общецерковному ученію, какъ новая истина. Всѣ эти отдѣльныя мнѣнія и толкованія являются составными частицами зерна, изъ которыхъ вырастаетъ и выливается въ опредѣленную форму догматическаго постановленія общецерковное сознаніе. Это послѣднее и только оно одно является критеріемъ истины на основаніи изложеннаго выше ученія Христа Спасителя о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи. И такъ какъ принципъ единства въ вѣрѣ требуетъ, чтобы всѣ члены Церкви, въ ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ мѣстахъ ея распространенія, внимали одному и тому же слову истины, а разумѣніе ея, приближающееся до извѣстной степени къ богочеловѣческому сознанію Самого Христа, посильно, при благодатномъ озареніи Святаго Духа (Іоан. XVI, 13) въ мѣрѣ возраста вѣрующихъ, только вселенскому сознанію, то очевидно, что догматическое законодательство, устанавливающее именно вѣроучительныя нормы, составляетъ функцію только вселенской Церкви или ея органовъ—Вселенскихъ Соборовъ.

Вселенскій характеръ догматическаго законодательства Церкви опредѣляетъ его устойчивость. Догматы Церкви неизмѣняемы. Однако, эту неизмѣняемость едва ли можно понимать въ смыслѣ совершенной неподвижности догматической мысли, какъ это склонно понимать не только обычное, но въ извѣстной части и научное сознаніе. Такое пониманіе основывается на безспорномъ фактѣ руководительства вселенскимъ сознаніемъ со стороны

Святаго Духа, Который, по слову Христа, на то и пріидетъ, чтобы «путеводить насъ въ достиженіи всякой истины» (ὁδηγήσει εἰς πάσαν ἀληθείαν (Іоан. XVI, 13). Но, оставаясь въ предѣлахъ этого факта, нельзя забывать православнаго ученія, что Св. Духъ Своимъ благодатнымъ озареніемъ дѣйствуетъ не насильственно, не подавляя человѣческой свободы, а въ полномъ соотвѣтствіи съ духовнымъ развитіемъ индивидуума, питая одного словеснымъ млекомъ, а другого, болѣе преуспѣвшаго въ духовномъ развитіи, твердой пищей ученія. Церковь есть столпъ и утвержденіе истины (I Тим. II, 15) въ смыслѣ неповреждаемой хранительницы богооткровеннаго ученія; но въ отношеніи разумѣнія этого ученія члены Церкви, каждый въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, подчинены законамъ естественнаго развитія, которое благодать Св. Духа питаетъ и возгрѣваетъ, но не насилуетъ преждевременнымъ форсированіемъ его силъ. Такимъ образомъ, въ формулировкѣ догматическихъ вѣроопредѣленій выражается не абсолютное сознаніе Св. Духа, а озаренное Его благодатнымъ воздѣйствіемъ человѣческое сознаніе въ мѣрѣ его естественнаго развитія въ данный моментъ.

Понимаемая относительно устойчивость догматическаго законодательства Церкви открываетъ въ будущемъ возможность цѣлаго ряда Вселенскихъ Соборовъ и новыхъ догматическихъ опредѣленій, доселѣ неизвѣстныхъ или не принятыхъ вселенскимъ сознаніемъ. Но эта возможность осуществима только въ томъ случаѣ, если будетъ возстановлено единство вселенскаго сознанія, раздробившагося нынѣ на три главныхъ группы *пониманія* христіанства: православіе, католичество и лютеранство съ ихъ многоразличными побочными отвѣтвленіями. Пока существуетъ это раздѣленіе и отдѣльныя группы христіанства относятся другъ къ другу

съ крайней враждой (антитеза ученію Христа въ Іоан. XIII, 25), до тѣхъ поръ о Вселенскомъ Соборѣ, а, слѣдовательно, и о дальнѣйшемъ движеніи догматической мысли, и думать нельзя. Въ этой именно фактической, а не принципіальной невозможности созыва Вселенскаго Собора догматическое законодательство Церкви за прошлое время получаетъ твердую устойчивость въ дальнѣйшемъ, ибо, какъ объяснено выше, голосъ вселенскаго сознанія, разъ раздавшійся, обязателенъ для всѣхъ членовъ Церкви до тѣхъ поръ, пока не услышится новый голосъ того же вселенскаго сознанія.

Изложенныя выше соображенія приводятъ къ слѣдующей формулѣ догматическаго законодательства: *церковное догматическое законодательство есть выраженіе, посредствомъ постановленій Вселенскихъ Соборовъ, озареннаго Св. Духомъ вселенскаго сознанія въ обязательномъ для христіанъ всего міра пониманіи вѣроучительныхъ истинъ, возвѣщенныхъ Основоположникомъ Церкви—Христомъ Спасителемъ.* Предсоборное Присутствіе, усвояя законодательную власть Россійскому Помѣстному Собору, очевидно, имѣло въ виду не этотъ типъ законодательства. Помѣстный Соборъ Россійской Церкви, какъ бы ни былъ многочисленъ по личному составу и даже восполненъ присутствіемъ всѣхъ православныхъ патріарховъ, все же, при наличіи печальнаго раздѣленія христіанства на несоприкасающіяся другъ съ другомъ группы, останется Помѣстнымъ Соборомъ и потому правъ на догматическое законодательство не имѣетъ.

Остается церковное законодательство административное или каноническое.

Каноническое законодательство.

Каноническое законодательство, въ противоположность догматическому, имѣетъ своимъ объектомъ *внѣш-*

няго человѣка, т. е. человѣка во внѣшнихъ обнаруженіяхъ вѣры. Матеріальное содержаніе этого законодательства составляютъ, съ одной стороны, не писанные законы—устное преданіе, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ другой — писанныя постановленія и правила, заключенныя въ церковно-юридическіе сборники въ родѣ «Книги правилъ», «Кормчей» и т. д. И тотъ и другой видъ церковно-каноническаго законодательства имѣютъ одну цѣль—установленіе нормъ внѣшней жизни христіанства. Получая свое начало въ религіозномъ сознаніи и въ немъ разрѣшаясь, церковное каноническое законодательство дѣйствуетъ исключительно въ сферахъ вѣры, оставаясь по существу, какъ и догматическое, законодательствомъ не отъ міра сего. Здѣсь, однако,—поскольку сама Церковь во внѣшней жизни ея членовъ подчиняется естественнымъ законамъ развитія,—на церковное каноническое законодательство оказываетъ давленіе вся совокупность внѣшнихъ побудителей, подъ вліяніемъ которыхъ слагается соціальная, общественная и политическая жизнь человѣчества. Въ этомъ отношеніи имѣютъ положительное или отрицательное значеніе субъективизмъ законодателей, и сцѣпленіе историческихъ обстоятельствъ, и религіозная преемственность, этнографическія особенности, географическія условія и т. д. и т. д. Такъ, неписанный законъ, по силѣ коего русскія духовныя особы носятъ длинные волосы, унаслѣдованъ отъ правилъ древнихъ назореевъ; правило возжигать предъ иконами въ лампадахъ только чистое оливковое масло заимствовано изъ предписаній Моисеева закона (Лев. XXIV, 2). Гиперболическая наклонность къ монашеству нашла свое отраженіе въ 40-мъ правилѣ VI-го Вселенскаго Собора, разрѣшающаго вступать въ монашество десятилѣтнимъ. Паденіе внутренняго авторитета епископата отразилось

въ цѣломъ рядѣ каноническихъ постановленій, ограждающихъ достоинство епископа и т. д.

Находясь подъ вліяніемъ разнаго рода внѣшнихъ побудителей, то появляющихся, то исчезающихъ, всегда разнообразныхъ и измѣняющихся, и имѣя дѣло только съ внѣшнимъ обнаруженіемъ вѣры, каноническое законодательство въ принципѣ и на практикѣ болѣе гибко въ смыслѣ измѣняемости, чѣмъ догматическое. Вселенская Церковь едина, но единство ея чисто-внутреннее; оно покоится на общности вѣроучительныхъ постановленій, принятыхъ вселенскимъ сознаніемъ, и на единствѣ морали, изъ этихъ постановленій вытекающей. Во внѣшнихъ же формахъ своего бытія на землѣ вселенская Церковь раздѣляется на многочисленныя группы отдѣльныхъ Церквей. Уравненіе жизни этихъ Церквей по одному шаблону путемъ примѣненія однихъ и тѣхъ же, разъ навсегда данныхъ, каноническихъ нормъ совершенно немыслимо ни по этнографическимъ, ни по географическимъ, ни по всякимъ другимъ основаніямъ. Такое уравненіе было бы безцѣльнымъ вливаніемъ новаго вина въ старые мѣха съ неизбѣжными послѣдствіями для того и другихъ, указанными Спасителемъ (Матѳ. IX, 17). Къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привести подобнаго рода настойчивость, показываетъ хотя бы примѣръ дѣятельности русскаго церковнаго правительства относительно лампаднаго масла. За отсутствіемъ на рынкѣ достаточнаго для всѣхъ количества чистаго оливковаго масла, давно уже предлагаютъ замѣнить это масло тоже чистымъ растительнымъ, именно хлопковымъ. Русская церковная власть не рѣшается нарушить старый церковный канонъ, а православные члены Церкви вынуждаются возжигать въ лампадахъ отвратительную перегонку изъ нефти, носящую звучную этикетку «чистаго Галлипольскаго оливковаго масла».

Внѣшнія условія существованія дѣлаютъ жизнь каждой отдѣльной Церкви въ видимыхъ формахъ ея проявленія строго индивидуальной. Этотъ индивидуализмъ даетъ каждой Церкви безспорное право создавать, соотвѣтственно потребностямъ времени, новыя каноническія нормы, не спрашивая всякій разъ согласія другихъ единомысленныхъ въ вѣрѣ Церквей и не стѣсняясь отмѣною отжившихъ каноническихъ постановленій, кѣмъ бы и когда бы они ни издавались. Но для того, чтобы вновь составленные каноны пріобрѣли для членовъ данной Церкви силу обязательнаго закона, необходимо, чтобы они были авторизованы сознаніемъ *всей* Церкви, т. е, другими словами, были изданы ея помѣстнымъ Соборомъ. Въ томъ же порядкѣ производится закономѣрная отмѣна устарѣвшихъ каноническихъ постановленій.

Историческое обозрѣніе церковно-каноническаго законодательства свидѣтельствуетъ, что въ этомъ отношеніи Церковь во всѣ времена *фактически* исповѣдывала полную свободу. Такъ Апостольское каноническое правило, разрѣшающее посвящать Богу вдовицъ по достиженіи ими 60-лѣтняго возраста (I Тим. V, 9), отмѣнено 28 пр. Василія Великаго, позволившаго даже дѣвицъ принимать «въ чинъ дѣвъ» по достиженіи ими 16—17 лѣтъ отъ рожденія. А это послѣднее правило отмѣнено 40-мъ правиломъ VI-го Вселенскаго Собора, допустившаго и десятилѣтнихъ дѣтей давать иноческіе обѣты. 5-е Апостольское правило о брачномъ состояніи епископовъ (срав. I Тим. III, 2) отмѣнено 12-мъ правиломъ VI-го Вселенскаго Собора; 10-е правило Антіохійскаго помѣстнаго Собора о разрѣшеніи діаконамъ, по поставленіи въ степень, вступать въ бракъ отмѣнено 6-мъ правиломъ того же VI-го Вселенскаго Собора; 101-е правило VI-го Вселенскаго Собора, допускающее

причащеніе Святыхъ Таинъ только изъ чаши, отмѣнено простою практикою. Въ Кормчей Книгѣ имѣется 1-е правило св. Ап. Петра и Павла слѣдующаго содержанія: «Азъ Петръ и Павелъ заповѣдаема людемъ дѣлать пять дней въ недѣлю, въ субботу же и въ недѣлю да упражняются въ церковь поученія ради, еже на благовѣріе». А 28-е правило Лаодикійскаго помѣстнаго Собора угрозою анаѳематствованія запрещаетъ праздновать субботу. 15-е правило Неокесарійскаго помѣстнаго Собора, ограничивающее число діаконовъ въ городѣ семью, отмѣнено 16-мъ правиломъ VI-го Вселенскаго Собора. А это послѣднее правило, вычеркивающее, кстати сказать, догматическое основаніе діаконства, какъ степени священства, отвергнуто практикой послѣдующаго времени.

Въ отношеніи не писанныхъ каноническихъ законовъ христіанская древность исповѣдывала ту же свободу. По церковному уставу, во всѣхъ церквахъ на основаніи устнаго преданія, занесеннаго въ богослужебные сборники въ сравнительно позднѣйшее время, совершается литургія св. Іоанна Златоуста. Эта литургія представляетъ изъ себя сокращеніе литургіи св. Василія Великаго. А эта послѣдняя переработана изъ древнѣйшихъ литургій, извѣстныхъ подъ именами св. Апостоловъ Іакова, Марка, Ѳаддея и др. Несомнѣнно, что изначала былъ только одинъ чинъ литургіи, именно Апостольскаго происхожденія. Онъ и совершался во всѣхъ христіанскихъ общинахъ перваго времени. Употребленіе именно его было своего рода не писаннымъ канономъ, основаннымъ на благоговѣйномъ чувствѣ уваженія къ апостольскому происхожденію чина. Но церковная свобода, откликаясь на потребности времени и сообразуясь съ обстоятельствами, не постѣснилась приступить къ переработкѣ этого чина. Такъ явились

нынѣшнія три литургіи: Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова, папы Римскаго (литургія Преждеосвященныхъ Даровъ). Отмѣченный принципъ свободы открываетъ и въ будущемъ возможность дальнѣйшихъ передѣлокъ, исправленій и созданія новыхъ богослужебныхъ чиновъ по завѣту разумной приспособляемости въ цѣляхъ спасенія, указанному Апостоломъ (I Кор. IX, 22), и въ противовѣсъ слѣпому консерватизму, требующему во имя соблюденія древняго канона совершенія церковныхъ службъ непремѣнно по уставу Другой примѣръ свободнаго отношенія Церкви къ велѣніямъ обычнаго права можно видѣть въ использованіи въ разныхъ мѣстахъ церковнаго обыкновенія имѣть въ рукахъ древесныя вѣтви на вечернемъ богослуженіи въ память входа Господня въ Іерусалимъ. Слѣдуя канонической основѣ этого обыкновенія (Іоан. XII, 13), христіане всего міра должны были бы имѣть въ этотъ день пальмовыя вѣтви. Однако, Русская Церковь употребляетъ вербу, а въ Грузіи — самшидъ и т. д. Всѣ эти и подобные примѣры показываютъ, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о нормахъ внѣшняго уклада христіанской религіозной жизни, вселенское церковное сознаніе утверждаетъ полную свободу творчества сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста, не требуя въ этомъ отношеніи соблюденія даже элементарнаго законодательнаго правила, въ силу котораго постановленіе данной власти можетъ быть отмѣнено только властью большей компетенціи, чѣмъ та, которая составила отмѣняемое постановленіе. Изъ вышеизложеннаго усматривается, что Апостольскія правила отмѣнялись не только Вселенскими, но и Помѣстными Соборами, а соборныя постановленія—властью отдѣльнаго епископа или простымъ обыкновеніемъ. Такимъ образомъ, принципъ церковной свободы въ каноническомъ законода-

тельствѣ проводится полностію. Иначе и быть не можетъ. Застывшая въ неподвижности каноническихъ нормъ, созданныхъ въ давно прошедшія времена, подъ вліяніемъ угасшей нынѣ жизни, и не откликаясь на явленія переживаемаго момента, Церковь сама можетъ обратиться въ окаменѣлость и сдѣлаться въ качествѣ таковой только предметомъ историческаго изученія, а не источникомъ жизни, какимъ она должна быть по существу.

Принципъ свободнаго самоопредѣленія, какъ вселенской Церкви, такъ и каждой помѣстной въ установленіи каноническихъ нормъ религіозной жизни, несмотря на яркое подтвержденіе историческими примѣрами, имѣетъ *теоретическое* противопоказаніе въ постановленіяхъ 2-го правила VI-го Вселенскаго Собора и въ 1-мъ правилѣ VII-го Вселенскаго Собора.

Первое изъ этихъ двухъ правилъ, послѣ перечисленія постановленій всѣхъ предшествовавшихъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, гласитъ: «Никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣняти, или отмѣняти, или, кромѣ предложенныхъ правилъ, пріимати другія съ подложными надписями, составленныя нѣкіими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною. Аще же кто обличенъ будетъ, яко нѣкое правило изъ вышереченныхъ покусился измѣнити или превратити, таковой будетъ повиненъ противъ того правила понести эпитимію, каковую оно опредѣляетъ, и чрезъ оное врачуемъ будетъ отъ того, въ чемъ преткнулся». Въ первомъ же правилѣ VII Вселенскаго Собора изображено: «Божественныя правила со усажденіемъ пріемлемъ и всецѣлое и непоколеблемое содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ Апостолъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ шести святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и помѣстно

собиравшихся для созданія таковыхъ заповѣдей, и отъ Святыхъ Отецъ нашихъ». Это постановленіе предваряется весьма недвусмысленнымъ напоминаніемъ словъ Апостола: «Аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ» (Галат. I, 8).

Въ приведенныхъ двухъ правилахъ слѣпое буквоѣдство находило и еще долго будетъ находить опору для охранительнаго воззрѣнія на каноническое законодательство, усваивая ему такую же неподвижность и непререкаемость, какъ законодательству догматическому. Однако, ближайшее разсмотрѣніе этихъ правилъ убѣждаетъ, что ни VI-й, ни VII-й Вселенскіе Соборы не были такими строгими консерваторами въ отношеніи къ каноническому законодательству, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Шестой Вселенскій Соборъ предостерегаетъ лишь отъ принятія правилъ съ подложными надписями, правилъ, составленныхъ нѣкіими людьми, дерзнувшими корчемствовать истиною. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о фальсификаціи законодательства, что, конечно, никогда и нигдѣ недопустимо. О запрещеніи же принимать новыя правила, составленныя въ законномѣрномъ порядкѣ, Соборъ и не думалъ. Иначе онъ, какъ наиболѣе потрудившійся въ отмѣнѣ каноновъ прежняго времени, долженъ былъ самъ на себя наложить эпитимію и вмѣстѣ съ тѣмъ анулировать всѣ свои постановленія, такъ какъ они были новыми въ отношеніи правилъ предшествующихъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ.

То же самое надлежитъ сказать и о Седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ. Утвердивъ «всецѣлое и непоколеблемое постановленіе» предшествующихъ соборныхъ правилъ, Соборъ самъ составилъ 22 правила, которыя являлись новшествомъ по сравненію съ прежними постановленіями

Такимъ образомъ, если признать за 1-мъ правиломъ этого Собора значеніе ограниченія свободы канонической законодательства, то выйдетъ, что VII Вселенскій Соборъ анаѳематствовалъ не только самъ себя, но и всѣ предшествовавшіе Соборы, дерзавшіе творить новые каноны и отмѣнять устарѣвшіе. Такъ невѣрная посылка приводитъ къ неожиданнымъ, а въ данномъ случаѣ и нелѣпымъ выводамъ. Вотъ почему сторонникамъ охранительныхъ воззрѣній на измѣняемость канонической законодательства надлежало бы особенно твердо помнить слова Св. Отцовъ, на V-мъ Вселенскомъ Соборѣ просіявшихъ: «все, что совершается сверхъ вѣры, ничто не препятствуетъ вновь подвергать обсужденію». Чистое каноническое законодательство, хотя и питается корнями вѣры, будучи церковнымъ, но дѣйствуетъ въ области предметовъ «сверхъ вѣры» и потому подлежитъ свободному обсужденію и измѣненію. Предостереженіе же VI Вселенскаго Собора отъ подложныхъ каноническихъ правилъ подтверждаетъ необходимость соблюденія въ этомъ законодательствѣ законнаго порядка. Этотъ порядокъ указанъ въ ученіи Христа о Церкви, какъ о Крайнемъ Судіи, и состоитъ въ томъ, что нормы церковной жизни, какъ въ отношеніи вѣроученія, такъ и внѣшняго обнаруженія вѣры устанавливаются и измѣняются только Церковію или ея Соборами, какъ органами выраженія единаго церковнаго сознанія. Разница только въ томъ, что въ то время, какъ вѣроучительныя опредѣленія, составляющія существо и краеугольный камень религіозной жизни и единства религіознаго сознанія, являются предметомъ вѣдѣнія Вселенскихъ Соборовъ, — каноническія нормы, опредѣляющія внѣшнія обнаруженія вѣры, эластичныя по существу и индивидуалистическія вслѣдствіе индивидуализма жизни каждой отдѣльной

Церкви, подлежатъ вѣдѣнію не только Вселенскихъ, но и Помѣстныхъ Соборовъ. Помѣстный Соборъ Россійской православной Церкви не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи и потому право на каноническое законодательство должно быть признано за нимъ безспорно. Однако, въ виду того, что и каноническое законодательство по природѣ своей является законодательствомъ «не отъ міра сего», сфера его дѣйствій ограничивается предметами исключительно церковными. Такимъ образомъ, безспорному сужденію и окончательному рѣшенію Помѣстнаго Собора подлежатъ вопросы богослужебные, обрядовые, пастырскаго дѣланія, церковной дисциплины, поскольку послѣдняя разсматриваетъ вѣрующихъ, какъ членовъ Церкви, а не гражданъ государства, и миссіонерскіе въ предѣлахъ духовнаго врачеванія немощныхъ совѣстію, а не «градскаго казненія». Оставаясь въ начертанныхъ границахъ, церковное каноническое законодательство будетъ, дѣйствительно, законодательствомъ въ мірѣ, но не отъ міра сего, какимъ оно и должно быть по существу.

Смѣшанное законодательство.

Церковное каноническое законодательство, будучи въ принципѣ законодательствомъ не отъ міра сего, оставалось таковымъ вплоть до того момента, когда христіанство было признано государственной религіей. Съ перваго вѣка и за весь періодъ гоненій Церковь жила обособленной отъ государства жизнью, хотя чрезъ своихъ членовъ и не порывала съ нимъ связи. Члены Церкви оставались по прежнему членами общественныхъ организацій и подданными государства по слову Спасителя: «отдавайте кесарево—кесарю, а Божіе Богу» (Марк. XII, 17). Оппозиція государству, стремленіе реорганизовать его

принудительнымъ путемъ совершенно исключались, какъ не входящія въ предметъ церковнаго вѣдѣнія. Конфликтъ назрѣвалъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда велѣнія государства въ корнѣ противорѣчили вѣрованіямъ Церкви. Такіе конфликты разрѣшались или ренегатствомъ нѣкоторыхъ членовъ Церкви, или,—что чаще бывало,—мученической смертію стойкихъ исповѣдниковъ вѣры. Но и тогда долгъ подданства оставался для христіанъ во всей своей силѣ. Во внутренней же жизни Церковь управлялась собственными законами, вытекающими изъ двухъ основныхъ началъ: соединительнаго — любви (Іоан. XIII, 35) и соподчиняющаго — смиренія (Матѳ. XXIII, 11, 12). Признаніе христіанства государственной религіей выдвинуло Церковь изъ ея обособленности. Церковные принципы вошли въ соприкосновеніе съ государственными идеалами, воздѣйствуя на нихъ и сами подвергаясь ихъ вліянію. Началась взаимная прослойка на почвѣ взаимнаго признанія обоюдныхъ интересовъ. Церковь нашла въ государствѣ готовую и удобнѣйшую форму для своего распространенія, а государство встрѣтило въ лицѣ Церкви зиждительную и цементирующую силу огромной важности. Вліяніе церковныхъ началъ, не всегда уловимое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, выразилось въ общей христіанизаціи семейныхъ и общественныхъ отношеній, въ смягченіи нормъ государственнаго законодательства, въ уничтоженіи многихъ обычаевъ языческаго происхожденія и т. д. Государство, съ своей стороны, частію подъ вліяніемъ благодатныхъ вѣяній новой религіи и духовнаго обаянія отдѣльныхъ представителей ея, частію же по соображеніямъ политическаго расчета, поддерживало и укрѣпляло положеніе различныхъ церковныхъ установленій, жертвовало въ ихъ пользу недвижимыя имущества, иногда даже цѣлыя населенныя области, предоставляя

Церкви въ предѣлахъ этихъ областей творить судъ и расправу; надѣляло церковныя установленія особыми правами и преимуществами, обезпечивавшими за ними внѣшній авторитетъ государственныхъ учрежденій и т. д. Такъ постепенно историческимъ путемъ слагался матеріалъ, давшій содержаніе, такъ называемому, церковному праву, которое, будучи церковнымъ по названію, въ сущности своей остается государственнымъ правомъ, прикрытымъ лишь дымкою церковности. Выводить на основаніи этого матеріала заключеніе о самостоятельности церковнаго законодательства въ тѣхъ областяхъ вѣдѣнія, которыя въ разныя времена были предоставлены государствомъ Церкви, значитъ усваивать ей функціи, чуждыя ея природѣ и назначенію, какъ Царства Божія на землѣ. Да и государственное законодательство, не въ интересахъ коего создавать государство въ государствѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на дарованіе Церкви такихъ правъ, обладаніе коими чревато всевозможными случайностями на почвѣ несогласованности дѣйствій независящихъ другъ отъ друга законодательныхъ институтовъ. Такимъ образомъ, все, что касается личной, семейной, общественной и государственной жизни человѣка, разсматриваемаго въ условіяхъ его земного существованія и внѣ идеи спасенія, составляетъ предметъ законодательства государственнаго. Церковь здѣсь сама не законодательствуетъ. Она духовно рождаетъ и воспитываетъ законодателей въ премірныхъ идеалахъ Царства Божія. И, — принципіально разсуждая,—чѣмъ сильнѣе материнское вліяніе Церкви въ этомъ направленіи, тѣмъ совершеннѣе должно быть государственное законодательство, такъ какъ, являясь твореніемъ людей, овѣянныхъ дыханіемъ Церкви, оно неминуемо будетъ приближаться къ правопорядку Царствія Божія, гдѣ, какъ

объяснено выше, человѣческія отношенія устанавливаются не правилами внѣшняго принужденія, а свободнымъ преклоненіемъ предъ высотой внутренняго авторитета. Перспектива такой совершенной христіанизаціи государственныхъ законодательныхъ началъ и живое участіе церковныхъ установленій въ творческой дѣятельности государства открываютъ Церкви всю широту *законодательнаго* почина во всемъ объемѣ предоставленныхъ ея вѣдѣнію дѣлъ. Однако осуществленіе законодательныхъ предначертаній Церкви, поскольку они выходятъ за границу каноническаго законодательства въ чистомъ его видѣ, производится тѣмъ общимъ путемъ, какой указанъ въ соотвѣтствующихъ Основныхъ Законахъ. Такимъ образомъ, и Всероссійскій Помѣстный Соборъ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно и независимо въ области каноническихъ постановленій, касающихся внѣшняго обнаруженія вѣры, — въ той части законодательной практики, гдѣ требуются мѣропріятія, захватывающія человѣка въ совокупности его церковныхъ и государственныхъ отношеній, осуществляетъ свои предположенія не непосредственно, а сужденіемъ и рѣшеніемъ законодательныхъ учрежденій.

Ревизіонная и судебная власть Собора.

Предсоборное Присутствіе усвояетъ Помѣстному Собору власть ревизіонную. Это положеніе, пріемлемое во всей полнотѣ, нуждается, однако, въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ, въ виду цѣлаго ряда попытокъ государственной власти подчинить, такъ называемыя, спеціальныя средства Св. Сунода государственному контролю, несмотря на существованіе при Сунодѣ особаго ревизіоннаго органа—Сунодальнаго Контроля. Указанныя попытки, связанныя съ общимъ недовольствомъ

существующими церковными порядками, находятъ ближайшее объясненіе въ дѣйствительныхъ несовершенствахъ сѵнодальныхъ контрольныхъ аппаратовъ. И Сѵнодальный Контроль и связанные съ нимъ постоянные контрольные комитеты въ епархіяхъ подчинены тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыхъ они должны ревизовать и контролировать. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ и рѣчи быть не можетъ о полной объективности работы соотвѣтствующихъ контрольныхъ установленій. Послѣднія, чувствуя на каждомъ шагу свою зависимость отъ исполнительныхъ органовъ, составляютъ отчеты и заключенія не по дѣйствительному матеріалу, а по особымъ соображеніямъ бюрократической политики. Цѣнность такихъ ревизіонныхъ отчетовъ и заключеній понятна. Однако, всѣ попытки замѣнить сѵнодальный контроль государственнымъ до сихъ поръ не имѣли успѣха. Св. Сѵнодъ, отстаивая самобытность своего Контроля, указывалъ, что находящееся въ распоряженіи Сѵнода и въ вѣдѣніи епархіальныхъ установленій денежное и матеріальное имущество по своей природѣ является даромъ Богу или вѣрующей души или вѣрующаго же государства. Но даръ, какъ таковой, не подлежитъ контролю дарителя, если самое дареніе не имѣетъ условнаго характера. Впрочемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ контролю не можетъ быть мѣста. Являясь даромъ Господу Богу, церковное имущество, на основаніи Апостольскихъ правилъ, предоставлено въ безотчетное распоряженіе епископа, ибо, какъ сказано въ тѣхъ правилахъ, «аще драгоцѣнныя человѣческія души ему (епископу) ввѣрены быть должны, то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти» (Апост. Прав. 38 и 41). Этой *апостольской* точки зрѣнія Св. Сѵнодъ своею властію измѣнить не можетъ. Подобное отступленіе отъ кано-

ническаго правила въ правѣ сдѣлать только Помѣстный Соборъ. Поэтому вынуждать Сунодъ на согласіе подчинить его спеціальныя средства, а равно средства епархіальныхъ установленій, государственному контролю значитъ склонять высшее церковное управленіе на незакономѣрное съ канонической точки зрѣнія дѣяніе. Законодательныя учрежденія могутъ, конечно, не считаться съ каноническими воззрѣніями и въ надлежащемъ порядкѣ осуществить законъ, подчиняющій спеціальныя средства духовнаго вѣдомства государственному контролю. И Св. Сунодъ, равно какъ и другія установленія вѣдомства, будучи законопослушными, будутъ безпрекословно исполнять этотъ законъ. Но въ глубинѣ церковнаго сознанія не только Сунода и подчиненныхъ ему органовъ, но и народныхъ массъ, не порвавшихъ живой связи съ Церковію,—новый законъ, если онъ будетъ изданъ, оставитъ острое чувство обиды, какъ актъ насилія государственной власти надъ Церковію.

Такова, въ общемъ, точка зрѣнія на данный вопросъ вѣдомства православнаго исповѣданія. Нельзя не согласиться: принципіальное положеніе вѣдомства, что церковныя имущества, какъ даръ Богу вѣрующей души или государства, имѣютъ особую природу и назначеніе, безусловно правильно. Правиленъ и слѣдующій затѣмъ выводъ, что въ силу указанныхъ особенностей церковныя имущества требуютъ и спеціальныхъ органовъ контроля, которые, по природѣ своей и по личному составу, были бы правоспособны къ наблюденію за цѣлесообразнымъ употребленіемъ жертвъ Богу. Государственные органы контроля, именно какъ государственные и свободные отъ вѣроисповѣдныхъ ограниченій въ отношеніи личнаго состава, не могутъ быть признаны правоспособными къ такому наблюденію. Только церков-

ные по природѣ органы контроля могутъ знать подлинную природу церковныхъ имуществъ, ихъ назначеніе и соотвѣтственность практическаго использованія; слѣдовательно, только за этими органами можетъ быть признано право закономѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ контроля надъ церковнымъ имуществомъ. Въ древности такимъ контрольнымъ и вмѣстѣ распорядительнымъ органомъ былъ епископъ, которому 41-е правило Св. Апостоловъ предоставляетъ право безотчетнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ. Однако, это право не связано органически съ саномъ епископа. Оно выросло историческимъ путемъ на почвѣ добровольнаго склоненія первыхъ христіанъ предъ внутреннимъ авторитетомъ Апостоловъ, умѣвшихъ высотою своего смиренія (Мѳ. XX, 25 — 27) такъ сплотить вокругъ себя вѣрующихъ, что у нихъ не только сердце и душа, но и *все было общее,* такъ, что тѣ, «которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ» (Дѣян. IV, 32, 34 и 35), дѣлая это, однако, не по внѣшнему принужденію или изъ страха предъ высшей властью, а по добровольному произволенію (Дѣян. V, 4). При такихъ условіяхъ даренія Богу, разумѣется, и рѣчи не могло быть о какомъ-нибудь контролѣ. Но по мѣрѣ упадка внутренняго авторитета апостольскихъ преемниковъ-епископовъ мысль объ учрежденіи наблюденія за правильнымъ употребленіемъ церковнаго имущества не сходитъ со страницъ христіанской исторіи, воплощаясь въ тѣ или иныя формы. Уже самое 41-е правило Св. Апостоловъ подтверждаетъ, что право епископовъ на безотчетное распоряженіе упомянутымъ имуществомъ стало перекаемымъ. Иначе этому правилу не было надобности искать опоры разумѣемому праву въ душеводительствѣ епископовъ. Аргументъ, кстати сказать,

весьма слабый. Очевидно, вѣрующіе не убѣждались имъ, такъ какъ въ дальнѣйшихъ каноническихъ постановленіяхъ все-таки требуется внѣшній контроль. Такъ Карѳагенскій Помѣстный Соборъ требуетъ составленія описей церковному имуществу (пр. 42). 24-е правило Антіохійскаго Помѣстнаго Собора устанавливаетъ контроль въ формѣ освѣдомленія о церковномъ имуществѣ пресвитеровъ и діаконовъ: «да будетъ явно принадлежащее Церкви и открыто окружающимъ (епископовъ) пресвитерамъ и діаконамъ», а IV-й Вселенскій Соборъ учреждаетъ для завѣдыванія этимъ имуществомъ *мірскую* должность эконома, «дабы не падало нареканія на священство» (пр. 26). За всѣмъ тѣмъ св. Кириллъ, архіепископъ Александрійскій (412—444 г.), довольно откровенно заявляетъ, что «благочестивѣйшихъ епископовъ, сущихъ по всей земли, весьма огорчаетъ и въ крайнее неудовольствіе приводитъ требованіе отчета въ случающихся у нихъ расходахъ, какъ изъ доходовъ церковныхъ, такъ и изъ приношеній отъ нѣкоторыхъ» (пр. 2). Такимъ образомъ, вопросъ объ учрежденіи правильнаго наблюденія за употребленіемъ церковнаго имущества далеко не новый: онъ имѣетъ свое начало въ сѣдыхъ даляхъ прошлаго и, какъ видно изъ изложеннаго, въ принципѣ давно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, несмотря на неудовольствіе «благочестивѣйшихъ» епископовъ всѣхъ странъ. Теперь идетъ споръ лишь о формѣ контроля. Распространеніе на церковныя имущества наблюдательныхъ функцій государственнаго контроля не пріемлемо церковнымъ сознаніемъ въ виду указанныхъ выше особенностей природы и назначенія упомянутыхъ имуществъ. Однако, эта правильная сама по себѣ точка зрѣнія въ разсужденіи сѵнодальнаго имущества требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій. Нельзя подчинять государственному надзору имущества уста-

новленій чистой церковной природы, какъ-то: церквей, монастырей, архіерейскихъ домовъ и т. д. Но нѣтъ никакихъ основаній исключать изъ этого надзора имущество самого Св. Сунода, доколѣ онъ остается государственнымъ, а не церковнымъ, установленіемъ. О государственной же его природѣ непререкаемо свидѣтельствуетъ Регламентъ и ст. 65 Зак. Осн., какъ начальный и завершительный моменты опредѣленія характера высшаго органа церковнаго управленія въ Россіи въ послѣ-петровскій періодъ ея исторіи. Но если самъ Сунодъ—учрежденіе государственное, то, очевидно, и состоящій при немъ Контроль той же государственной, а не церковной, природы, и подчиненіе его наблюденію спеціальныхъ сунодальныхъ средствъ явленіе вполнѣ естественное. Аномалія лишь въ томъ, что Сунодальный Контроль, являющійся въ сущности департаментомъ Государственнаго Контроля, подчиненъ не этому послѣднему, а своему подотчетному учрежденію. Есть здѣсь и другая аномалія, фактически ниспровергающая теоретически исповѣдываемую Св. Сунодомъ точку зрѣнія относительно недопустимости распространенія государственнаго наблюденія на имущества церковныхъ установленій. Въ дѣйствительности Сунодальный по имени и государственный по природѣ Контроль посредствомъ подчиненныхъ ему мѣстныхъ органовъ, той же, очевидно, государственной природы, наблюдаетъ за правильностію употребленія имущества такихъ учрежденій (церквей, монастырей и т. д.), церковная природа которыхъ внѣ всякихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, вслѣдствіе смѣшенія понятій создалась полная неразбериха, выходъ изъ которой подсказывается самъ собой, если вспомнить ученіе Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи. Если въ сферѣ церковныхъ отношеній высшей инстанціей является вся Церковь, или Церковь въ сжа-

томъ видѣ Собора, то, очевидно, верховнымъ наблюдателемъ за сохранностью церковнаго имущества и правильностью его употребленія можетъ быть только тотъ же Соборъ, а второстепенными—установленныя имъ и отъ него только зависящія контрольныя учрежденія. При такой постановкѣ дѣла, Помѣстный Соборъ Россійской Церкви будетъ имѣть возможность располагать точными свѣдѣніями о принадлежащемъ Церкви денежномъ и матеріальномъ имуществѣ и о цѣлесообразномъ использованіи онаго соотвѣтствующими органами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Помѣстному Собору открывается возможность опредѣлить, въ какую сторону направить ожидаемый избытокъ обще-церковныхъ средствъ для устраненія наблюдающагося нынѣ ненормальнаго явленія: чрезмѣрнаго накопленія средствъ въ однихъ церковныхъ учрежденіяхъ и полнаго убожества въ другихъ. Такой неравномѣрности не знала Апостольская древность (Дѣян. IV, 34, 35). Установленіе авторитетомъ Собора равномѣрнаго распредѣленія обще-церковныхъ средствъ между отдѣльными установленіями внесетъ порядокъ въ финансовую жизнь этихъ установленій. Наконецъ, независимое наблюденіе за правильностью расходованія суммъ и за цѣлесообразнымъ использованіемъ матеріальнаго имущества со стороны контрольныхъ учрежденій, установленныхъ Помѣстнымъ Соборомъ и ему только подчиненныхъ, обезпечитъ полную возможность самаго широкаго церковно-общественнаго надзора за сохранностью церковнаго имущества, разсѣетъ накопившіяся въ обществѣ тѣни подозрѣнія и сдѣлаетъ больной для нынѣшняго Св. Сунода вопросъ о подчиненіи его спеціальныхъ средствъ государственному контролю совершенно излишнимъ. Такимъ образомъ, съ этой стороны въ интересахъ самого же Св. Сунода настаивать на скорѣйшемъ созывѣ Помѣстнаго

Собора въ томъ, разумѣется, составѣ, какой указывается прямымъ ученіемъ Спасителя о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи, и иллюстрируется догматическими примѣрами Антіохійскаго помѣстнаго и Апостольскаго Соборовъ.

Предсоборное Присутствіе усвояетъ Помѣстному Собору высшую судебную власть въ сферѣ, конечно, церковныхъ отношеній. Это вполнѣ понятно. Но, чтобы Соборъ не былъ перегружаемъ церковно-судебными процессами, необходимо установить ограниченный кругъ дѣлъ, подлежащихъ компетентному сужденію Великаго Господина—Помѣстнаго Собора не иначе, какъ въ порядкѣ апелляціонномъ, послѣ разсмотрѣнія ихъ постоянными органами церковнаго управленія и суда. Кругъ такихъ дѣлъ можетъ установить только самъ Помѣстный Соборъ.

Предсоборное Присутствіе возглавляетъ будущій Помѣстный Соборъ Россійской православной Церкви предсѣдателемъ—патріархомъ. Онъ же, по мнѣнію Присутствія, первоіерархъ русской Церкви и предсѣдатель постояннаго органа церковнаго управленія—Священнаго Синода.

Патріархъ.

Мысль о возстановленіи патріаршества на Руси, напуганная повелительно-разъяснительными указаніями Синодальнаго Регламента Императора Петра I-го о преимуществахъ коллегіальной системы церковнаго управленія, долгое время не находила себѣ выраженія въ церковно-исторической и канонической литературѣ. Лишь съ тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія эта мысль начинаетъ высказываться славянофилами, видѣвшими въ идеѣ патріаршества основной пунктъ самобытнаго (?) русскаго представленія объ идеальномъ церковномъ

устройствѣ на почвѣ вселенскаго сознанія. Въ ближайшее къ намъ время мысль о патріархѣ была подогрѣта сочиненіями извѣстнаго философа-богослова В. С. Соловьева, увлекавшагося внѣшней стройностью системы папизма. Не безъ вліянія этихъ сочиненій нѣкоторые русскіе іерархи, скрывающіе впрочемъ подъ личиной попеченія о церковномъ благѣ личные замыслы честолюбія, говорятъ о патріаршествѣ, какъ о золотомъ снѣ русской церковной мысли. Дѣйствительно, идея патріаршества, связанная съ настойчивыми желаніями русскаго общества широкихъ реформъ въ области церковнаго управленія, находитъ откликъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, интересующихся церковными вопросами. Но говорить о двухъ патріаршихъ панагіяхъ, какъ о завѣтной мечтѣ русской дѣйствительности, было бы слишкомъ смѣло даже для самой своевольной фантазіи.

Прежде всего, русскій епископатъ, въ значительномъ большинствѣ, относится къ мысли о возстановленіи патріаршества на Руси крайне сдержанно, если не сказать холодно. Осуществленіе этой идеи пугаетъ святителей угрозой ограниченія ихъ фактическаго самовластія и опасностью на себѣ испытать проявленія максимальной власти, сконцентрированной въ лицѣ патріарха. Характерно въ этомъ отношеніи, что епископы Предсоборнаго Присутствія, встрѣтившіе мысль о возстановленіи патріаршества съ наружнымъ подъемомъ чувства, проявили, однако, удивительную осторожность, когда рѣчь зашла объ опредѣленіи правъ и преимуществъ патріарха. Владыки Присутствія свели эти права и преимущества почти къ нулю. По окончаніи же работъ Предсоборнаго Присутствія мысль о патріархѣ перестала занимать умы россійскихъ іерарховъ. Попытка Статсъ-Секретаря Саблера оживить интересъ къ идеѣ патріаршества пригла-

шеніемъ въ Россію Антіохійскаго патріарха Григорія была встрѣчена русскими святителями безъ всякаго восторга и привела къ совершенно обратнымъ результатамъ. Нынѣ среди епископовъ русской Церкви о патріархѣ, какъ высшемъ носителѣ церковной власти, мало кто искренне мечтаетъ.

Бѣлое духовенство тоже не сочувствуетъ идеѣ возстановленія патріаршества, справедливо усматривая въ послѣднемъ новую эмблему монашескаго или, вѣрнѣе, іерархическаго засилья.

Народъ... Отношенія народной массы къ идеѣ патріаршества не поддаются точному опредѣленію. Въ глубинахъ народнаго духа сохранились, быть можетъ, по наслѣдію отъ отдаленныхъ предковъ неясныя очертанія патріаршаго облика, сконкретизированныя въ самое послѣднее время въ образѣ великаго страдальца за православіе и родину святѣйшаго патріарха Гермогена. Но эти черты едва ли имѣютъ крѣпкіе корни въ толщѣ народнаго самосознанія. То равнодушіе, съ которымъ когда-то встрѣтили русскіе люди замѣну патріарха Св. Сѵнодомъ, не свидѣтельствуетъ ли о полномъ безразличіи народа къ тому, возглавляетъ ли русскую Церковь патріархъ, или ею управляетъ Духовный Коллегіумъ? Немногіе идеологи патріаршества изъ среды, такъ называемыхъ, старообрядцевъ въ счетъ не идутъ. Это — исключеніе и, — надо правду сказать, — не хорошее.

Патріарховъ, равно какъ митрополитовъ и архіепископовъ, чистое христіанское ученіе не знаетъ. Христіанству извѣстны только епископы-преемники апостольскаго достоинства. И какъ между Апостолами не было старшаго, а всѣ они были равны между собою, такъ не должно быть старшинства и первенства между епископами. Характерно, что Христосъ неоднократно и со всей рѣшительностью изгонялъ изъ Своихъ учениковъ

мысль о первенствѣ или возвышеніи однихъ надъ другими (Мрк. IX, 34 и 35; X, 42 и 43), настоятельно призывая ихъ къ смиренію и прямыми разъясненіями (Мѳ. XX, 25—27) и личнымъ примѣромъ (Іоанн. XIII, 13—15). Это и понятно, если имѣть въ виду, что смиреніе—основная черта Христа—есть вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшее условіе усвоенія искупительныхъ заслугъ Спасителя въ противопоставленіи Его виновнику грѣха діаволу—ипостаси гордости. Несомнѣнно, что у проникнутаго смиреніемъ христіанскаго епископа и мысли не могло возникнуть о возвышеніи надъ своими собратіями о Христѣ подъ титуломъ патріарха, митрополита или архіепископа. Такое возвышеніе привнесено «міромъ» и явилось результатомъ прослойки государственныхъ началъ въ толщу чистаго церковнаго сознанія.

Государство къ тому времени, когда христіанство изъ гонимаго исповѣданія превратилось въ господствующую религію, имѣло области разной государственной значимости. Соотвѣтственно этому создались и церковныя области, при чемъ IV-й Вселенскій Соборъ правиломъ 17-мъ, а VI-й Вселенскій Соборъ правиломъ 38-мъ положительно установили, чтобы устройство церковнаго управленія соотвѣтствовало «гражданскому и земскому порядку». Такъ по аналогіи съ государственной табелью о рангахъ областей возникли крупныя церковныя единицы, во главѣ которыхъ стали патріархи, экзархи, архіепископы и митрополиты, соотвѣтствовавшіе высшимъ гражданскимъ носителямъ власти. Съ принципіальной христіанской точки зрѣнія это былъ лукавый даръ «міра сего», благодаря которому «смиренный» церковный строй эволюціонировалъ въ сторону гордаго государственнаго правопорядка. Здѣсь, — какъ ни жестоко слово, — гордый князь міра сего преодолѣлъ смиреннаго Христа.

Первый шагъ къ возвышенію надъ другими и, слѣдовательно, къ нарушенію заповѣди Христа о непревозношеніи сдѣлали римскіе епископы. Историческія обстоятельства, выдвинувшія древній Римъ на огромную высоту въ отношеніи государственномъ, общеизвѣстны. Въ связи съ этими обстоятельствами находится возвышеніе Рима и въ церковномъ отношеніи. Въ 28-мъ правилѣ IV-го Вселенскаго Собора причины возвеличенія римскаго престола кратко объяснены такъ: «Престолу ветхаго Рима Отцы (II Вселенскаго Собора) прилично дали преимущества; поелику то былъ царствующій градъ». Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія возвышеніе римскихъ епископовъ представляется дѣломъ естественнымъ и, пожалуй, неотвратимымъ. Но въ освѣщеніи христіанскимъ принципомъ смиренія это возвышеніе является актомъ глубочайшаго паденія. Здѣсь, въ формѣ благопріятно слагавшихся внѣшнихъ обстоятельствъ, «князь міра сего» повторилъ свой опытъ искушенія въ пустынѣ (Лук. IV, 6—8) и на этотъ разъ достигъ желательныхъ съ его точки зрѣнія результатовъ. Римскіе епископы не сказали, подобно Христу: «Иди прочь отъ меня, сатана», и, разъ поддавшись искушенію власти, пошли по наклонной плоскости отступленія отъ Христова смиренія и построеннаго на этой почвѣ чистаго церковнаго правопорядка.

Восточное патріаршество явилось отчасти по подражанію, отчасти въ противовѣсъ нараставшему папизму. Во всякомъ случаѣ причины возникновенія патріаршества лежатъ не въ догмѣ православія, а во внѣшнихъ «мірскихъ» обстоятельствахъ. Относительно учрежденія двухъ древнѣйшихъ восточныхъ архіепископій, а нынѣ патріархій—Александрійской и Константинопольской въ каноническихъ постановленіяхъ изображено слѣдующее. Въ 6-мъ правилѣ I-го Вселенскаго Собора:

«Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Лидіи, и въ Пентаполи, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми. *Понеже и Римскому епископу сіе обычно*», а въ 3-мъ правилѣ II-го Вселенскаго Собора сказано: «Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, *потому что градъ той есть новый Римъ*». Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ мотивомъ предоставленія власти выставляется римскій примѣръ, цѣнность котораго съ христіанской точки зрѣнія указана выше, а во второмъ—значеніе града, т. е. чисто внѣшнее «мірское» обстоятельство и опять со ссылкою на тотъ же пресловутый Римъ. Ни о какой догмѣ православія, какъ обоснованіи идеи патріархата, и рѣчи нѣтъ. Въ 6-мъ правилѣ I-го Вселенскаго Собора есть еще ссылка на «древніе обычаи», т. е. на обычное право. Но, очевидно, оно не можетъ служить основой патріархата, разъ самая идея находится въ коренномъ противорѣчіи съ ясно выраженнымъ ученіемъ Христа о смиреніи, какъ главной добродѣтели епископовъ. А какъ далеко ушла отъ смиренія Христа идеологія патріархата, свидѣтельствуютъ титулы современныхъ патріарховъ, Іерусалимскій именуетъ себя «Блаженнѣйшимъ и Святѣйшимъ Патріархомъ», Константинопольскій—«Всесвятѣйшимъ и Вселенскимъ Патріархомъ», Антіохійскій—«Блаженнѣйшимъ и Святѣйшимъ Патріархомъ, Отцомъ отцовъ и Пастыремъ пастырей», Александрійскій—«Блаженнѣйшимъ и Святѣйшимъ Папою и Патріархомъ, Отцомъ отцовъ, Пастыремъ пастырей, Архіереемъ архіереевъ, тринадцатымъ изъ Апостоловъ и Судіей вселенной». Если значительную долю въ этомъ нагроможденіи титуловъ отнести на счетъ восточной цвѣтистости рѣчи, то, все же, сквозь лепестки этихъ цвѣтовъ краснорѣчія явственно проглядываетъ лицо тщеславія—этого законнѣйшаго дитяти гордости.

Итакъ, и по историческимъ обстоятельствамъ происхожденія, и по соображеніямъ догматическо-нравственнаго характера патріаршество, какъ символъ внѣшней власти и чести, должно быть признано несоотвѣтствующимъ заповѣди Христа о смиреніи, какъ основной добродѣтели епископа, и потому не имѣющимъ мѣста въ системѣ строгаго церковнаго порядка.

Установленный Самимъ Христомъ принципъ равенства между епископами побуждаетъ отнестись отрицательно къ мысли Предсоборнаго Присутствія о первоіерархствѣ въ Русской Церкви, какъ совокупности прерогативъ, возвышающихъ даннаго епископа. Связанная съ предположеніемъ о возстановленіи патріаршества, эта мысль питалась тѣми же каноническими постановленіями, которыя говорятъ о преимуществахъ чести римскаго и восточныхъ патріарховъ. Однако, какъ сказано выше, самое содержаніе этихъ постановленій свидѣтельствуетъ, что возвышеніе опредѣленныхъ каѳедръ имѣетъ корни не въ догмѣ христіанства, а во внѣшнихъ «мірскихъ» обстоятельствахъ, и потому является цѣннымъ лишь постольку, поскольку оно содѣйствуетъ церковному благу. А въ этомъ отношеніи возникаютъ весьма серьезныя сомнѣнія. Историческій опытъ показываетъ, что приматство чести неизбѣжно ведетъ къ приматству власти. Римскіе епископы начали съ первенства чести, а окончили гордымъ абсолютизмомъ папства съ его кощунственнымъ главенствомъ въ Церкви и антихристіанской непогрѣшимостью (I Іоан. I, 8). Восточный папизмъ, столь же мало привлекательный, какъ и римская доктрина, имѣетъ своимъ первоисточникомъ невинныя на первый взглядъ постановленія о приматствѣ чести епископовъ Константинополя, яко второго Рима. Характерно, что даже каноническія постановленія не всегда послѣдуютъ принципу первенства, только въ

чести. Такъ, въ 6-мъ правилѣ I-го Вселенскаго Собора говорится о власти Александрійскаго епископа надъ Египтомъ, Ливіей и Пентаполемъ. Далѣе упоминается, что такая власть и Римскому епископу обычна. Наконецъ, устанавливается: «Подобнѣ и въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества Церквей». Такимъ образомъ, въ буквѣ соборныхъ правилъ имѣются зародыши для развитія епископскаго властолюбія, столь противнаго ученію Христа о смиреніи, какъ основной добродѣтели христіанскаго епископата. Лелѣять эти зародыши, въ корнѣ разрушающіе принципъ церковнаго правопорядка, указаннаго Божественнымъ Учредителемъ онаго (Мѳ. XX, 25—27), совсѣмъ не въ интересахъ не только Церкви, но и государства въ виду тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ какимъ пришло историческое папство и которыхъ не безъ основанія опасался Петровскій Регламентъ.

Не болѣе удачна мысль Предсоборнаго Присутствія, что первоіерархъ Русской Церкви долженъ быть одновременно предсѣдателемъ и постоянно дѣйствующаго церковнаго органа—Священнаго Сунода и періодически созываемаго Помѣстнаго Собора. Если Собору усваиваются контрольныя функціи, то, при совмѣстительствѣ предсѣдательства, окажется, что первоіерархъ Русской Церкви будетъ самъ себя ревизовать. Положеніе, нимало не обезпечивающее безпристрастія ревизіонныхъ дѣйствій и потому совершенно недопустимое. Ясное дѣло, что предсѣдателями Помѣстнаго Собора и Священнаго Сунода должны быть разныя лица.

Предсѣдатель Собора.

Помѣстный Соборъ Русской православной Церкви является событіемъ чрезвычайной важности. Для про-

шлаго онъ—вѣнецъ долгихъ ожиданій лучшихъ церковныхъ людей въ истинномъ смыслѣ этого слова; для будущаго—средоточіе высшаго вѣдѣнія дѣйствительныхъ потребностей русской церковной жизни и безпристрастной оцѣнки дѣятельности служебныхъ органовъ, ему подчиненныхъ. Поэтому Предсѣдателемъ Собора должно быть лицо, стоящее внѣ всякихъ подозрѣній. Система единоличнаго назначенія, всегда субъективная и потому открытая для сомнѣній и злостныхъ нареканій, въ данномъ случаѣ не примѣнима. Единственно правильнымъ и объективнымъ критеріемъ въ этомъ дѣлѣ является мнѣніе самой Церкви, какъ Крайняго Судіи въ сферѣ церковныхъ отношеній. Такъ слѣдуетъ, что Предсѣдатель Собора избирается самимъ же Соборомъ изъ епископовъ членовъ Собора. Къ послѣднему приводитъ и догматическій примѣръ Апостольскаго Собора, на которомъ предсѣдательствовалъ, по преданію, Ап. Іаковъ, и то безспорное положеніе, что самодовлѣющее право учительства, соотвѣтствующее руководственному праву Предсѣдателя Помѣстнаго Собора, принадлежитъ только епископамъ. Объ избранномъ Предсѣдателѣ Собора Сѵнодальный Оберъ-Прокуроръ доводитъ до свѣдѣнія высшаго государственнаго правительства. Въ виду того, что на Соборѣ, кромѣ дѣлъ, подлежащихъ исключительной компетенціи высшаго церковнаго органа, могутъ обсуждаться вопросы, касающіеся законодательства государственнаго, государственная власть назначаетъ для присутствованія на Соборѣ своего представителя. Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода не можетъ быть такимъ представителемъ, такъ какъ дѣятельность его, какъ соучастника въ дѣлахъ Св. Сѵнода, подлежитъ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ Помѣстнаго Собора въ цѣляхъ установленія правильныхъ отношеній между церковнымъ и государственнымъ законодательствомъ. Пред-

ставитель государственной власти, присутствуя неопустительно на соборныхъ засѣданіяхъ въ общемъ собраніи Собора, а въ секціяхъ—по желанію, принимаетъ участіе въ соборныхъ сужденіяхъ лишь по приглашенію или съ разрѣшенія Собора. Осторожное отношеніе государственной власти къ соборнымъ сужденіямъ необходимо для того, чтобы не создавать впечатлѣнія, будто государственная власть стѣсняетъ свободу Церкви въ рѣшеніи вопросовъ ея исключительной компетенціи. О ходѣ соборныхъ засѣданій представитель государственной власти докладываетъ подлежащимъ органамъ оной въ установленные сроки.

Составъ Собора.

Личный составъ Помѣстнаго Собора въ общихъ чертахъ устанавливается ученіемъ Христа о Церкви, какъ Крайнемъ Судіи, и догматическимъ примѣромъ Антіохійскаго помѣстнаго и Апостольскаго Соборовъ. Онъ долженъ состоять изъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ въ равномъ количествѣ членовъ отъ каждой изъ этихъ трехъ группъ. Равномѣрное распредѣленіе членовъ Собора по этимъ группамъ необходимо, съ одной стороны, для безупречнаго осуществленія идеи соборности, а съ другой — для устраненія всякихъ подозрѣній относительно односторонняго освѣщенія и рѣшенія дѣлъ на Соборѣ подъ давленіемъ какой-нибудь одной преобладающей численно группы.

а) *Епископы.*

Количество епископовъ на Соборѣ опредѣляется числомъ самостоятельныхъ архіерейскихъ каѳедръ въ Россіи. Участіе въ соборныхъ дѣяніяхъ только правя-

щихъ архипастырей объясняется наличностью въ нихъ административнаго опыта и знакомства съ дѣйствительными потребностями времени въ силу непосредственнаго участія въ круговоротѣ церковно-общественной жизни. По этимъ соображеніямъ, участіе на Соборѣ викарныхъ епископовъ, — какъ проходящихъ еще служебный стажъ и находящихся на искусѣ, представляется недопустимымъ. Впрочемъ, викарный епископъ можетъ быть допущенъ на Соборъ въ качествѣ полноправнаго члена, если онъ будетъ снабженъ вѣрительной грамотой отъ своего правящаго архипастыря, лишеннаго возможности, по болѣзни или инымъ уважительнымъ причинамъ, лично присутствовать на Помѣстномъ Соборѣ. Равнымъ образомъ недопустимо участіе въ соборныхъ дѣяніяхъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ епископовъ, пребывающихъ на покоѣ, доколѣ они не займутъ каѳедръ правящихъ епископовъ. Самый фактъ увольненія такихъ епископовъ на покой свидѣтельствуетъ, что ихъ дѣятельный опытъ на законодательномъ и административномъ поприщѣ принадлежитъ прошлому. Между тѣмъ живая дѣятельность Помѣстнаго Собора, отражающая живую потребность даннаго момента, требуетъ участія въ ней только тѣхъ, кто имѣетъ непосредственное соприкосновеніе съ живой дѣйствительностью. Однако, увольненіе на покой не всегда является показателемъ полнаго упадка активныхъ способностей. Нерѣдко въ старческомъ и немощномъ тѣлѣ епископа, пребывающаго на покоѣ, горитъ яркій огонь огромнаго духовнаго опыта, мудрой прозорливости и вдумчиваго разумѣнія жизни. Проходить мимо такихъ духовныхъ свѣтильниковъ даже Помѣстному Собору было бы неудобно. Необходимо, слѣдовательно, установить какой-либо способъ общенія Собора съ признанными свѣтильниками разума и благочестія и вообще съ

людьми опыта не только изъ епископовъ, но и изъ клириковъ и мірянъ, которые по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ не могутъ попасть въ члены Собора. Такое общеніе можетъ быть двухстороннимъ; съ одной стороны,—епископы, пребывающіе на покоѣ, а равно клирики и міряне, могутъ присылать Помѣстному Собору письменныя мнѣнія съ изложеніемъ своихъ воззрѣній на тотъ или иной предметъ; съ другой—самъ Соборъ не можетъ быть лишенъ права просить лицъ, опытъ которыхъ извѣстенъ Собору, принять участіе въ соборныхъ сужденіяхъ или доставкою письменнаго изложенія своихъ соображеній, или личнымъ присутствіемъ на Соборѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Но, чтобы не создавать изъ этого права предлогъ къ безконечной затяжкѣ соборныхъ работъ путемъ отысканія новыхъ спеціалистовъ, необходимо, казалось бы, установить, что выборъ свѣдущихъ людей производится самимъ Соборомъ, въ общемъ его собраніи, въ самомъ началѣ его дѣятельности, по докладу президіума Собора на основаніи сообщеній предсѣдателей соборныхъ секцій. Въ этомъ же порядкѣ рѣшается вопросъ о томъ, какія изъ доставленныхъ къ началу Собора мнѣній епископовъ, пребывающихъ на покоѣ, и вообще свѣдущихъ людей подлежатъ соборному обсужденію.

б) Пресвитеры и порядокъ ихъ избранія на Соборъ.

Вторую группу членовъ Помѣстнаго Собора Русской православной Церкви составляютъ пресвитеры, какъ представители клира. Современный клиръ состоитъ изъ пресвитеровъ, діаконовъ и псаломщиковъ. Но членами Собора должны быть избираемы, по нынѣшнимъ условіямъ, одни пресвитеры не только для того, чтобы приблизить составъ русскаго Помѣстнаго Собора къ

его догматическому образцу — Апостольскому Собору, но и для того, чтобы обезпечить присутствованіе на Соборѣ, по второй его группѣ, людей, по своей школьной подготовкѣ и практическому опыту, могущихъ быть дѣйствительными выразителями церковнаго вѣдѣнія. Монашествующіе участвуютъ въ избирательномъ процессѣ путемъ посылки на благочинническія собранія избранныхъ представителей. Особаго представительства монашествующей группы на Помѣстномъ Соборѣ не требуется, такъ какъ интересы монашества будутъ представлены епископатомъ.

Въ цѣляхъ привлеченія къ выбору членовъ Собора—пресвитеровъ всѣхъ клириковъ,—съ одной стороны, а съ другой,—чтобы избѣжать слишкомъ громоздкихъ выборныхъ собраній, представлялось бы необходимымъ установить двухстепенную систему выборовъ членовъ второй группы Помѣстнаго Собора. По этой системѣ благочинническое собраніе, въ лицѣ всѣхъ клириковъ, т. е. пресвитеровъ, діаконовъ и псаломщиковъ даннаго благочиннической округа, не подвергавшихся ограниченіямъ, лишающимъ права участія въ соборныхъ выборахъ, подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго самимъ собраніемъ, избираетъ изъ своей среды простымъ большинствомъ голосовъ, путемъ подачи записокъ съ именами кандидатовъ, выборщика—пресвитера въ епархіальное собраніе. Это—первая ступень избирательнаго процесса. Благочинническія собранія—дѣло обычное для духовенства, не сложное и не требующее большихъ расходовъ. Самый способъ избранія выборщика въ епархіальное собраніе не представляетъ чего-либо новаго. Это то же, что выборъ депутата въ епархіальный съѣздъ духовенства. Разница только въ томъ, что на связанномъ съ Соборомъ избирательномъ благочинническомъ собраніи участвуютъ

съ равными голосами діаконы и псаломщики, чего на рядовыхъ благочинническихъ собраніяхъ обычно не допускается. Необходимость привлеченія къ избирательному дѣлу діаконовъ и псаломщиковъ не нуждается въ объясненіяхъ: она вытекаетъ изъ ихъ права на живое участіе въ жизни Церкви, какъ членовъ послѣдней. Возможное же и небезосновательное опасеніе, что при равенствѣ голосовъ и при численномъ преобладаніи діаконовъ и псаломщиковъ выборщиками въ епархіальномъ собраніи окажутся ставленники низшихъ членовъ клира, умѣряется тѣмъ соображеніемъ, что величіе задачи и сознаніе долга понудятъ избирателей на благочинническомъ собраніи приступить къ своему дѣлу съ полной серьезностью и выбирать кандидатомъ въ епархіальное собраніе не того, кто нравится по личнымъ субъективнымъ побужденіямъ, а того, кто, при выборѣ Члена Помѣстнаго Собора, можетъ съ наибольшей ясностью понимать нужды и пользы не только епархіи, но всего общецерковнаго дѣла, и руководствоваться этимъ пониманіемъ при избраніи члена-пресвитера отъ данной епархіи.

Однимъ изъ существенныхъ условій успѣшности избирательнаго процесса, какъ въ благочинническихъ, такъ и въ епархіальныхъ собраніяхъ является полная нестѣсняемость избирателей. Древняя соборная формула гласитъ: «Изволися Духу Святому и намъ». Въ этихъ словахъ прикровенно выраженъ принципъ свободы, руководившій Св. Отцами въ ихъ соборныхъ сужденіяхъ и дѣяніяхъ, ибо, какъ говоритъ Апостолъ: «Господь есть Духъ; а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода» (2 Кор. III, 17). Серьезность цѣлей избирательныхъ собраній, благочинническихъ и епархіальныхъ, требуетъ, чтобы результатъ ихъ былъ достоинъ увѣнчанія древней соборной формулой: «Изволися Духу Святому и

намъ». Поэтому основное условіе дѣйствія Духа — свобода должна быть предоставлена избирателямъ въ полномъ объемѣ. Однако, планомѣрнсе осуществленіе самими избирателями принципа свободы, при современномъ положеніи духовенства, подавленнаго въ большинствѣ абсолютизмомъ епископской власти съ ея второстепенными развѣтвленіями и не стряхнувшаго съ себя многихъ отрицательныхъ послѣдствій крѣпостного состоянія, по меньшей мѣрѣ сомнительно. Отсюда вытекаетъ необходимость въ мѣрѣ, которая гарантировала бы minimum свободы избирателей. Такою мѣрою и является закрытая подача голосовъ путемъ записокъ съ именами кандидатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой мѣрой достигается устраненіе вредныхъ для выборщиковъ послѣдствій на почвѣ открыто уязвленнаго самолюбія.

Участіе въ соборной дѣятельности отъ начальныхъ ея стадій и до конца составляетъ живую потребность церковно настроенной души. Поэтому никакія насильственныя мѣры для привлеченія выборщиковъ къ активному исполненію ими своихъ обязанностей въ церковномъ дѣлѣ немыслимы. Отсюда слѣдуетъ, что отсутствіе на выборныхъ собраніяхъ хотя бы и большинства лицъ, имѣющихъ право участія на оныхъ, не должно останавливать дѣйствій и рѣшеній собраній. По слову Христа, «гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ» (Мѳ. XVIII, 20). Абсентеизмъ избирателей именно въ церковно-идейномъ дѣлѣ будетъ свидѣтельствовать, что отсутствуютъ плевелы. Тѣмъ цѣннѣе труды чистой пшеницы Христова поля.

Созывъ Помѣстнаго Собора есть дѣло не только исторической, но и принципіальной важности. Поэтому вершить это дѣло отъ начала и до конца могутъ только люди съ чистой совѣстью и съ чистыми руками. Отсюда неизбѣжность нѣкоторыхъ ограниченій въ общемъ правѣ

всѣхъ членовъ Церкви на участіе въ дѣлахъ соборныхъ. Ограниченія для мірянъ будутъ указаны ниже. Что касается клириковъ, то тутъ самое состояніе въ санѣ или званіи свидѣтельствуетъ, повидимому, о правоспособности даннаго человѣка къ предсоборнымъ (избирательнымъ) и соборнымъ дѣйствіямъ. Сомнительнымъ является лишь состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ съ вытекающими отсюда судебными рѣшеніями. Въ этомъ отношеніи къ клиру, какъ ближе всѣхъ стоящему къ церковному дѣлу, казалось бы надлежало предъявить maximum требованій въ смыслѣ расширенія ограничительныхъ постановленій. Однако, безправное положеніе духовенства, условія его быта и дѣятельности, дающія неисчислимое множество поводовъ къ возникновенію судебныхъ дѣлъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ, неустройство слѣдственнаго процесса, полное отсутствіе регламентаціи проступковъ и наказаній и, наконецъ, всеобъемлющій произволъ въ квалификаціи преступленій и возмездія—вся эта совокупность обстоятельствъ побуждаетъ къ крайней осторожности въ выборѣ обстоятельствъ, ограничивающихъ право участія клириковъ въ соборныхъ, въ общемъ смыслѣ, дѣйствіяхъ. При современномъ неустройствѣ духовнаго суда замѣчаются двѣ крайности: или полное снисхожденіе, или отдача подъ судъ половины и даже болѣе епархіальнаго духовенства. Выбрать здѣсь равнодѣйствующую, безпристрастно отдѣляющую овецъ отъ козлищъ, совершенно невозможно. Поэтому не всякое состояніе подъ епархіальнымъ слѣдствіемъ и судомъ нынѣшняго устройства можетъ быть разсматриваемо, какъ обстоятельство, опорочивающее право клирика на участіе въ общесоборной дѣятельности. Здѣсь рѣшающую роль должна имѣть, повидимому, квалификація обвиненія, поскольку она свидѣтельствуетъ о злой волѣ

человѣка. Поэтому обвиненіе и даже оговоръ клирика въ преступленіи, нетерпимомъ въ духовномъ санѣ и званіи и угрожающемъ уголовными репрессіями, лишеніемъ сана и исключеніемъ изъ духовнаго званія, должно быть признано обстоятельствомъ, нравственно побуждающимъ клирика воздержаться отъ участія въ общесоборныхъ дѣйствіяхъ, впредь до выясненія дѣла на судѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ состояніе подслѣдственности или подсудности, въ виду отмѣченныхъ несовершенствъ духовнаго слѣдствія и суда, должно быть признано не имѣющимъ для клирика ограничительнаго въ отношеніи къ Собору значенія.

Въ заключительной части сужденій о благочинническихъ выборахъ членовъ второй группы Помѣстнаго Собора надлежитъ упомянуть, что какъ эти выборы, такъ вообще всѣ предсоборныя и соборныя дѣйствія должны сопровождаться молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу. Благочестивый русскій обычай начинать и оканчивать дѣло молитвою въ особенности умѣстенъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о церковномъ дѣлѣ. Молитвенное осѣненіе и непрестанное памятованіе, что, участвуя въ избирательномъ собраніи, выборщики совершаютъ дѣло Божіе, сообщатъ имъ ту степенность и сдержанность въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, которыя такъ необходимы въ столь важномъ дѣлѣ. Наконецъ, молитвенное призываніе помощи Божіей усвоитъ выборнымъ дѣйствіямъ мистическій оттѣнокъ избранія при благодатномъ изволеніи Святаго Духа.

Вторую ступень избирательнаго по Собору процесса въ отношеніи второй группы членовъ составляетъ епархіальное собраніе, на которомъ делегаты благочинническихъ собраній, подъ предсѣдательствомъ лица, ими самими выбраннаго изъ своей среды, избираютъ члена-пресвитера въ Помѣстный Соборъ и двухъ

кандидатовъ къ нему на случай, если какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства не позволятъ лицу, избранному въ члены Собора, осуществить свое право или вынудятъ его выбыть изъ состава Собора до окончанія его занятій. Кандидаты заступаютъ на мѣсто члена Собора въ порядкѣ большинства голосовъ, полученныхъ ими на епархіальномъ избирательномъ собраніи. Въ остальномъ процессуальная сторона епархіальныхъ избирательныхъ собраній не нуждается въ разъясненіяхъ. Внѣшній порядокъ выборовъ на этихъ собраніяхъ на первое, по крайней мѣрѣ, время надлежитъ оставить тотъ же, что и для благочинническихъ собраній, тѣмъ болѣе, что онъ знакомъ духовенству по практикѣ епархіальныхъ съѣздовъ. Опытъ будущаго покажетъ, какіе коррективы необходимо внести для усовершенствованія избирательнаго процесса. Изложенныя выше правила выборовъ членовъ Помѣстнаго Собора—пресвитеровъ распространяются въ полномъ объемѣ на военное, морское и придворное духовенство. Выдѣленіе этого духовенства въ особыя куріи нарушило бы соотношеніе главныхъ соборныхъ группъ, усиливъ вторую изъ нихъ въ ущербъ первой и третьей. Поэтому представлялось бы цѣлесообразнымъ слить военное, морское и придворное духовенство съ общей массой епархіальнаго духовенства, предоставивъ ему право участія въ благочинническихъ, по мѣсту нахожденія церквей военнаго, морского и придворнаго вѣдомства, избирательныхъ и епархіальныхъ собраніяхъ на ряду съ епархіальнымъ духовенствомъ.

в) *Міряне и порядокъ избранія ихъ на Соборъ.*

Третью группу членовъ Помѣстнаго Собора составляютъ міряне. Организація выборовъ этой группы

является особо трудной въ виду неналаженности приходской жизни въ Русской Церкви. Отстутствіе правильно организованной приходской жизни въ данномъ случаѣ особенно чувствительно потому, что сопровождается не только притупленіемъ въ массѣ интереса къ приходскимъ, а въ обширномъ смыслѣ—церковнымъ, вопросамъ, но и полнымъ искаженіемъ самаго понятія церковности. Не безосновательно опасеніе, что для православно-русскаго населенія, главную толщу коего составляютъ крестьяне, недостаточно или совсѣмъ не сознающіе творческихъ началъ соборности, созывъ Помѣстнаго Собора будетъ мало понятнымъ явленіемъ и потому будетъ встрѣченъ не съ тѣмъ сознательнымъ вниманіемъ и интересомъ, какихъ онъ заслуживаетъ по связаннымъ съ нимъ плодотворнымъ послѣдствіямъ для русской жизни вообще и церковной въ частности. Поэтому однимъ изъ первыхъ подготовительныхъ дѣйствій по Собору надлежитъ признать ознакомленіе населенія съ самой идеей соборнаго церковнаго управленія и способами ея осуществленія. Такое ознакомленіе могли бы взять на себя приходскіе пастыри, религіозно-просвѣтительныя общества и вообще всѣ церковные элементы, которымъ церковная соборность дорога сама по себѣ, помимо всякихъ стороннихъ соображеній и предвзятыхъ заднихъ мыслей. Путемъ собесѣдованій съ церковной каѳедры, устройствомъ нарочитыхъ собраній и чтеній, распространеніемъ брошюръ и листковъ спеціальнаго содержанія можно подготовить православное населеніе къ сознательно-разумному участію въ великомъ дѣлѣ созыва Помѣстнаго Собора Русской православной Церкви. Была бы лишь охота.

Идейно участвуетъ на Помѣстномъ Соборѣ Русской православной Церкви все многомилліонное православ-

ное населеніе Россіи; фактическое же участіе на немъ должно принадлежать небольшой группѣ лицъ, равной по численности, во избѣжаніе количественнаго преобладанія, числу епископовъ или пресвитеровъ. Такимъ образомъ, отъ каждой епархіи на Соборѣ представителемъ мірянъ будетъ только одинъ человѣкъ. Разумѣется, это долженъ быть лучшій изъ лучшихъ. Но чтобы обезпечить выборы на Соборъ дѣйствительно лучшихъ людей, необходимо самый составъ выборщиковъ опредѣлить такъ, какъ этого требуютъ высота и святость соборнаго дѣланія. Конечно, главнымъ регуляторомъ отношеній къ предсоборнымъ и соборнымъ дѣйствіямъ является совѣсть вѣрующаго. Кто чувствуетъ въ себѣ церковное настроеніе, кто горитъ желаніемъ принести посильную помощь матери-Церкви въ организаціи внутренней ея жизни, кто найдетъ въ себѣ достаточный запасъ силъ и энергіи для плодотворной работы въ дѣлѣ Божіемъ, тотъ безъ всякаго внѣшняго побужденія приметъ активное участіе въ соборномъ, въ общемъ смыслѣ, дѣланіи. И, наоборотъ, православные только по имени, или люди, недостаточно проникшіеся идеей соборности, всѣ пассивные элементы православнаго церковнаго стада,—эти не откликнутся на призывъ къ Помѣстному Собору, какъ бы громко ни звучала труба объ этомъ Соборѣ. Наконецъ, найдется не мало такихъ членовъ Церкви, которые, въ смиренномъ сознаніи своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ недостатковъ, воздержатся отъ активнаго участія въ соборной работѣ. Такимъ образомъ, уже одни внутреннія велѣнія совѣсти сократятъ число выборщиковъ и кругъ выбираемыхъ въ составъ Помѣстнаго Собора. Но, кромѣ этихъ ограниченій нравственнаго характера, надлежитъ поставить рядъ ограничительныхъ постановленій внѣшняго свойства, дабы обезпечить участіе на Соборѣ дѣйствительно православныхъ избранниковъ.

Первое и главное требованіе въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, чтобы участниками соборныхъ и предсоборныхъ дѣяній, т. е. выборщиками и членами Помѣстнаго Собора были только православные. Это само собою понятно. Однако, числиться православнымъ и быть имъ—далеко не одно и то же. Смѣшеніе этихъ двухъ состояній, безразличное отношеніе къ составу выборщиковъ, лишь бы они были прикрыты тогой православія, можетъ не только неблагопріятно отразиться на осуществленіи идеи соборности, но и скомпрометировать ее въ самомъ первичномъ моментѣ осуществленія Помѣстнаго Собора—въ приходскомъ собраніи. Съ другой стороны, оцѣнка внутренняго настроенія выборщика—дѣло очень трудное, доступное только его духовному отцу. Однако, вмѣшательство духовныхъ лицъ въ выборный процессъ по куріи мірянъ представляется въ высшей степени нежелательнымъ, дабы устранить всякую возможность нареканій въ давленіи со стороны клира на выборный процессъ мірянъ. Поэтому, оставляя въ силѣ общее требованіе, что выборщиками въ Помѣстный Соборъ могутъ быть только православные, дальнѣйшее развитіе этого требованія въ деталяхъ надлежитъ предоставить рѣшенію самихъ выборныхъ собраній. Послѣднія могутъ, напримѣръ, постановить, что правомъ участія въ избирательномъ процессѣ пользуются православные не по названію только, а по дѣйствительному обнаруженію православной церковной настроенности. И такъ какъ главнѣйшимъ признакомъ послѣдней является общеніе въ существеннѣйшихъ послѣ св. Крещенія и Муропомазанія таинствахъ Покаянія и св. Причащенія, то въ нѣкоторыхъ приходскихъ собраніяхъ, а можетъ быть, и во многихъ, возникнетъ требованіе, чтобы выборщиками членовъ Помѣстнаго Собора Русской православной Церкви были

лица православнаго исповѣданія, записанныя въ приходскія исповѣдныя росписи за годъ или за два до Собора. Въ такомъ случаѣ надлежитъ имѣть въ виду, что при современной подвижности населенія долгъ исповѣди и св. Причащенія даннымъ лицомъ можетъ быть выполняемъ въ разныхъ приходахъ, и потому, въ цѣляхъ упрощенія избирательнаго процесса, надлежало бы установить, что лица, имѣющія право быть выборщиками въ Помѣстный Соборъ, осуществляютъ это право въ томъ приходѣ, гдѣ они фактически пребываютъ въ моментъ избирательнаго процесса, а свое бытіе у исповѣди и св. Причащенія, если участіе въ этомъ процессѣ обусловлено по постановленію приходскаго собранія исповѣднымъ цензомъ, удостовѣряютъ свидѣтельствами причтовъ тѣхъ церквей, гдѣ они этотъ долгъ выполняли.

Помѣстный Соборъ Всероссійской православной Церкви, какъ главный регуляторъ церковныхъ отношеній, представляетъ явленіе высшаго порядка. Отсюда вытекаетъ необходимость въ томъ, чтобы всѣ стадіи развитія и осуществленія этого явленія освѣщались разумной дисциплинированной мыслью. Съ другой стороны, современныя церковно-общественныя и церковно-государственныя отношенія весьма далеко отошли отъ той простоты и непосредственности, когда угольщики дѣлались епископами, и, несмотря на свое «худородство», право правили слово истины. Свѣжій для всѣхъ примѣръ епископа изъ олонецкихъ огородниковъ свидѣтельствуетъ, какъ неосторожно воспроизводить теперь святую старину. Нынѣ образовательный цензъ является непремѣннымъ условіемъ правильнаго пониманія не только гражданскихъ, но и церковныхъ взаимоотношеній и интересовъ. Поэтому, для пользы дѣла представляется необходимымъ установить принципіальное требованіе

образовательнаго ценза для всѣхъ стадій соборнаго дѣйствованія. Такимъ цензомъ въ минимальномъ его требованіи должна быть грамотность въ общемъ смыслѣ слова. Дальнѣйшее развитіе этого принципа въ смыслѣ повышенія требованій должно быть предоставлено рѣшенію самихъ избирательныхъ собраній. Въ этомъ отношеніи возможны лишь пожеланія, имѣющія цѣлью, съ одной стороны, создать лишній стимулъ къ народному образованію, а съ другой,—обезпечить присутствіе на Помѣстномъ Соборѣ интеллектуальныхъ силъ. Повышеніе образовательнаго ценза по мѣрѣ важности избирательнаго момента, если такое повышеніе было бы признано желательнымъ самимъ избирательнымъ собраніемъ, можно представить въ слѣдующей градаціи. На приходскомъ собраніи присутствуютъ всѣ грамотные прихожане, но въ слѣдующее избирательное-благочинническое собраніе избирается лицо, располагающее по своему образовательному цензу правомъ быть, по меньшей мѣрѣ, учителемъ сельскаго училища или другого соотвѣтствующаго ему учебнаго заведенія. Благочинническое собраніе избираетъ выборщика въ епархіальное собраніе изъ лицъ, окончившихъ курсъ ученія въ объемѣ не менѣе курса среднихъ учебныхъ заведеній (учительскихъ семинарій и институтовъ, церковно-учительскихъ школъ, гимназій, духовныхъ семинарій и т. д.). Епархіальное собраніе избираетъ члена Собора изъ своей среды и тѣмъ обезпечиваетъ присутствіе на Соборѣ не просто грамотныхъ, но и дисциплинированныхъ наукою умовъ.

Дальнѣйшее ограниченіе въ выборномъ по Помѣстному Собору процессѣ касается возраста лицъ, имѣющихъ право быть выборщиками. Согласно Положенію о выборахъ въ Государственную Думу (Св. Зак. Т. I. Ч. 2, изд. 1907 г. ст. 9) выборщиками въ оную могутъ быть только лица, достигшія 25-ти лѣтъ. Эти же годы уста-

навливаютъ право участія въ приходскомъ собраніи по проекту нормальнаго устава православныхъ приходовъ въ Россіи, принятому 4-ымъ Отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія (проектъ Устава, ст. 50). Съ другой стороны, гражданское совершеннолѣтіе опредѣляется нашими законами въ 21 годъ (Св. Зак., т. X, ч. I, кн. I, ст. 213, изд. 1887 г.), а установленное закономъ совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ устанавливаетъ брачный возрастъ въ 18 лѣтъ для мужчины и 16 лѣтъ для женщины. Такимъ образомъ, по дѣйствующимъ законамъ россійскій гражданинъ, имѣющій 21 годъ отъ роду, мыслится въ качествѣ субъекта всѣхъ рѣшительно правъ, возникающихъ изъ факта его состоянія въ россійскомъ государствѣ, а въ 18—16 лѣтъ его сама Церковь благословляетъ на устройство своей домашней церкви, т. е. той именно ячейки, совокупность которыхъ составляетъ Русскую православную Церковь. Было бы непримиримымъ противорѣчіемъ съ церковной точки зрѣнія ограничивать людей—строителей своей домашней церкви въ правѣ коллективнымъ разумомъ устроять совокупность домашнихъ церквей — Русскую православную Церковь. Поэтому предѣльнымъ возрастомъ, открывающимъ право участія въ соборныхъ дѣяніяхъ въ общемъ смыслѣ этого слова, надлежитъ установить 18 лѣтъ для мужчины и 16 лѣтъ для женщины. Молодость — не порокъ, а если и порокъ, то исчезающій съ каждымъ новымъ годомъ. Ближайшее же наблюденіе надъ этимъ «порокомъ» открываетъ въ немъ такія черты, которымъ позавидуетъ всякій, отрѣшившійся отъ порока молодости,—это свѣжесть чувства, острота воспріятій и энергія порыва,—качества, столь цѣнныя для насажденія и усвоенія тайнъ Царства Божія. Съ этой именно точки зрѣнія привлеченіе къ церковному строительству людей въ возможно-раннемъ возрастѣ

особенно желательно, такъ какъ привычка съ раннихъ лѣтъ вращаться въ сферѣ церковныхъ понятій создастъ въ человѣкѣ ту крѣпкую привязанность къ матери-Церкви, которая служитъ для послѣдней надежнѣйшимъ оплотомъ въ дни испытаній. Выплывающее изъ тьмы предразсудковъ опасеніе, что молодежь въ своемъ бурномъ порывѣ можетъ поколебать самые устои церковной жизни, представляется совершенно неосновательнымъ. Вѣдь на церковныхъ собраніяхъ, отъ прихода и до Собора, молодежь будетъ не въ единственномъ числѣ. Присутствіе на такихъ собраніяхъ лицъ вполнѣ зрѣлаго возраста и убѣленныхъ сѣдиною старцевъ, несомнѣнно, умѣритъ силу молодого порыва и дастъ ту полезную равнодѣйствующую, гдѣ залежавшійся, быть можетъ, опытъ зрѣлыхъ людей и нѣсколько обветшавшая мудрость старцевъ провѣтрится свѣжимъ дыханіемъ молодости.

Указанный выше предѣльный возрастъ исключаетъ изъ числа выборщиковъ по Собору тѣхъ учащихся, кто не достигъ 18—16 лѣтъ, и этимъ предупреждаетъ даже намекъ на возможность пайдократіи.

По слову Апостола: «Жены ваши въ церквахъ да молчатъ; ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи, какъ и законъ говоритъ» (I Кор. XIV, 34).

Въ приведенныхъ словахъ Апостола консервативная мысль находитъ опору для ограниченія правъ женщинъ на участіе въ церковныхъ собраніяхъ, имѣющихъ цѣлью внѣшнее устройство Церкви. Нельзя, однако, забывать, что въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о правѣ активнаго участія въ церковномъ строительствѣ, а о правѣ учительства (сравн. I Тим. II, 11). Послѣднее право дѣйствительно женщинамъ не принадлежитъ, какъ не принадлежитъ оно, впрочемъ, и мужчинамъ-мірянамъ, а свойственно только епископамъ и, по ихъ передовѣ-

рію, пресвитерамъ, а равно прочимъ членамъ Церкви, достойнымъ іерархическаго довѣрія въ смыслѣ полученія права быть церковнымъ учителемъ, не исключая и женщинъ.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію даннаго мѣста, необходимо отмѣтить, что апостольскій наказъ имѣетъ чисто-канонический (административный) характеръ, и, слѣдовательно, къ нему относится все то, что въ своемъ мѣстѣ сказано объ измѣняемости канонического законодательства.

Вызванное современными Апостолу воззрѣніями на женщину и, въ частности, исключительными обстоятельствами жизни Коринѳской Церкви каноническое правило Апостола Павла, именно какъ каноническое, не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ абсолютно непреложнаго закона подобно тому, какъ призывъ со стороны того же Апостола рабовъ къ повиновенію своимъ господамъ (Ефес. VI, 5; Тит. II, 1 и др.) не можетъ служить непререкаемымъ основаніемъ рабства. Права членовъ Церкви опредѣляются тѣмъ же Апостоломъ, какъ принадлежащія всѣмъ безъ различія національностей, соціальныхъ положеній и особенностей пола. «Всѣ вы, говоритъ онъ, во Христѣ крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго, нѣтъ мужского пола, ни женскаго, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ» (Гал. III, 27, 28). Но, если такъ, то главное основаніе быть женѣ въ подчиненіи и молчать въ церкви—законъ (Быт. III, 16), говорящій о рабскомъ подчиненіи женщины, какъ слѣдствіи грѣхопаденія, отпадаетъ. Одинаково съ мужчиной искупленная кровью Іисуса Христа, женщина изъ рабы обратилась въ полноправную гражданку Царства Божія и потому не можетъ быть лишена правъ, свойственныхъ такому гражданству. Каноническое ограни-

ченіе Апостола, какъ выше сказано, находитъ свое объясненіе въ исключительныхъ обстоятельствахъ жизни коринѳскихъ христіанъ и теряетъ свое значеніе, если эти обстоятельства болѣе не имѣютъ мѣста. Наоборотъ, дѣятельность женщины въ міровой исторіи христіанства и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка даетъ ей полное право на равное съ мужскимъ поломъ участіе въ церковномъ строительствѣ. Св. равноапостольная Марія Магдалина, Ѳекла, Нина развѣ могли бы проповѣдывать Христа распята, если бы ихъ уста были скованы запретительнымъ словомъ Апостола о молчаніи въ церквахъ? А развѣ каждая мать не учитъ въ своей домашней церкви, когда влагаетъ сѣмена вѣры въ души своихъ дѣтей? Не совершаетъ ли она тѣмъ равноапостольнаго подвига? Женщина искони была преимущественной хранительницей не только семейнаго очага, но и очага вѣры, и потому ей по праву должно быть дано мѣсто на пирѣ вѣры, должно быть дано равное право участія въ церковномъ строительствѣ. Пусть наше гражданское законодательство не дошло еще до равноправія женщинъ. Церковное законодательство и въ этомъ отношеніи должно показать примѣръ разумнаго обновленія строя.

По Положенію о выборахъ въ Государственную Думу (ст. 9) въ выборахъ не участвуютъ воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ. Это ограниченіе, объяснимое, быть можетъ, съ точки зрѣнія государственной, совершенно непріемлемо съ церковной точки зрѣнія, такъ какъ, состоя на службѣ, воинскіе чины не перестаютъ быть членами православной Церкви и не могутъ быть ограничены ни въ одномъ изъ правъ, вытекающихъ изъ этого членства. Поэтому тѣ изъ воинскихъ чиновъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, которые удовле-

творяютъ указаннымъ выше требованіямъ (православіе, грамотность и бытіе у исповѣди и св. Причащенія, если послѣднія два условія признаны церковнымъ собраніемъ даннаго района), должны быть признаны правоспособными къ участію въ соборномъ избирательномъ процессѣ по тѣмъ приходамъ, въ чертѣ которыхъ они будутъ находиться къ началу избирательнаго процесса.

Нельзя далѣе ограничивать въ соборныхъ избирательныхъ правахъ православныхъ бродячихъ инородцевъ, какъ это дѣлаетъ Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Пусть это—пасынки природы. Но и они искуплены кровью Христа, и они наслѣдники обѣтованія. Почему же ихъ ограничивать въ правахъ на участіе въ общецерковномъ строительствѣ, если они удовлетворяютъ общимъ требованіямъ избирательнаго по Собору ценза? Трудно выработать для такихъ инородцевъ технику выборовъ; но техническія затрудненія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить основаніемъ къ ограниченію правъ, вытекающихъ изъ факта принадлежности къ православной Церкви. Помѣстный Соборъ, безъ сомнѣнія, выработаетъ эту технику, а пока достаточно признать принципіальное право, предоставивъ инородцамъ самимъ осуществить это право тѣмъ путемъ, какой они найдутъ для себя удобнымъ, лишь бы осуществленіе этого права не нарушало основныхъ принциповъ избирательнаго процесса. Необходимыя же разъясненія дадутъ инородцамъ окормляющіе ихъ духовно священники.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу налагаетъ запрещеніе на иностранныхъ подданныхъ. Въ отношеніи къ Помѣстному Собору Русской православной Церкви это запрещеніе должно быть ограничено. Конечно, иностранные подданные, состоящіе членами иной, а не Русской автокефальной православ-

ной Церкви, не могутъ быть ни выборщиками, ни членами русскаго Помѣстнаго Собора. Равнымъ образомъ не могутъ быть ни выборщиками, ни членами Собора тѣ русскіе православные подданные, которые принадлежатъ къ другой автокефальной Церкви, напр., Грузинской. Члены этой Церкви могутъ быть членами Всероссійскаго Помѣстнаго Собора, если будутъ приглашены на Соборъ самимъ же Соборомъ въ числѣ по указанію того же Собора. Порядокъ избранія этихъ членовъ должна установить сама Грузинская Церковь. Обращаясь къ заграницѣ, надлежитъ имѣть въ виду, что въ заграничныхъ миссіяхъ отечественной Церкви насчитывается не малое количество иностранныхъ подданныхъ, состоящихъ въ то же время членами Русской православной Церкви и потому имѣющихъ всѣ права на активное участіе въ соборной дѣятельности этой Церкви. Разсматривая каждую такую миссію, возглавляемую епископомъ, въ качествѣ самостоятельной епархіи, а миссіи, епископомъ не возглавляемыя, въ качествѣ приходовъ той епархіи, къ которой онѣ причислены, надлежитъ признать, что иностранные подданные, состоящіе членами Русской православной Церкви, имѣютъ полное право участія въ избирательномъ соборномъ процессѣ на общихъ основаніяхъ, устанавливаемыхъ для епархіальныхъ выборовъ, при чемъ миссіи, возглавляемыя епископомъ, имѣютъ представительство на Помѣстномъ Соборѣ въ лицѣ епископа, пресвитера и мірянина, какъ каждая епархія внутри Россіи, а миссіи и заграничныя церкви, епископами не возглавляемыя, имѣютъ представительство въ лицѣ делегатовъ Петроградской епархіи, къ составу которой тѣ миссіи и церкви принадлежатъ.

Важное значеніе Помѣстнаго Собора, самого по себѣ и въ отношеніи русской церковной жизни, требуетъ,

чтобы не только личный составъ Собора представлялъ собою цвѣтъ русскихъ церковныхъ людей, но чтобы и подготовительныя дѣйствія къ Собору совершались людьми безупречными.—Поэтому тѣ ограниченія, какія предусмотрѣны ст. 10 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу и заграждаютъ доступъ къ выборамъ людей опороченныхъ, должны быть распространены въ полномъ объемѣ и на выборщиковъ членовъ Помѣстнаго Собора Россійской православной Церкви.

Установленіе ограниченій въ правѣ участія въ избирательномъ соборномъ процессѣ, безъ сомнѣнія, сократитъ число выборщиковъ по Собору, однако, далеко не въ той степени, чтобы остающееся, за всѣми ограниченіями, число избирателей съ удобствомъ вмѣстилось въ опредѣленныя рамки выборной техники, тѣмъ болѣе, что правильная организація выборовъ, при существующихъ условіяхъ русской дѣйствительности, встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ исключающихъ другъ друга обстоятельствъ. Съ идеальной точки зрѣнія представлялось бы не только желательнымъ, но и необходимымъ, чтобы всѣ правоспособные члены избирательныхъ собраній (приходскихъ, благочинническихъ, епархіальныхъ) принимали участіе въ соборномъ избирательномъ процессѣ. Но это весьма почтенное желаніе сталкивается съ обычными явленіями русской жизни, какъ-то: невысокій культурный уровень главной массы избирателей, отсутствіе или неясное пониманіе церковно-общественныхъ интересовъ, прижимистость русскаго человѣка въ расходахъ на предметы, не приносящіе непосредственно ощутимой пользы, а съ внѣшней стороны — разбросанность приходовъ иногда на огромныхъ разстояніяхъ, при хроническомъ бездорожьи, раздробленность приходскаго цѣлаго на мелкія составныя единицы и т. д. Всѣ эти особенности

отнимаютъ всякую возможность нынѣ же правильно и безупречно организовать избирательныя по Собору собранія. Это дѣло будущаго, когда приходская жизнь, по указаніямъ Собора, приметъ опредѣленныя и правильныя очертанія. Въ настоящее же время необходимость въ скорѣйшемъ созывѣ Помѣстнаго Собора побуждаетъ ограничиться тѣмъ, что можно создать съ посильнымъ, при существующихъ противопоказаніяхъ, приближеніемъ къ идеалу. Съ такою оговоркою схема избирательныхъ собраній по Собору представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Первую стадію соборнаго избирательнаго процесса въ отношеніи выбора члена Помѣстнаго Собора изъ мірянъ составляютъ приходскія собранія. День приходскаго избирательнаго собранія опредѣляется въ соотвѣтствіи съ днемъ созыва Помѣстнаго Собора и съ такимъ расчетомъ, чтобы приходскія собранія не задерживали избирательнаго процесса въ его дальнѣйшихъ стадіяхъ (благочинническихъ и епархіальныхъ собраніяхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ крайне необходимо, чтобы прихожане выполнили свой избирательный по Собору долгъ вполнѣ сознательно и разумно. Для достиженія этой цѣли представляется не только желательнымъ, но и положительно необходимымъ, чтобы мѣстный священникъ, въ теченіе нѣсколькихъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, разъяснялъ прихожанамъ смыслъ и значеніе грядущаго великаго событія въ жизни Русской Церкви, пользуясь для освѣдомленія о предметѣ бесѣды содѣйствіемъ сельскихъ (деревенскихъ и поселковыхъ) властей. И чѣмъ скорѣе начнется эта подготовительная работа, чѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ и энергіей она будетъ совершаться, тѣмъ, конечно, лучше для дѣла. Во время подготовительныхъ бесѣдъ прихожане сами должны установить день избирательнаго со-

бранія по соображенію съ мѣстными бытовыми условіями. Несомнѣнно, что такимъ днемъ окажется очередной праздникъ или ближайшее воскресенье и, такимъ образомъ, выполненіе избирательнаго долга, совпадая съ удовлетвореніемъ обычныхъ церковно-религіозныхъ потребностей прихожанъ, освободитъ ихъ отъ необходимости по случаю однихъ только выборовъ совершать не всегда безпрепятственное хожденіе на церковный погостъ.

Въ назначенный прихожанами день, послѣ совершенія божественной литургіи и нарочито составленнаго молебнаго пѣнія—составленіе чина такого молебствія должно составить предметъ особаго попеченія Св. Синода,—прихожане обоего пола, удовлетворяющіе положенію о выборахъ, въ самомъ храмѣ или, если позволитъ погода, въ церковной оградѣ, на прилегающей къ храму площади, или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, выбираютъ предсѣдателя собранія и устанавливаютъ категоріи лицъ, изъ состава коихъ желательно избрать выборщика въ слѣдующую избирательную группу (благочинническое собраніе), и совершаютъ избраніе самого выборщика. Избраніе предсѣдателя собранія и выборщика производится простымъ большинствомъ голосовъ путемъ баллотировки шарами, бобами, горошинами и т. д. Подача голосовъ по довѣрію не допускается. Каждый подаетъ свой шаръ самъ за себя, удостовѣряя тѣмъ свое сознательное отношеніе къ дѣлу. Во избѣжаніе же двойной подачи голосовъ въ началѣ собранія производится подсчетъ избирательныхъ голосовъ, итогъ коего свѣряется съ количествомъ дѣйствительно поданныхъ шаровъ. Объ избраніи предсѣдателя и выборщика составляется актъ, который подписывается предсѣдателемъ и всѣми участниками собранія. Для облегченія дѣла печатные экземпляры такихъ актовъ заго-

товляются въ Сѵнодальныхъ Типографіяхъ и разсылаются епархіальнымъ преосвященнымъ для распредѣленія по приходамъ, при чемъ приписныя церкви, не имѣющія самостоятельнаго хозяйства, считаются за одинъ приходъ, а приписныя церкви съ самостоятельнымъ хозяйствомъ признаются за отдѣльныя избирательныя единицы. Составленный въ приходскомъ избирательномъ собраніи актъ отсылается, за церковной печатью, мѣстному благочинному для врученія въ свое время предсѣдателю благочиннического избирательнаго собранія.

Избраніе выборщика въ приходскомъ собраніи производится безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и давленія, ибо «гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода» (2 Коринѳ. III, 17). Мѣстный священникъ въ выборахъ не участвуетъ, но можетъ давать соотвѣтствующія разъясненія въ техникѣ выборовъ, если этого пожелаетъ само собраніе.

Участіе въ общихъ соборныхъ дѣйствіяхъ является актомъ свободнаго волеизъявленія, вытекающаго изъ разумно-сознательнаго отношенія къ церковнымъ вопросамъ. Поэтому возможный въ приходскомъ собраніи, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ прочихъ стадіяхъ избирательнаго процесса, абсентеизмъ избирателей, какъ показатель обратнаго отношенія къ общецерковному дѣлу, не можетъ останавливать самаго процесса избранія. Такимъ образомъ, всякое избирательное по Помѣстному Собору собраніе должно считаться дѣйствительнымъ, независимо отъ того, какое количество правоспособныхъ прихожанъ явилось на это собраніе.

Вторую стадію соборнаго избирательнаго процесса составляютъ благочиннические собранія, называемыя такъ исключительно для обозначенія выборнаго района, а отнюдь не съ цѣлью облечь выборы членовъ Собора—

мірянъ въ клерикальную тогу. Какъ и въ первой стадіи процесса, выборы въ благочинническомъ собраніи производятся независимо отъ выборовъ клириковъ и внѣ всякаго давленія совнѣ. Если благочинному и усвояются здѣсь нѣкоторыя вспомогательныя функціи, то лишь для того, чтобы облегчить самый выборный процессъ, воспользовавшись готовыми и привычными формами бумажнаго производства и непосредственныхъ сношеній. Вспомогательная роль благочиннаго заключается въ томъ, что, получивъ избирательные акты отъ всѣхъ церквей округа, онъ, соображаясь съ мѣстными условіями и удобствами уполномоченныхъ отъ приходовъ, назначаетъ день благочиннической собранія уполномоченныхъ отъ приходовъ для выбора представителя отъ округа въ епархіальное избирательное собраніе. Предоставленіе именно благочинному установить день собранія уполномоченныхъ отъ приходовъ объясняется желаніемъ упростить производство избирательнаго процесса, такъ какъ созывать уполномоченныхъ для того, чтобы они сами назначили день своего собранія, значило бы обременять ихъ невызываемыми дѣйствительной нуждой поѣздками.

Избирательный актъ въ благочинническомъ собраніи совершается на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, какъ и въ предшествующемъ (приходскомъ) моментѣ выборнаго процесса. Благочинный никакой роли въ этомъ процессѣ не играетъ. Никакихъ стороннихъ вліяній и, тѣмъ болѣе, давленій, конечно не допускается. Свободно составленный актъ объ избраніи представителя въ епархіальное собраніе выборщиковъ подписывается предсѣдателемъ собранія и всѣми участниками онаго и, за печатью благочиннаго, отправляется въ мѣстную духовную Консисторію, для врученія въ свое время предсѣдателю епархіальнаго собранія.

Послѣдней стадіей избирательнаго по Помѣстному Собору процесса является епархіальное собраніе представителей благочинническихъ округовъ для выбора члена Собора отъ мірянъ.

Получивъ отъ благочинныхъ избирательные акты, духовная Консисторія, по предварительномъ сношеніи съ гражданскими властями, устанавливаетъ ближайшій по мѣстнымъ условіямъ срокъ епархіальнаго собранія мірянъ и, по докладѣ о семъ мѣстному Преосвященному, сообщаетъ благочиннымъ для оповѣщенія представителей благочинническихъ округовъ, которые и собираются къ назначенному дню въ епархіальный городъ. Собраніе представителей благочинническихъ округовъ происходитъ въ помѣщеніи по указанію Преосвященнаго. Общій предшествующимъ стадіямъ избирательнаго процесса порядокъ производства выборовъ соблюдается и здѣсь съ тѣмъ только отличіемъ, что на епархіальномъ собраніи избираются три лица: членъ Помѣстнаго Собора и два его замѣстителя на случай, если болѣзнь или другія уважительныя обстоятельства воспрепятствуютъ кому-либо изъ избранныхъ прибыть на Соборъ или побудятъ оставить соборныя засѣданія раньше ихъ окончанія. Актъ объ избраніи члена Собора и его замѣстителей, съ указаніемъ числа голосовъ, полученныхъ этими лицами, подписывается предсѣдателемъ и участниками собранія и чрезъ мѣстнаго Преосвященнаго отсылается въ Св. Cvнодъ для врученія Предсѣдателю Собора по его избраніи.

Такова въ общихъ чертахъ схема избранія члена Помѣстнаго Собора отъ мірянъ. Порядокъ дѣйствій Помѣстнаго Собора Россійской Православной Церкви устанавливается имъ самимъ. Однако, въ виду того, что сужденія и дѣйствія Собора, по общему христіанскому пониманію, мыслятся осѣняемыми благодатными

воздѣйствіями Святаго Духа, для успѣшнѣйшаго воспріятія этого воздѣйствія надлежитъ установить общимъ правиломъ, что начало соборныхъ дѣяній предваряется трехдневнымъ постомъ, исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ.

Высокое значеніе Помѣстнаго Собора для русской церковной жизни, напряженныя долголѣтнія ожиданія этого чрезвычайнаго событія и, наконецъ, общая религіозность русскаго народа, памятующая, что «проклятъ, кто исполняетъ дѣло Господне небрежно» (Іерем. XVIII, 10), склоняютъ къ надеждѣ, что всѣ связанныя съ Соборомъ дѣйствія будутъ совершены съ полнымъ разумѣніемъ серьезности и святости дѣла безъ уклоненій въ сторону неправды, своекорыстія и узкаго честолюбія. А если гдѣ и встрѣтятся проявленія слабости человѣческой природы, ихъ разрѣшатъ сами избирательныя собранія, судъ которыхъ и долженъ считаться окончательнымъ. Поэтому въ установленіи особыхъ правилъ, ограждающихъ внѣшнюю, формальную правильность избирательныхъ дѣйствій по Помѣстному Собору, надобности не представляется. Опытъ перваго Собора покажетъ, какія исправленія нужно сдѣлать въ этомъ отношеніи, и тогда самъ же Соборъ дастъ соотвѣтствующіе регулятивы.

Расходы по созыву Собора и пр.

Помѣстный Соборъ Русской православной Церкви является событіемъ церковнымъ. Поэтому и средства по его созыву должны быть найдены въ церковныхъ только источникахъ. Таковыми могли бы быть спеціальныя средства Св. Сунода и свободные капиталы церквей, монастырей, архіерейскихъ домовъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что расходы по созыву Помѣстнаго Собора

будутъ значительные, но во всякомъ случаѣ размѣръ ихъ не такъ великъ, чтобы искать помощи на сторонѣ, напр., въ рессурсахъ государственнаго казначейства. Правда, Соборъ, оставаясь чисто церковнымъ событіемъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть не только отраженіе, но и глубочайшее проникновеніе во всѣ фибры государственнаго организма, такъ какъ благоустройство церковной жизни отъ мелкихъ ячеекъ ея и до самаго верха неминуемо отразится въ благопріятномъ смыслѣ и на гармонизаціи отечественной общественной и государственной жизни. Съ этой точки зрѣнія не было бы аномаліей, если бы въ дѣлѣ созыва перваго Россійскаго Помѣстнаго Собора, какъ въ осуществленіи долголѣтней грезы лучшихъ русскихъ людей, пришло на помощь и государственное казначейство, тѣмъ болѣе, что плательщиками государственныхъ расходовъ по Собору были бы тѣ же сыны православной Церкви, которые составляютъ ядро русскаго государства. Однако нельзя забывать, что дары обязываютъ. Въ данномъ случаѣ даръ государства въ формѣ денежной помощи на созывъ Собора, несомнѣнно, свяжетъ свободу сужденій участниковъ послѣдняго и, быть можетъ, наложитъ такія обязательства, которыя приведутъ не къ освобожденію Церкви, а къ ея большему закрѣпощенію. Свободная Церковь въ свободномъ государствѣ должна быть далека отъ всякихъ путъ, ее связывающихъ, а тѣмъ болѣе отъ путъ и тенетъ денежныхъ. Вотъ почему положеніе, что на созывъ Помѣстнаго Собора должны быть изысканы только церковныя средства, надлежитъ признать положеніемъ безспорнымъ.

Размѣръ предстоящихъ расходовъ въ приблизительныхъ цифрахъ опредѣляется такъ. Прежде всего, съ точки зрѣнія финансово-церковной, надлежитъ признать безспорнымъ, что Помѣстный Соборъ не можетъ быть

явленіемъ длительнымъ, такъ какъ каждый день засѣданія, при существующихъ условіяхъ жизни, сопряженъ съ значительными расходами по содержанію участниковъ соборныхъ засѣданій. При современной дороговизнѣ минимумъ обезпеченія существованія каждаго члена Собора надлежитъ опредѣлить въ 20 р. на день. Если на Соборъ явятся представители всѣхъ епархій Россіи и заграничныхъ миссій, возглавляемыхъ епископами, — а это не только возможно, но и необходимо, то на Соборѣ будетъ (70×3) 210 членовъ. Къ этой суммѣ надлежитъ прибавить нѣкоторое число свѣдущихъ людей, приглашенныхъ на Соборъ по иниціативѣ самого же Собора. Полагая по 10 человѣкъ свѣдущихъ людей на каждую курію, получимъ 30 человѣкъ. Такимъ образомъ, общее число участниковъ Собора достигаетъ 240 человѣкъ. Содержаніе этихъ лицъ въ теченіе мѣсяца по вышеприведенному расчету [(240×600 (20 × 30)] опредѣлится въ 144.000 р., а въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — крайній срокъ длительности Собора — въ 288.000. р. Къ этой цифрѣ надлежитъ присоединить путевое довольствіе на проѣздъ участниковъ Собора отъ мѣста жительства до мѣста соборныхъ засѣданій и обратно. Полагая это довольствіе въ круглой цифрѣ 200 р. въ оба конца съ возможными варіантами на разстояніе и способы передвиженія, получимъ для 240 участниковъ Собора 48.000 руб. Наконецъ, къ общей суммѣ расходовъ по Помѣстному Собору надлежитъ присоединить кредиты на организацію дѣлопроизводства по Собору и секціямъ, на пріобрѣтеніе канцелярскихъ принадлежностей, на изготовленіе стенографическихъ отчетовъ секцій и общихъ собраній Собора, на напечатаніе трудовъ Помѣстнаго Собора и матеріаловъ, къ оному относящихся, и т. д. Принимая во вниманіе, что кромѣ указанныхъ расходовъ могутъ

встрѣтиться и другіе, предусмотрѣть кои въ данный моментъ совершенно невозможно, слѣдуетъ признать, что кредитъ по 10.000 р. въ мѣсяцъ представляется непреувеличеннымъ. Такимъ образомъ, въ общей сводкѣ, расходы собственно по Собору выражаются въ суммѣ 356.000 или, за округленіемъ, 360.000 р.

Такимъ образомъ, для однихъ только засѣданій Помѣстнаго Собора потребуется кредитъ, далеко выходящій изъ рамокъ обычныхъ расходовъ вѣдомства. Этимъ, однако, не ограничиваются расходы по Собору. Избирательный процессъ также потребуетъ отпуска кредитовъ и при томъ весьма значительныхъ. Первая стадія процесса—избраніе выборщиковъ изъ мірянъ, какъ событіе, пріуроченное ко дню удовлетворенія церковно-религіозныхъ потребностей прихожанъ, не вызоветъ расходовъ. Но уже со второй стадіи—благочинническихъ собраній потребуются опредѣленныя суммы на оплату поѣздокъ выборщиковъ сначала въ благочинническія, а потомъ въ епархіальныя собранія. Размѣръ этихъ суммъ опредѣляется слѣдующими соображеніями, разсчитанными на приблизительное исчисленіе. Въ благочинническихъ собраніяхъ участвуютъ всѣ штатные священно церковнослужители и одинъ представитель отъ мірянъ. Въ предположеніи, что выборы въ епархіальныя собранія уполномоченныхъ отъ благочинническихъ округовъ будутъ происходить одновременно (не вмѣстѣ, а параллельно), получаемъ слѣдующія цифры. Всѣхъ штатныхъ священно-церковно служителей въ Россіи, по даннымъ 1916 года, было 111.617, а приходовъ 42.713. Такимъ образомъ, общее число выборщиковъ, обязанныхъ явиться въ благочинническое избирательное собраніе, исчисляется въ 154.330 человѣкъ. Переведя это количество на число подводъ, въ расчетѣ по два человѣка на подводу, получимъ 77.165 подводъ. На оплату этого количества

подводъ, по расчету 15 р. въ оба конца, потребуется 1.157.475 рублей. Безъ сомнѣнія, эта цифра уменьшится въ виду варіантовъ на разстояніе и способы передвиженія, а также за исключеніемъ изъ числа выборщиковъ грузинскихъ приходовъ экзархата, обязанныхъ въ случаѣ выдѣленія ихъ въ автокефальную единицу имѣть свои средства на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ возможнаго при извѣстныхъ условіяхъ желанія присутствовать на Помѣстномъ Соборѣ Русской Церкви. Но тѣ же варіанты на разстояніе и способы передвиженія въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Архангельская, Олонецкая, Вологодская и др. епархіи, или Сибирь, въ сильной мѣрѣ понижаютъ надежды на значительное сокращеніе расходовъ по поѣздкамъ клира и уполномоченныхъ отъ приходовъ въ благочинническія избирательныя собранія. Еще меньше основаній надѣяться на сокращеніе этихъ расходовъ въ виду того, что многіе выборщики, увлеченные осуществленіемъ идеи соборности, выполнятъ свой избирательный долгъ своими средствами, не прибѣгая къ общецерковной помощи. Въ будущемъ это, можетъ быть, и будетъ такъ. Но теперь, когда среди не только мірянъ, но и самого клира, еще слабо развито чувство общественности, надѣяться на какія-либо самопожертвованія въ осуществленіи болѣе сложной и потому еще менѣе понятной обществу идеи соборности было бы болѣе, чѣмъ рискованно. Наоборотъ, чтобы пріучить общество къ этой идеѣ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, благовременно освободить участниковъ реальнаго осуществленія этой идеи отъ личныхъ расходовъ. Переложеніе хотя бы части этихъ расходовъ на карманъ обывателей было бы и безполезно, и небезопасно; безполезно въ виду отмѣченной уже сдержанности русскаго человѣка въ расходахъ на предметы, не приносящіе непосредственно ощутимой пользы, небезо-

пасно потому, что перспектива оплачивать изъ личныхъ средствъ выборщиковъ расходы избирательнаго процесса можетъ создать стремленіе выбирать представителями не тѣхъ, въ комъ горитъ чистый огонь церковности, а кто можетъ безъ существеннаго ущерба для своего кармана оплатить поѣздки, связанныя съ избирательнымъ процессомъ. Явленіе вполнѣ возможное, но едва ли желательное. Такимъ образомъ, какія бы надежды ни возлагались на возможность сокращенія предсоборныхъ расходовъ, проставленная выше цифра 1.157.475 р. на оплату поѣздокъ клира и приходскихъ представителей въ благочинническія избирательныя собранія, если и нуждается въ поправкахъ, то скорѣе въ сторону увеличенія, чѣмъ уменьшенія.

Послѣднимъ расходомъ, связаннымъ съ организаціей избирательныхъ собраній по Помѣстному Собору, является оплата поѣздокъ уполномоченныхъ отъ благочинническихъ округовъ на епархіальныя избирательныя собранія. По существу этой категоріи расходовъ къ нимъ относится все то, что было сказано относительно необходимости оплаты поѣздокъ уполномоченныхъ отъ приходовъ въ благочинническія собранія. Размѣръ предстоящихъ расходовъ по созыву епархіальныхъ собраній опредѣляется количествомъ благочинническихъ округовъ и примѣрной суммой, причитающейся на путевыя издержки каждому отдѣльному выборщику. По даннымъ центральнаго управленія Св. Сунода въ Россіи имѣется до 3.150 благочинническихъ округовъ. Принявъ во вниманіе, что отъ каждаго округа настоящимъ проектомъ намѣчены два выборщика въ епархіальныя собранія каждой епархіи (одинъ отъ клира и одинъ отъ мірянъ), и положивъ каждому выборщику на оплату путевыхъ издержекъ въ оба конца и на прожитіе въ городѣ примѣрно 100 р., получимъ, что на покрытіе

расходовъ по организаціи епархіальныхъ предсоборныхъ избирательныхъ собраній потребуется 630.000 рублей.

Такимъ образомъ, созывъ Помѣстнаго Собора Русской Церкви обойдется приблизительно въ 2.147.475 р. или, за округленіемъ, въ 2.148.000 рублей. Сумма, безспорно, значительная и наводящая на размышленія, тѣмъ болѣе, что современное церковное хозяйство, въ широкомъ смыслѣ слова, далеко не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, чтобы можно было изыскать указанную сумму безъ особаго напряженія. Наоборотъ, въ этомъ отношеніи надлежитъ ожидать самыхъ серьезныхъ затрудненій. И тѣмъ не менѣе, ради свободы Церкви предпочтительно обойтись своими, хотя бы и съ великимъ трудомъ собранными, средствами, чѣмъ становиться въ обязательныя отношенія путемъ полученія воспособленій изъ средствъ государственнаго казначейства. Мудрая экономія церковныхъ средствъ, все направляющая къ одной завѣтной цѣли—Помѣстному Собору, облегчитъ тяготу положенія и, несомнѣнно, приведетъ къ осуществленію этой цѣли.

Съ точки зрѣнія бережнаго отношенія къ церковнымъ средствамъ надлежитъ отмѣтить, что рѣющая въ воздухѣ мысль о созывѣ новаго Предсоборнаго Присутствія, имѣющаго подготовить матеріалъ для соборныхъ работъ, едва ли оправдывается дѣйствительными потребностями. Опытъ свидѣтельствуетъ, что коллегіальныя учрежденія, какими будутъ и Присутствіе и самъ Помѣстный Соборъ, только тогда работаютъ скоро и продуктивно, если ихъ вниманію предложены обработанные кѣмъ-либо доклады или законопроекты. Такіе доклады и являются той канвой, на которой коллективная мысль собранія вышиваетъ узоръ по своему вкусу и рисунку. Созданіе же законовъ творческой силой самихъ коллегій—дѣло очень трудное,

вязкое и медленное. Между тѣмъ, затягивать соборныя засѣданія на неопредѣленное, болѣе или менѣе длительное, время и, кромѣ того, отягощать скудный церковный бюджетъ созывомъ Предсоборнаго Присутствія, творческая работа котораго, какъ коллегіи, не обѣщаетъ ни быстроты, ни продуктивности исполненія, значитъ все болѣе и болѣе отдалять самый созывъ Собора. Въ цѣляхъ же скорѣйшаго осуществленія этого золотого сна лучшихъ церковныхъ людей представляется предпочтительнымъ вмѣсто созыва дорого стоющаго Предсоборнаго Присутствія ограничиться небольшимъ по численности Совѣщаніемъ, которое намѣтило бы вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію Собора въ первую очередь, а затѣмъ предложить свѣдущимъ лицамъ разработать соотвѣтствующіе законопроекты. Эти законопроекты и будутъ той канвой, на которой Помѣстный Соборъ властною рукою выткетъ картину новой церковной жизни, не стѣсняясь ни кореннымъ измѣненіемъ предложенныхъ его вниманію законопроектовъ, ни составленіемъ новыхъ, соотвѣтственно выяснившимся ко времени созыва Собора требованіямъ момента.

Помѣстные Соборы, какъ и всѣ церковные соборы вообще, суть явленія періодическія, а не постоянныя. По древнимъ правиламъ (Апост. 37; I Вселенск. Соб. 5; IV Вселенск. Соб. 19; Антіох. Помѣст. Соб. 20), Помѣстные Соборы должны были собираться дважды въ годъ. Но потомъ, въ виду разнаго рода затрудненій, было установлено созывать Соборы не менѣе одного раза въ годъ (VI Вселенск. Соб. 8; VII Вселенск. Соб. 6). Затѣмъ и это правило было забыто. Соборы стали рѣдкимъ явленіемъ, не обусловленнымъ никакими сроками. Однако, какъ показалъ опытъ, это отсутствіе сроковъ ведетъ не только къ несозыву Соборовъ, но и къ заб-

венію самой идеи соборности. Поэтому настоятельно необходимо точно установить срокъ созыва Помѣстныхъ Соборовъ Русской православной Церкви. Такимъ срокомъ можно было бы считать *пять лѣтъ* и такимъ образомъ установить, что чрезъ каждые пять лѣтъ въ шестой годъ обязательно созывается Помѣстный Соборъ. Указанное время не такъ длительно, чтобы дать возможность упрочиться накопившимся нестроеніямъ, а съ другой стороны—и не такъ кратко, чтобы нельзя было собрать соотвѣтствующія средства, необходимыя для созыва Собора. Само собой понятно, что указанный срокъ не является чѣмъ-то абсолютно непреложнымъ. Это лишь крайній предѣлъ, дальше котораго уходить было бы неполезно. Но Помѣстный Соборъ, самъ Великій Господинъ въ дѣлахъ церковныхъ, можетъ, по соображенію потребностей времени, указать срокъ созыва слѣдующаго Собора, лишь бы этотъ срокъ не былъ длительнѣе пятилѣтняго періода.

Время года созыва Помѣстнаго Собора каноническими правилами опредѣляется различно. Такъ называемыя Правила св. Апостолъ назначаютъ для перваго въ году Собора четвертую седмицу Пятидесятницы, а для второго — 12 день октября (пр. 37). Карѳагенскій Помѣстный Соборъ установилъ для Собора Африканскихъ церквей 21-ое августа (пр. 84). Первый Вселенскій Соборъ опредѣлилъ первому въ году Собору быть предъ св. Четыредесятницею, «да по прекращеніи всякаго неудовольствія чистый даръ приносится Богу», а второму—около осенняго времени (пр. 5). Антіохійскій Помѣстный Соборъ возвращается къ правиламъ св. Апостолъ и устанавливаетъ для перваго въ году Собора четвертую седмицу Пятидесятницы, а для второго—15-ое октября (пр. 20). Наконецъ, шестой Вселенскій Соборъ полагаетъ быть Помѣстнымъ Соборамъ въ про-

межутокъ времени между праздникомъ св. Пасхи и концомъ октября (пр. 8). Приведенныя справки имѣютъ исключительно историческое значеніе и не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ обязательнаго предписанія уже по одному тому, что онѣ не устанавливаютъ одного опредѣленнаго срока созыва Помѣстныхъ Соборовъ. Этотъ срокъ въ смыслѣ указанія времени года или мѣсяца удобнѣе установить самому Собору. Собравшимся съ разныхъ концовъ необъятной Россіи членамъ Помѣстнаго Собора легче столковаться относительно удобнѣйшаго для нихъ времени соборныхъ засѣданій. Въ отношеніи же къ первому Помѣстному Собору Русской православной Церкви представляется полезнымъ, чтобы Св. Сѵнодъ предварительно указанія срока созыва Собора циркулярно запросилъ епархіальныхъ Преосвященныхъ, когда они, по заключенію мѣстныхъ съѣздовъ духовенства и церковныхъ старостъ и гражданскихъ начальствъ, признавали бы удобнѣйшимъ, въ смыслѣ времени года, созывъ Помѣстнаго Собора. Указаніе большинства было бы наиболѣе приближающимся къ интересамъ справедливости. Установленіе времени созыва Помѣстнаго Собора, оповѣщенное отъ имени Сѵнода и гражданскаго высшаго правительства въ оффиціальныхъ и частныхъ повременныхъ изданіяхъ, опредѣлитъ и сроки подготовительныхъ дѣйствій къ Собору. Но въ концѣ, какъ и въ началѣ было сказано, надлежитъ отмѣтить, что медлить съ созывомъ Собора нельзя, ибо каждый день промедленія является лишней ступенью къ недалекому уже развалу.

Относительно мѣста, гдѣ долженъ быть Помѣстный Соборъ, имѣются каноническія указанія лишь позднѣйшаго сравнительно времени, когда были установлены, такъ называемые, митрополичьи округа. Согласно 19-му пр. VI-го Вселенск. Соб. и 8-му пр. VII Вселенск. Соб.,

Помѣстные Соборы бываютъ тамъ, гдѣ укажетъ епископъ митрополіи. Позволительно однако думать, что въ новомъ строѣ Русской православной Церкви духовные генералъ-губернаторы не найдутъ себѣ мѣста, и самыя названія митрополитовъ и архіепископовъ, если и останутся, то будутъ имѣть лишь титулярное значеніе. Вслѣдствіе этого, указанный приведенными правилами способъ опредѣленія мѣста Помѣстныхъ Соборовъ не можетъ имѣть въ будущемъ практическаго примѣненія. Естественнѣе всего мѣсто соборныхъ засѣданій устанавливать самимъ же Соборамъ. Мѣсто, градъ, гдѣ быть первому Помѣстному Собору Русской Церкви, можетъ установить Св. Сунодъ, по соглашенію съ епархіальными Преосвященными и высшимъ гражданскимъ начальствомъ. Едва ли впрочемъ можно сомнѣваться, что подавляющимъ большинствомъ будетъ названа Москва— этотъ давній центръ русской самобытности и церковнаго благочестія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, **Положеніе о Помѣстномъ Соборѣ Русской православной Церкви представляется въ слѣдующемъ видѣ:**

I. Высшимъ церковнымъ установленіемъ въ предѣлахъ вѣдѣнія Русской автокефальной православной Церкви является Помѣстный Соборъ этой Церкви, созываемый въ сроки и мѣстахъ по рѣшенію самого Собора, но не долѣе, какъ черезъ пять лѣтъ.

II. Помѣстному Собору Русской православной Церкви принадлежитъ безусловная и неограниченная власть: 1) *законодательная-каноническая* а) по дѣламъ вѣры и благочестія и б) по дѣламъ внѣ вѣры и благочестія, предоставленнымъ государственнымъ законодательствомъ исключительному вѣдѣнію Церкви; 2) *высшая распредѣлительная и ревизіонная* въ отношеніи суммъ и капиталовъ, а равно прочаго имущества, признаваемаго госу-

дарственнымъ законодательствомъ достояніемъ Церкви, въ чьемъ бы частномъ распоряженіи это имущество и капиталы ни состояли; и 3) *судебная*—въ отношеніи дѣлъ, поступающихъ на окончательное рѣшеніе Собора въ порядкѣ аппелляціонномъ.

III. Помѣстный Соборъ Русской православной Церкви состоитъ изъ епископовъ, пресвитеровъ и мірянъ.

IV. Въ составъ Помѣстнаго Собора входятъ правящіе епископы самостоятельныхъ епархій и по одному представителю каждой епархіи отъ клира и мірянъ.

Примѣчаніе 1. Отсутствующаго по уважительной причинѣ правящаго епископа замѣняетъ, по его уполномочію, викарный епископъ.

Примѣчаніе 2. Заграничныя миссіи, возглавляемыя епископами, разсматриваются, какъ самостоятельныя епархіи; миссіи и заграничныя церкви, епископами не возглавляемыя, имѣютъ значеніе приходскихъ церквей.

V. Соотношеніе между числомъ епископовъ, числомъ пресвитеровъ и числомъ мірянъ на Соборѣ во все время соборныхъ дѣяній должно быть равное. На мѣсто выбывающихъ членовъ Собора вступаютъ ихъ замѣстители.

VI. Всѣ члены Помѣстнаго Собора пользуются одинаковымъ правомъ голоса. Предсѣдатель Собора имѣетъ при равенствѣ голосовъ—два голоса.

VII. Предсѣдатель Помѣстнаго Собора избирается самимъ Соборомъ изъ числа присутствующихъ на ономъ епископовъ. Объ избраніи Предсѣдателя Собора Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода доводитъ до свѣдѣнія главы государства.

VIII. На Помѣстномъ Соборѣ присутствуетъ представитель государственной власти изъ лицъ по избранію главы государства. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Су-

нода не можетъ быть представителемъ государственной власти на Помѣстномъ Соборѣ.

IX. Представитель государственной власти имѣетъ право во всякое время въ общихъ собраніяхъ Собора и въ его секціяхъ сообщать соотвѣтствующія обсуждаемымъ вопросамъ разъясненія. Въ рѣшеніи дѣлъ представитель государственной власти не участвуетъ.

X. По окончаніи соборныхъ засѣданій представитель государственной власти представляетъ главѣ государства общій докладъ по Собору.

XI. Предсѣдатель Собора имѣетъ право непосредственныхъ и по уполномочію Собора сношеній съ высшими должностными чинами государства. По окончаніи соборныхъ дѣяній онъ представляетъ главѣ государства общій отчетъ по Собору.

XII. Рѣшеніе дѣлъ на Помѣстномъ Соборѣ производится простымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства послѣднихъ, голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

XIII. Формулы соборныхъ постановленій по дѣламъ вѣры и благочестія составляются епископами, но получаютъ силу соборныхъ опредѣленій не иначе, какъ по одобреніи ихъ общимъ собраніемъ Собора.

XIV. Соборныя опредѣленія по дѣламъ вѣры и благочестія воспріемлютъ свое дѣйствіе по обнародованіи ихъ въ соотвѣтствующихъ церковныхъ и правительственныхъ печатныхъ органахъ и имѣютъ для членовъ Церкви силу закона.

XV. Соборныя опредѣленія по прочимъ предметамъ вѣдѣнія Собора приводятся въ исполненіе на точномъ основаніи дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

XVI. Принятыя общимъ собраніемъ Помѣстнаго Собора опредѣленія подписываются Предсѣдателемъ онаго и скрѣпляются Правителемъ дѣлъ Канцеляріи Собора.

XVII. Порядокъ дѣлопроизводства на Соборѣ, размѣры расходовъ на дѣлопроизводство и вознагражденія какъ служащихъ, такъ и членовъ Собора устанавливаются самимъ Соборомъ.

XVIII. Время и мѣсто созыва перваго Помѣстнаго Собора Русской православной Церкви устанавливается Святѣйшимъ Синодомъ по соглашенію съ государственной властью. Время и мѣсто послѣдующихъ Соборовъ устанавливается самимъ Соборомъ.

XIX. Расходы, связанные съ созывомъ и дѣяніями Помѣстныхъ Соборовъ Русской Церкви, покрываются изъ общецерковныхъ средствъ, сосредоточиваемыхъ въ высшемъ финансовомъ учрежденіи Церкви.

XX. Сроки выборовъ членовъ Помѣстнаго Собора изъ пресвитеровъ и мірянъ устанавливаются на мѣстахъ по соображенію съ мѣстными условіями и временемъ созыва Собора.

XXI. Избраніе членовъ Помѣстнаго Собора изъ пресвитеровъ и мірянъ производится по куріямъ независимо другъ отъ друга.

XXII. Никакое стороннее вмѣшательство въ дѣло выборовъ не допускается.

XXIII. Выборы членовъ Помѣстнаго Собора изъ пресвитеровъ епархіальнаго, военнаго, морского и бывшаго придворнаго духовенства производятся на благочинническихъ и епархіальныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго собраніемъ изъ среды своихъ членовъ. На благочинническихъ собраніяхъ, въ коихъ участвуютъ съ равнымъ правомъ голоса штатные пресвитеры, діаконы и псаломщики, избирается, при любомъ числѣ собравшихся, простымъ большинствомъ голосовъ, закрытой баллотировкой, пресвитеръ—выборщикъ въ епархіальное собраніе. Въ епархіальномъ собраніи тѣмъ же порядкомъ избирается членъ Помѣст-

наго Собора—пресвитеръ и два его замѣстителя. Утвержденія выборовъ не требуется.

Примѣчаніе 1. Мужскіе и женскіе монастыри и общины избираютъ своихъ представителей указаннымъ въ сей (XXIII) статьѣ порядкомъ въ то благочинническое собраніе, въ предѣлахъ коего находится монастырь или община.

Примѣчаніе 2. Заштатные священно-церковнослужители, ихъ вдовы и сироты, удовлетворяющіе требованіямъ ст. XXIII, участвуютъ въ выборахъ по куріи мірянъ на общемъ съ ними основаніи.

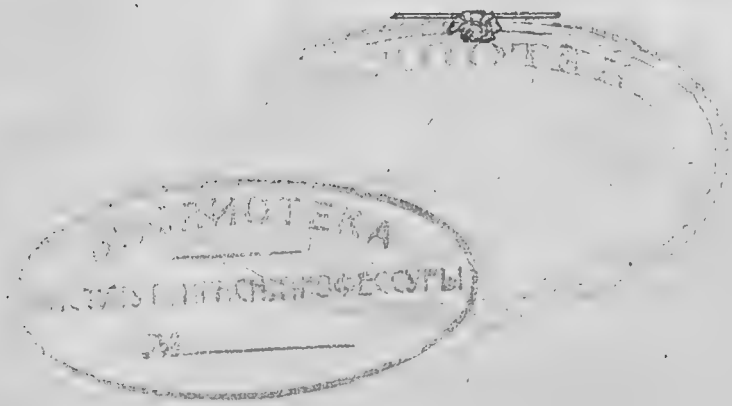
XXIV. Выборы членовъ Помѣстнаго Собора отъ мірянъ производятся указанными въ предшедшей (XXIII) статьѣ порядкомъ а) въ приходскихъ, б) благочинническихъ и в) епархіальныхъ собраніяхъ. Въ означенныхъ подъ литерами *а* и *б* собраніяхъ избираются выборщики въ послѣдующее собраніе, а въ епархіальномъ собраніи членъ Помѣстнаго Собора отъ мірянъ и два его замѣстителя. Утвержденія выборовъ не требуется.

XXV. Разрѣшеніе возникшихъ недоразумѣній и спорныхъ вопросовъ при выборахъ принадлежитъ самимъ избирательнымъ собраніямъ. Постановленія собраній по такого рода вопросамъ считаются окончательными.

XXVI. Выборщиками въ Помѣстный Соборъ могутъ быть лица обоего пола, достигшія 18 лѣтъ для мужчинъ и 16 лѣтъ для женщинъ, грамотныя, православнаго вѣроисповѣданія, бывшія у исповѣди и св. Причащенія.

Примѣчаніе. Установленіе дальнѣйшихъ ограниченій въ смыслѣ повышенія образовательнаго ценза, соотвѣтственно важности избирательнаго момента, или устраненіе отъ выборовъ несоотвѣтствующихъ лицъ, предоставляется самимъ избирательнымъ собраніямъ.

XXVII. Въ выборахъ не участвуютъ: а) лица, не достигшія установленнаго предшедшей (XXVI) статьей возраста; б) члены клира, состоящіе подъ судомъ или слѣдствіемъ по обвиненію въ преступленіяхъ, послѣдствіемъ коихъ является лишеніе сана или исключеніе изъ духовнаго сословія; в) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ или по особымъ правительственнымъ актамъ объ амнистіи; г) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью или за силой правительственныхъ актовъ объ амнистіи; д) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *в* сей (XXVII) статьи или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности; е) подвергшіеся несостоятельности впредь до опредѣленія свойства ея; ж) состоящіе подъ опекой; З) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; и) лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды обществъ и собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежали; і) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности; к) явные прелюбодѣи и л) неграмотные.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Россіи къ первой четверти XX столѣтія . .	1
Преобразовательныя начинанія Св. Сунода (Предсоборное Совѣщаніе и Предсоборное Присутствіе)	6
Вопросъ о соборности въ освѣщеніи Предсоборнаго Присутствія	10
Догматическое основаніе соборности	13
Догматико-историческіе примѣры соборности	18
О власти Помѣстнаго Собора	31
Положеніе Св. Сунода въ системѣ государственныхъ учрежденій	40
Существенныя черты церковнаго законодательства	46
Догматическое законодательство	52
Каноническое законодательство	56
Смѣшанное законодательство	65
Ревизіонная и судебная власть Собора	68
Патріархъ	75
Предсѣдатель Собора	82
Составъ Собора: а) епископы	84
б) пресвитеры и порядокъ избранія ихъ на Соборъ . . .	86
в) міряне и порядокъ ихъ избранія на Соборъ	92
Расходы по созыву Собора	110
Проектъ Положенія о Соборѣ	120